

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

4. 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8.

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологи-
гий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магомадов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81

E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru

Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

СОДЕРЖАНИЕ

НОХЧИЙН МЕТТАН ШО

Аюб ДЖУНАИДОВ. *Дайн лорах*. Дийцар.2

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ. *После землетрясения*.
Драма в двух частях.26

ПАМЯТЬ

Казбан ИНАЛКАЕВА.
Поклонитесь матери солдата. Очерк.62

ДЕБЮТ

Абубакар БИКИЕВ.
Пропашедому без вести другу. Стихи.65

ПРОЗА

Имран ИСМАИЛОВ.
Линия судьбы. Документальная повесть. *Окончание*.69

ПОЭЗИЯ

Шарип ЦУРУЕВ. *Матери*. Стихи.18
Магомед АЛЬБИЕВ.
Песня гор. Стихи.93

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Саид МУСХАДЖИЕВ.
Шейх Мансур в адыгском фольклоре.99

ПУБЛИЦИСТИКА

Залпа БЕРСАНОВА.
Сын полка.104

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

izdatel_dom_chr

izdat_dom_chr95

*Нохчийн меттан Шо***Аюб Джунаидов****Дайн лорах**

Дийцар

Сан кхо бутт болуш ца валийна со Гиргизера. Кхетгал хилчахана сан а, сан хенара болчеран а лерсино схьалаьчна, хИнца а тхан изсера дIадовлаза ду цу махках тхан дайша дийцинарш. Аганан гIаж буйна а кьуьйлуш, бIаьрхиш Iенoш, йилхинчу сайн ненан аз хИнца а сайн лерехь декаш хета суна. Кхо доьзалхо (шала вина ши ваша а, йиша а) Гиргизойн махкахь дIакхелхинера. Суо воккха мел хуьлу а, дуьззина цуьнан маьIна дан Iемира суна. Уьди-Пала ирзешка гулбеллачохь, дадагара а изза дуьйцура. Ткьа сан ден нийсархой гулбелча, церан шайн кьамелаш хуьлура. Сибарехахь йаьккхинчу кхойтта шеран заманахь коьрта гIайгIа-бала шайн букьа тIехь а, коьртехь а лайна чкьор дара иза. Уьш дерриге а луьттуш, вовшашца дустуш, уьш йух-йуххе доккуш, кегайора ас даима а сайн ойланаш. Цара ца хопура, маьрша ца йуьтура дог-ойла. «Ванах!.. Цара ма дукха хьехабо и мохк?! Сел-бесса, цигахь хIун дисна-те церан?! Цкьа а чехк ма ца довлу церан и кьамелаш?! Итт шарахь а... ткье итт шарахь а... шовзткьа шарахь а – даима а и цхьаь дуьйцуш муха Iа-те уьш?!» – иштта хуьлура со санна болчеран гуттар а хIуьттуш долу хаттарш. ХIорамма а жоп шен-шен кепара лора.

1944-чу шарахь дара иза. Шийлачу чиллин беттан ткье кхоалгIачу буса меттара а гIиттийна, дIагулдара: стаг, зуда а, жима, воккха а. Даьхнилелочу шийлачу вагонаш чохь, стенга дуьгу а ца хууш, махках дехира. Кьаналла цалайнарш, шелоно чакхийнарш, сингаттамо иэшийнарш некьан бохалла алсамбуьйлура. Цайевзачу станцешкахь церан декьий лай тIе охьа а доккуш, дIахира хIетахь. БIаьргашна а, дегнашна а и суьрташ дицдала ца туьгучарна тахана а уьш хьехо лаьа. Кьаьсттина дедайн кьамелашкахь хезара уьш. Молха-дарбанна, йуучунна-молучунна таро йеш, некьаца бала лайначийн кьамелашкахь иштта гIайгIа алсам хезара. Дерригенах а кхета иэс доцуш хIетахь хиллачу берийн а хИнца шайн ойланаш кхиьна. Тахана деха чкьор Гиргизехь дуьнен тIе даьлла ду. Кхойтта шере кхаччалц цигахь дIаахана церан бералла, жималла, кьоналла а. Цундела цара мерзачу дагалецамца ойланаш йо цу хьокьехь.

Сан паспорт тIехь иштта йоза ду: «Вина меттиг: рудник Чаувай Уч-Корганского района Ошской области Кирг. ССР». И меттиг йара-кх кхузткьа шарахь сан са-амал кхачийнарг. И меттиг йара хIор сахьтехь, хIор дийнахь со цига дIакхуйкхуш, дIаййзош. Делан лаамца бен ишттаниг хила йиш йоций хаьара суна...

Эххар а цига ваха новкьавелира со 2018-чу шеран хьаьттан беттан 12-чу дийнахь. Цхьа шо хьалха Гиргизойн махка вахана веанера Шоьнара Халилан

кІант Мусхъаб. Цуьнца цхъаьна цига ваха Іалашо йолуш, Гуьмсехь цІерпошта тІе хиира тхойшиь. Къизалло дуьне ма-дду йаржийна тхешан дайн лараш талла, церан цІерш карлайаха, уьш Іамо, барз боцчу кешнийн билгалонаш лаха, дайн уьйраш йовза, Делан цІарца нигат а дина, бан лерина некъ бара оха йуьхъарлаьцнарг.

ШолгІачу дийнахь, сарахь, Аштаркханан махкарчу Аксарайск станцехь кхечу цІерпошта тІе хиира тхойшиь. Москохара дІа Таджикистанан Худжанд гІала йоьдура иза. Кхаа дийнахь-буса некъ бича, кхочура иза оцу станце. Казахстан ... – Узбекистан... – Таджикистан ... – Киргизстан... Иштта бара оха бан беа некъ. Генара мохк... хийра къам... аьрха Іалам... шога хІаваь... йевзаш йоцу малхбале, нацкъара малхбузе... хьан къоман доцу даарш... кхин чам болу хиш... Мел дара уьш, хьан синна а, бІаьргана а цадевзарш, энжаде хетарш?! ЦІерпоштан корах арахьоьжуш, «тІак-тІик» дечу чкъургийн йеттайалар дагардеш, и чаккхармашка дохкуш, дІаоьхура хийрачу махка. ГІамарийн аренашкахь можа саьлнаш, дакъаделла муш-дигташ, эмкалийн къепалш, говрийн реманаш – оцу хийрачу мехкан битамаш бу уьш. Дехъа-дехъа мел волу а, хийцало мехкан битамаш: бамбин аренаш, кемсийн таьллангаш, туьркийн, шапталийн бошмаш, хин татолашца паста-хорбаз... Эххар а шера аренаш, йоьрзу-у-уш, лаьмнашка йирзира. Чан... къахь... кІур... стигала ирхдаханчу лаьмнийн дІашардина баххъаш: шахьташ, маьданийн шатайпа хьожа, кира лелочу машенийн гІовгІа... Уьш массо а дукъуш, нуьцкъалчу лелхарийн, лаьмнаш дегош, даьржа дур-р. Оцу дерригенна а тІехула хьийзачу Іаьржачу хьаргІанийн вой... Маржа-йа!.. ДІа ца кхочу-те?! Ма беа некъ хили хьо... Пекъарш-йа!.. Бигна хилла-кх... йалсаманин мехкех тІех а бохуш... жоьжахатин боьра... саьрмакан новкъа... дІабигна хилла-кх!.. Къацахетарша... ДІа ца кхочу-те хІинца мукъане а?! Йист йан а йуй хьан, хІай Къизалла?! Тоьур ду ахь лестийна тур!.. Стенна беке винера со, дуьнен тІе а валале, кхойтта шо хьалха?! Хьомсара сан Нохчийчоь ийман доцчу нахана дагайоьхнера?! Сан Даймохк ма бу иза!.. Суна хІара неханиг санна, хийра хІунда бац царна сан мохк?! Сталинан йовсарш!.. Жиргачу буьнара жигара пхьуй!..

Стохка Мусхъабна вевзина хъаша вара, тхуна дуьхьалвогІур ву аьлла, тхо лардеш. ГІиргІизерачу Исфана гІалахь вехаш волу Іумар-Іела вара иза, ша узбек а волуш. Вуно оьзда а, хьекъале а кІант хиллера иза. Мусхъабна Интернетехь вевзина хиллера Іумар-Іела. Цхъацца хаттарш деш, Мусхъаб къамеле ваьлча, ша хьошалла дийр ду аьлла, ша волчу кхайкхинера цо уьш. Мусхъабца Шоьнара Махьми а, цуьнан кІант Ломбетар а хиллера. Исфанахь дІавоьллина ву Мусхъабан деда Къурба. Цунна чурт догІа Іалашо йара Мусхъаба дагалаьцна. Сихха Худжандехь беахачу таджикашца цунна и чурт кечдайта барт а бина, тхо Исфана боьдучу новкъа девлира. Хила догІучу кепара шина а пачхьалкхан дозанашкахь йолчу таможеннийх чекх а девлла, дІадахара тхо.

ГІиргІизе!.. Маржа ГІиргІизе-йа!.. Эххар а кхечи со хьан хьаьрма... Кхузткъа шарахь сов сан лерсино лецна дош!.. Сан лерехь а, маттехь а чІагІделла, гІаннабаршца а цхъаьна суна дуьхьалхІиттина дош!.. Марзделла... «чаьмза» дош... Маршалла ду хьоьга... хІай «хийра» «хьоме» мохк!.. Муха йаккха-те ас хьан цІе! Хьан хІаваь чууьйзуш, хьан шовда молуш, хьан лаьттахь кхиййна

йалта-стом бууш, церан цинцех ненан кийрахъ гулдина, чархаш вовшахтесна, дуьнене кховдийна ду сан а, эзарнашкахъ со санначийн а догІмаш... Тахана дуьненахъ дехачу нохчийн къоман ах гергга болчеран догІмаш... Хьан стигал кІелахъ кузткъа шо хьалха кийра диллина са ду, дуьне мел ду, со идориг а! Хьан сих хьаса болуш, хьан мехкан амалх зирх болуш, хьан лаьмнийн мокхазан тІулган маьІданийн муьста чам кийра боьлла, дуьнен тІе ваьлла со. Муха кхайкха-те со хьобга?! Ас муха йаккха-те хьан цІе?! Кхо бутт сайн кхачале ваьлла со хьан кевнехула ара... Карахъ-куьйгахъ а доцуш, дестечо меран бер санна, дІахьажийра со... ХІинца йухавеана... къежвелча... Шина новкъа веана со хьуна тІе: цхьана новкъа – «хийрачу» махка воьду бохуш; вукху новкъа хьабжча – «Сайнмахка» воьдург а хилла!.. Со веана-кх... Бартбийр бу вайша... тІеэца со... хІай ГиргІизе! Со... «мехкан» воцу «хьаша»!..

Дукха гена довлале Лейлякски районан дозане кхечира тхо. Цу чу йогІура Исфана гІала а. Іумар-Іелас дийцарехъ, бІе чаккхарма некъ бича, цуьнан хІусаме кхочур ду тхо.

Хьабтган бетган тов хьийзачу арахъ йовхоно дукха ницкъ ца бора. ЦІеначу «Джиппан» кораш а диллина, ба-айн чухьобкхучу махах дегІана там а хуьлуш, дІадоьлхура тхо. ХІокху мехкан Іаламатех къамелаш дора Іумар-Іелас. Тамаш а беш, ладоьгІура оха. Къабсттина чІогІа лерина йийца лаьара цунна Узбекистанехъ йолу Самарканд гІала. Оцу станцехъ сахьтехъ гергга тхо лаьттина хилар а Іумар-Іелина хьара. Самаркандехъ пхеа шарахъ институтехъ дешна а хиллера цо...

Делкъал тІаьхьа Іумар-Іелин хІусаме дІакхечира тхо. Вуно лерина тІеийцира тхо. Цхьа кІира гергга хан йара цара тхо ларден. ХІусамнана а, кІант а, йоІ а, нус а – массо а вара доггах хьийзаш. Сихха комаьрша шун хІоттийра тхуна. Оцу балхо дагах гилгашдохура. Тхьаш хийра цахетар хааделла, сапаргІат хилира тхо.

Малхбуза-ламаз дина девлча, Іумар-Іелас кешнашка дигира тхо. Мусхьабан деден, Къурбин, кошан борза тІехъ Йасин а дешна, чудахара тхо. Тховссехъ мовладдешийталаам болчу Мусхьабан дехарца кечамбаран гІуллакх дІадолийра оха. Сихха эцна балийра уьстагІ. Кхиболу кечам а церан кегийраша, тхуна кхин хало ца йеш, вовшахтуьйхира.

МаьркІаж-ханна кхайкхинера мовладе нах. Молла а схьакхечира. Кадыров Ахьмад-Хьабжица Бухарехъ дешна а хиллера иза. Мохьмад-Керим Іумар-Іелин захал вара: цуьнан йоІ Іумар-Іелин кІантехъ хиллера. Иштта и болх дІа а берзийтина, буьйса йуккъе йаххалц тхобца луйьш-олуш а Іийна, мовладе баьхкинарш дІабахара.

ШолгІачу дийнахъ гІурбанан Іийде дахара тхо. Мохьмад-Керима тІехьехна дара тхо: Исфана гІалахъ имам вара иза. ГІалин майда йара ламазна кечийна: ши эзар сов стаг вара жамІатехъ. Кадыров Рамзанан махкара хьеший – нохчий – ду бохуш, шена йуххе баьрче а ваьккхина, лерам бира тхойшинна. ГІалин, кІюштан хьабкамаша а, Іеламнаха а, ша-ша тІеобхуш, маршалла хиттира тхобга.

Оцу дийнахъ гІурбанна кхин цхьана уьстагІна урс а хьабкхна, сарахъ мовлад дешийтира Мусхьаба шайн беллачарна тІера.

КхоалгІачу дийнахъ, Іуьйранна, хьалххе новкъадевлира тхо. ХІинца сан са

лаьтгачу Чаувай боьду некъ бара оха йуьхьарлаьцнарг. Хьешашна гIуллакхдан йукъ йихкина волу Iумар-Iела кьар а ца велла, цуьнан машинахь дIадахара тхо. Гена некъ бара оха бан безарг. ЙиьбIе чаккхарма сов некъ бича, кхечиара тхо Кадамжай: хIинцалерачу кIоштан коьрта йурт йу иза. Хьалха Молотовски район хиллера цуьнан цIе. Сталинан дарж а, цIе а йоьхча, Уч-Коргански аьлла, хийцинера кIоштан цIе. Сан кехаташ тIехь йазийна а йу и цIе. Ткьа хIинца цунах Кадамжайски кIошт олуш хилар а тхуна довзийтира. Кхузара дIа шовзткьа чаккхарма гена, Тянь-Шанан лаьмнийн чIожа дIадаха дезаш хиллера тхо. Кадамжай эвла йистехь вехаш цхьа таджик хиллера – Iумар-Iелин хьаша – Расул цIе а йолуш. Расул цIахь ца карийча, цуьнца зIене ваьлла, Iумар-Iелас тхан некъан Iалашо цунна дIайовзийтира. Кхана Iуьйранна шен хIусамехь тхо лардан тIелецира Расула. Бакьду, кхидIа бан безачу некъан сурт ца хIуттура суна хьалха. Iумар-Iелина а Чаувай йовза муххале а ца йевзара, ур-атталла йуьйцу а ца хезнера. Ас оцу йуьртан цIе забарца йоху бохуш, Iара иза. Некъан бохалла йух-йуха хоттура цо:

– Вай стенга доьлхура-а?! Оцу йуьртан цIе муха йара-а?!

– Чаувай!.. – кIорда ца деш, хIоразза а жоп лора оха.

– Ча-у-вай!.. Чау-чау вай-вай!.. Чау!.. Вав!.. – иштта, хьалхий-тIаьхьий шена хета-хетачу куьцара и цIерш а йохуш, машенна урхалла дора цо. Тхо дуьйлура.

– Iумар-Iела, хIинца-м суна а ма Iемина и цIе... Хьуна ма хала Iемаш йу иза!.. – олий, Мусхьаб а йукьавулура. – Хьуна хIара шайн мохк бовза а бевзий?

– Аш, со хьийзош, бегашна йоккху и цIе... Ма-йарра нийса йаьккхича, йевзар йара суна... – цатешарца дуьхьал забарш йора накъосто...

Расулан лулахо вара шен кевнехь лаьтгаш. Iумар-Iелас хьал-де шега хаьттича, кьамеле велира иза. Цо дийцира тхуна Чаувай боьдучу некъах. Цу йуьртагь мила волчохь тхо совца мегар ду а элира. Иза йуьрта йистехь вехаш волу воккха стаг Ядгор хиллера. Чаувайра «Ртутькомбинатан» тIаьхьара хилла волу куьйгалхо а хиллера и таджик.

Расулан кертахь малхбуза-ламаз а дина, тхо новкъадевлера.

Тянь-Шанан роьган, Памиран ламанан кIожан тогIехула хьалабоьдура тхан некъ. Аьтту агIор охьадогIучу ламанан чехкачу хин гIовгIа хезара. Тхан дайша дийцина Сай олу хи долчух тера дара иза. Чаувай йуьрта йистехула догIура цунах дIакхеташ долу ламанан кхин жима хи а. Некъан шина а агIор гучу лаьмнийн баххьаш, стигалах хьалагIоьртина лаьтгаш санна, хеталора. ХIинца куьркара арахьаькхна моьттур долуш, даьгна, мажделла гора цхьацанхьа раьгIнаш йина латта: ширачу шахьташ чуьра цхьана заманахь арахьекхна маьIданех бухайисна, кхагарйоьлла овкьарш хиллера уьш. Цхьацанхьа Iаьржачу лаьмнийн раьгIнаш гучуйовлура. Суна цкьа а бIаьрга ца дайна сурт дара гуш. Ломара охьа сихделла догIучу Сайн тогIи чохь леккха ирхдахана гIаргIанаш а, церан асанца хаало бецан сеналла а ца хиллехь, хIокху махкахь цхьана а тайпана дахар дан а дуй-те аьлла, хетар дара. Ткьех чаккхарма тхо лам чу хьаладахча, йурт гучуелира. Некъа йистехь Iеначу хина йуххехь севцира тхо. Ломан когашкара схьаIийдало шовда тIех шийла дара. Чаувайх дерг хатта кхин стаг ца нислуш, и жима йурт а чекхийелира. Тхо дIабоьхура. Моьттур дара, хIара мохк а бевзаш, тхо дIахецаделла. Iумар-Iела а дикка шеко йолуш вара,

нийса доьлхий-те бохучунна. «Вай-вай, Чау-вай!.. Чау-Чау, вай-вай!» – бохуш, некъан бохалла тхуна «хъех-мерах» чекхйаьлла шен «зурма» а лобкхуш, машин сихйинна, вьодура иза.

– КІентий, иштта йурт хЮкху махкахь цахиларх со хІинца теша вьолла. Ткъе итг чаккхарма некъ бина вай, ткъа йурт гучуйолуш йац!.. Чау-Чау-вай!.. Чау-Чаувай!.. – йуха а вистхилира тхан накъост.

Эххар а, йоккчачу хъаьвзаргах тхо дІатуьллушехь, кхаа кога тІехь лаьтгачу некъан билгалонан сурт гучуиккхира аьтту агІор некъан йистехь. Цунах ца тешна, бІаьргех куьйгаш а хъаькхна, йуха а хъаьжначу суна даккхийчу кІайчу элпашца йаздина йоза дайра, шера дешалуш. Сан дегІе зуз хъаьдира... «Гар-р» аьлла, дегийра сан дог... цхъабосса шело, йовхо хъаьдира дегІе... Чкъургаш такхийна, тогІе чохь йоккха гІовгІа йоккхуш, машин йуьстахтесира Іумар-Іелас.

– Чау! Чау!.. Вот он Чаувай!!! Вижу Чаувай!!! – бохуш, мохь бетта велира иза.

Тпаккха бен, дуьззина маьІна а девзаш, и дош деша а ца делира соьга, оцу суьрто шовкъе варна. Сихха охъадисина, гергахъа гІоьртира тхо. ГІиргІизойн маттахь хиллера цу тІера, «Марша догІийла шу!» аьлла, Іумар-Іелас дешна йоза. ХІинццалц суна бевзина боцчу синхаамаша йукъаьхарчийра со. Цигахь суьрташ а даьхна, дІадахара тхо... Тянь-Шанан ломан чЮжа...

Дуьненан йист хІара йу-те аьлла, хеталуш, лекха дара лаьмнаш, стигал а ца гуш.

ДІаоьхура со... Кхузткъа шарахь сайна мел хезнарг а, кхузткъа шарал хъалха... кхин кхойтга шо хъалхалерачух сайна мел хезнарг а коьртехь изделира. Ойланийн дуькьачу дахкаро кхолийра сан изс. Кхуза вогІур ву аьлла, сан ойла сецначу дийнера схъа хЮкху шина баттахь суна хІиттинчу бІарлагІех цхъайерш йевзара суна, аьттехъа а тера доцург а хІуьттура дуьхъал... ДІаоьхура со... Эзар кост ду суна тІедиллина: хІара – дІаала, важа – схъаала, цхъаь караде – важа лаха... Сан некъан тІоьрмиг чохь дукха кехаташ ду йиша-вашас соьга делла, дийнна тептарш а-м ду, йукъахь шайн суьрташ а долуш. Некъан йистошца гучудуьйлучу адамах хаттарш хІуьтту сан ойланехь: «ХІара мила ву-те, кхуьнан цІе муха йу-те?» – бохуш.

Новкъа валале хъалхарчу буса Гуьмсехь МІаьнигІеран Ваха волчохь гулделира тхо: Джалавди, Сайд-Іалви, НогІи, Сайд-Ахьмад, иштта кхиберш. Дукха довзийтира, хъехийра, тІедехкира... Царах цхъадерш довзийта лаьа суна... безамна тІаьхьенна дисийта.

Цара дийцира:

– Чаувай чукхачале, цхъа чаккхарма лахахь, Чилтан кІотар йу. Ломан чЮжара ара ма-велли, оцу йуьртана чувулучохь аьтту агІор, даккхий кешнаш ду. Уьш йукъара кешнаш ду. Оцу кешнашкахь дІабоьхкина нохчий, узбекаш, гІиргІизой бу. Цара чуртана тІулг ца бугІу. Цу чохь цхъана коша дІайоьллина йу МІаьнин нана Гакали а, Вахин нана Заибат а. Оццу кешнашкахь дІавоьллина Іумаран да Іабдул-Керим а ву... Церан чарташ карадой хъажалахь...

– Чаувай шина кІотарх лаьтта: лахахь – Чилтан йу, ткъа лакхахь Ясная Поляна, – дуьйцура Сайд-Іалвис а, Джалавдис а. – Лакхарчу кешнашкахь дІавоьллина Сайд-Селим ву, ИсрахІиман кІант. Цунах БонтІий олура. Герггарчу хьесапехь, 1955-чу шарахь дІакхелхинера иза. Цуьнан чурт лаха!.. 57 мм. стоммий

биргІанаш а йийгІина, царна тІе 6 мм. стоммий серий а хьарчош, йина керт хила йеза цуьнан кошана гонаха... Оццу кешнашкахь дІавобљлина ву Музаев Іусман, ГІоьрдаларчу ХІаронан ваша... Йа 1955-чу шарахь, йа 1956-чу шарахь дІакхелхинера иза...»

И кешнаш талла лаам болуш со-суо а вара, хІунда аьлча сан шалавина, Сираждед воккха ши ваша а (Хьасайн, Хьусайн цІерш йолу), Серижел жима йиша а – уьш кхоь а дара цигахь дІавобљлина...

Кызыл-Кыя гІалина а, Уч-Корганна а (хІинца Кадамжай) йуккьехь йолчу Кызыл-Шура олучу йуьртан кешнашкахь дІабобљкина хиллера: Мадаган кІант Исраил а (Дула), Джабраилан вежарий Межди а, Шайх-Мохьмад а, Хелакьан кІант Адам а (Сайд-Ахьмадан ненан Байанатан да)...

Новкьа валале масех де хьалха, кхайкхина, Джалкхе вигира со: Мисарпашин хІусамнана, Шумисат, хиллера цхьацца кост дан лууш. Шайна бевзинчу, мерза гергарло лелийначу нахера хьал-де хаа лууш лелара иза а, цуьнан кІант Мухтар а. Цу заманчохь Уч-Коргански райисполкоман председатель хиллера Мисарпашин доттагІ Гульматов Урайм. ХІинца цуьнан кІант Гульматов Мурад Ураймович хила веза цигахь вехаш. Цаьргара хьал-де хаа лаам бара Шумисата суна тІебиллина...

Новкьа валале бохуш, цхьаберш суна тІе а обхура, дукхахболчара дІакхойкхура, хІунда аьлча, Чаувайхь са а, дог-ойла а лавтташ болу нах берриге а сол баккхий нислуш бара.

Иштгачу ойланца Гребенске вахара со цхьана дийнахь. Мохьмаде а, Имране а хаам бинера ас хьалхарчу дийнахь. ШаІаранин жимахволу кІант Ахьмад волчохь гулделира тхо.

– Дала Шен дуьхьа лорийла ахь хьега тІелаьцна кьа!.. Дукха хІума дІалур дара ас, хьобца тахана цига ван сайн гІора хилийта. ХІинца иза эрна кьамел ду, ас дича а. Дукха гергарлонаш диси цигахь, дагна хьоме а, мерза а хилла долу йиша-ваша дІа а доьллина, цІа даьхки. Хьеший мел бара?! Дуьненан меха вара Курбанбаев Талавай, цуьнан жимахволу ваша Эргеш. ГІиргІизой бара уьш. Массо а нохчийн доттагІий бара уьш... Церан некьара вара Кхойкхул. Цуьнан кІант Абуваид сан ден (ШаІаранин) кертахь Іаш вара, тхо цІа даьхкинчул тІаьхьа.

Уч-Корганера хьалавогІуш, Чаувайхь дуьхьарлерачу ирхонехь хин хьера йара бохуш, дуьйцура Ахьмада. Оцу хьерана аьрру агІор Мурад-акан цІенош дара, царна гергахь цуьнан вешин Жафаран керт-ков дара. Иза ШаІаранин доттагІ вара. Жафаран кІант Амамбай а, Мурадан кІентий Тавалда, Кхутали, Адди – уьш АхьмадгІеран хьеший бара.

Цул сов, Ахьмадна лиира шен нийсархойн массеран а цІерш йаха, уьш цуьнан классехь дешна бара:

1. Чернышевы Виктор и Геннадий; 2. Ласевская Люся; 3. Коннонова Галина; 4. Полтарацкая Валя; 5. Зинаулина Зоя (татарка); 6. Докина Зоя; 7. Лебедев Жорка; 8. Агапов Михаил; 9. Авотина Валентина.

Кьаьсттина деган айьамца хьехавора Ахьмада Чилтанехь вехаш хилла волу Артыкхбай. Илес, Іусман ши кІант хиллера Артыкхбайн. И шиь Джунайдан кІентан, Сайдин, ши доттагІ вара. Уч-Корганера хьала вогІуш, Чаувай

хъалакхача бархІ чаккхарма йисча, цхъа шахъта йара. Цигахъ вехаш вара Аназар цІе йолуш воккха стаг. Иза Таьштин чІогІа дика доттагІ вара.

Металлургически заводан директор вара Шулудков, Таьштица чІогІа мерза йукъаметтиг йолуш а вара иза. Ткъа цуьнан хІусамнана Пая Таьштин хІусамненаца (сан нана Таа йу иза), ши йиша санна, мерза гергарло долуш йара.

Чаувайн эвла йуккъера Ясни Поляне хъала воьдуш, некъана аьрру агІор лаха чохъ бехаш Исис-Йуьртара нах хиллера. Цигахъ хиллера ИсрахІман хинхъера а. Царал лакхакъ, некъо голатухучохъ, аьрру агІор деккъа ШаІаранин цхъа дакъа дара, ткъа цунна тІехула, аьтту агІор, хъала мoggІара керташ йара: Селамсолта (аьккхи), ШаІаранин кІант Хъусайн, МІаьни, ЗІака, Таьшта, Сайда, ИсрахІм.

И дерриге а дуьйцуш, къийлавеллачу Ахъмадан дог эххар а кІадделира. Хих бІаьргаш а дуьзна, мочгІалш а дегош, дийхира цо:

– Аюб (Килаб)!.. ладогІахъа кхин цкъа а!.. Ясни Полянин лакха коьртгехъ ду, хъуна, нохчийн кешнаш. Некъал сехъа, аьтту агІор, ГІансолчуьра Іаладин керт йара. Оцу кешнашна уллехъ, лаьмнашна букъ а берзабай, дІахІотта. Дикка лакхакъ, ламанан тІулгашна йуккъехъ «Кхо тІулг» олуш цхъа бІаьрла меттиг хила йеза, хъуна. Ши тІулг ирахъ, ткъа кхоалгІаниг – цаьршинна тІехъ... И меттиг а лоцуш, даккхий, хъайн сурт далахъ суна!.. Хезаш вуй хьо?!

Ахъмадан къамел, дог кІаддаларна, лагІделира.

Дукха бара луурш, кІеззиг дацара царна дагадоьхнарш а!

Шоьнахъ йеха ИсрахІман йоІ Асмаь (дас Чиба олура цунах), ИсрахІман кІентан Сайд-Ахъмадан хилла хІусамнана Хъавраь (Абувелидан нана). Цаьршимма цхъана дийнахъ сарралц дІа ца хийцира со. Дукха девзара царна, хъоме мел хетарг хъехо лабара. Уьш дийца йаьлча, тІоьрмиг чуьра хъаладаьккхина, цхъа доккха сурт кховдийра соьга Асмаа. Чаувайхъ ишколехъ хилла цуьнан класс йара иза. Хъехархо Анна Ивановна йуккъехъ а йолуш, ткъех бер дара суьрта тІехъ: нохчий, гІиргІизой, узбекаш, оьрсий... ХІораннан цІе йазьеш, мoggІа бахбайтира Асмаа. Цунна тамаш хетта болу цуьнан накъостий хІорш бу:

1. Абдулхакимов Абусайд; 2. Духцаев Лом-Іела; 3. Ибрагимов Зауди; 4.Василий; 5. Николай; 6. Леид (Бургин ваша); 7. Аьккхийн кІант (цІе йицьелла); 8. Магамгазиев Мохъмад (Мескитара); 9. Джабаев Салавди; 10.Дошкуева Асмаь; 11. Бекиева Курса; 12. Бучала (Цулин йоІ); 13. ПІумки (Косумова Мереман кІант); 14. Мидалишева Аманта (Луьин йиша); 15.Баьлсет (Пашин зуда); 16. Дадаг (аьккхи); 17. Бибиг (аьккхи); 18. Дукин Саламун йиша (цІе дага ца йогІу); 19. Косумова Човка; 20. Лорсхаджиев Хъамзат (Шамсудан кІант).

...Махъмудан йоІ, Човка, йеанера, шен ваша НогІи а валош. Шен-шениг хъехадора цара а. БІаьргех йовлакхан тІам а хьоькхуш, дагаоьхурш хъехадора Човкас. Дикка цул жима воллушехъ НогІина а Чаувайра дукха хІуманаш девзара.

– ДзabalгІарна тІехъахъ, татола йистехъ дара тхан цІенош. Цкъа Махъмуд вара Іежийн синтарш доьгІуш. Цунна тІейаханчу ас, сайга а цхъа синтар догІийтахъара аьлла, дийхира дега. Махъмуда кІаг боккхуш, охашимма доьгІна дитт хила деза, хъуна, цигахъ... Хъала а кхиьна, дукха тайна Іаж бара иза, буйннал даккхий цІарула-цІен Іежаш а латош. Сайчунна, татол

чуъра хъаладохуш, хи дуттура ас, цундела чехка кхира иза... – сеца а ца деш, дАдийца лаъара Човкина, кхиболчарна а санна. Цъхатерачу ойланаша къыйзадора хЮраннын дог а, са а...

Шина-кхаа сахътехъ тхоща а Ийна, ша дАйаха хъалагІеттича, шен тІаьхъара лаам суна тЕбиллира Човкас:

– Ца дахка кечделла, ДжабраилгІаьрга гулделла Іара тхо. Суьйрана, Іаржйалале, дара иза. Церан чохъ лехна, маж йошу урс а карийна, тІаккха, йедда, тхайн беша йахара со... – аз а дегош, дуйцура цо. – ХІинца ас хъехо кІеззиг хІума-м ду иза, тхан цІийна тІеххъахъ цхъа къона гІаргІа дара, ирх дахана, лекха. Оцу уърсаца цу тЕ сайн цЕ йазийнера ас. И цЕ а, и дитт а дуй хъажалахъ!..

Ойланаш йуткъаелла, дагалецамаш коьрте хыйзаш, генарчу махка кхочура къамеле мел ваьларг. Цхъана а меха цахетарш (шайна а иштта хеташ) дийца хІуьттура уьш. Бакъду, хЮр а дАйаздора ас леррина оцу балхана кечдинчу тептар тЕ. Суна уьш «кІадбоцурш» ца хетара... ХІинца!.. Къевкъинчу церан синойн мохъ-орца хезара царна чохъ...

Иштта со волчу веара Мескитара Магамгазиев Мохъмад а... Мохъмадна-м, ша бух биллича санна, йевзара Чаувай. Ша а, Зауди а цхъаьна хъалакхиар дийца лаъара, шайн ишкол а, шайн хъехархо а, шайна оцу кхойтга шарахъ мел йевзина суьйре а, Іуьйре а йийца лаъара. Хъехархо Анна Ивановна йуккъехъ а йолуш, Чаувайхъ даьккхина шайн классан доккха сурт а деанера Мохъмада а, цаьрга дАгайтта аьлла. Асмаа делларг дара и сурт. Даьхна, шена шортта суьрташ дар суна тЕ а диллина, дегаза къаьстина, дІавахара иза.

– Дависа!.. Зауди дийна велахъара хІинца, тхойшиь вогІур ма вара хьоьца!.. Ша а воцуш, со веача, дегабаам бийр бу цо... – кегайелла тІаьхъара ойла суна охъа а йиллина, дІавахара...

АжигІеран Іаьнди вара, хЮр дийнахъ иттазза зІене волуш, меттахваьлла.

– Суна тЕ а ца кхочуш, хьо новкъавалахъ, ма декъаза ву хьо!.. – олура цо хЮразза а.

Мичара?! Іаьндина тЕ а ца кхочуш, гІур вара со?! Ах-Чаувай хилла а хир йацара, ала мегар дара, Іаьнди цигахъ вехаш ца хиллехъара. Дера, дара!.. Йаккха цЕ а йоцуш, бисна хир бара цигахъ баьхна нохчий а... (Воккха велахъ а, Іаьндица цхъа тхаьшха мерза забарш хуьлу тхан). Бакъду, забарена доцург а дукха дара Іаьндин дагахъ... Новкъахъ дІакхелхина шен деда Іабдул-Хъаьким лай тЕ охъавиллина сурт а дагахъ ду Іаьндина. ХІетахъ ши шо кхаьчна вара иза... Набахтехъ кхелхинчу дех, Абу-Муслимах, хилларг ца хууш дисира, ткъа деваша ГиргІизехъ дІавоьллира.

Дуккха а дийцинчул тІаьхъа, тІедахкарш дира Іаьндис... «Боккхачу тІулга» тІехъ суьрташ дахалахъ... Мехцеха йуххехъ кхин а цхъа боккха тІулг карабе, цу тІехъ сан цЕ лаха... Охъа-чуъра Хъала-тЕ воьдучу новкъахъ суьрташ даха... Джайло а кхачий, цигара хъал, ма-дарра, дийца... Ажис болх бинчу туьканара хІуманаш эцалахъ... Мел дара уьш?!

Бевзачийн а, уьйр-марзо хиллачийн а цІерш йаха охъахиьна тхойшиь маьркІаже дІавахара. Дуйцуьйтура ас Іаьндига, цо мел аьлларг дІа а йаздеш:

– Ишколан директор вара, хъуна, Владимир Николаевич!.. Цуьнга шегга

соьгара мерза маршалла дЛалолахь!.. Ишколе а гЮй, тхан хилла хьехархой хатталахь: Анна Ивановна, Юлия Тимофеевна, Зинаида Михайловна... – дЛаволавелира Іаьнди.

Тхешан забарш Іаьндис могуьйту дела, йукъаэккхаз ца Іавелира со:

– И-м хала доцург ду... Вуьшта, хаьгтича, хьо вевзар мукъане а вуй царна?.. Шу цхьадерш, тІай кІел киншканаш дІа а йохкий, лаьмнашка доьлхий, сарралц Джайлохь кхерсташ лела ма бохура?!

– Э-э-э!.. Дукха шера вевзар ву!.. – цхьа а шеко йацара Іаьндин кьамелехь...

– Дала гечдойла Зивашина!.. Цуьнан хІуманаш хІинца а дубьцу-кх аш...

– Зауди воцург кхин-кхин а бара уьш-м... Ишколе ца лела бохуш, Зауди гПараваларх, ишттанаш болуш бара... И хууш болчу Джундин хьешаша, тІе моссаз кхочу, Заудига, хьовзош, хоттура:

– Зауди, шу ишколехь уггар дика хьанна хаьа? – олий.

Уьш кІордийначу Заудис эххар а жоп деллера:

– Тхан учитарна хаьа-кх!.. – аьлла.

– Дика ду. Хьобга йуха а и дийцийта гІертара со... ХІинца хьайниг кхидІа дийца ахь: со ладугІуш ву, хьуна... – йуха а дІайаздан кечвелира со.

– Черников Гена бохуш, ву, хьуна, ишколана аьрру аГор лакхахьа... Фамили йицъелла суна... Витя а ву... Цуьнан воккхаволу ваша Николай ву... Морехов Жора ву... Аникин Николай... Романов Гена... Кхин цхьаь ву: Калиндаров Хьамид – таджик. Райцентрехь Уч-Корганехь цуьнан ваша Рахьман а ву вехаш... – дубьцура Іаьндис... Далхадора... довзуйтура... Ас дІайаздора...

– Дависа-йа!.. ХІинца хІара бала ма белахьара соьгахь... Вай кхоьллинчу Делора, сол хьалха цига догІур долуш дегІ дацара-кх, хьуна!.. – бохуш, карзахвуйлура Іаьнди... Масех бутт хьалха йинчу операцин чов хІинца а кхоччуш ца йирзинера цуьнан.

Арахь Іаржйелча, со цІа ваха аравелира, Іаьндин Іудика а йина.

– Дика ду!.. ДІаІе делахь, Черный!.. Хьо Іе хьо, хьайн москалш а йажош, ас чанкхобхьуйтур йу, хьуна, оцу хьан ГІиргІизойн бенахь!.. – тІаьхьара забарца элира ас.

Дукха чехка жоп хезира тІаьхье:

– Ма кхера хьо!.. Цецйала меттиг бац, хьуна, оцу, Чаувай-м хьовха, оцу йерриге а Ош-областан а!.. Чанкхехийтаза йац, хьуна, иза!.. Вай дика девза, хьуна, цигахь!.. ЙуьхьаьржахІотта меттиг бац, хьуна, хьан. Корга айьина лела йиш йу хьан!..

– ХІай-й!.. Дала Іалашве хьо!.. ДІаваха со, дІаІе!.. – аьлла, кІеззиг дехьо а ваьлла, йухахьаьжча, Іаьнди охьалахлуш вайра суна. ТІаьхьо хиира суна, сан некъе чІогІа сатесна, гІора эшна, настарш йего йоьлла хиллера цуьнан.

Некъа бохалла, мел кІеззиг а, ткьозза зІене велира Іаьнди:

– Кхин цхьаь дІайазвехьа, вуьгийла дацара... Второй участкера Шандыбин Гена... Ма чІогІа сан догтагІ вара иза... Оццу участкан хьаькам вара Мамазийаев Садыр... – тІаьхьа телефон йеттара Іаьндис. – Больницехь главврач вара Василий Макарович... Цуьнга ахь хІун алий?! Андрей приедет. Он сказал, чтобы ты был готов, «мы на охоту пойдём», – алалахь... И кхетар ву, хьуна... Коробков Сашка а дІайазвехьа, завсклад волу... – йеттара Іаьндис телефон...

Аштаркхнел тЕхваллалц йиттира... Аксарайскехь таможенех чекхволуш, йуха а йийкира Іаьндин телефон. Схъайцира ас.

– Ажис болх бинчу туьканара продавщица йу, хьуна, Люба Морехова... Завмаг йу, Зина це йолуш... Ажин чоГІа хъеший бара уьш... – изза хаза ларийра со...

– Господин пассажир!.. Будьте внимательны: здесь всякая связь запрещена!.. – аьлла, таможеннин белхахо соьга вистхилча, Іаьндина а иза хезначух тера дара...

Кхин зІеневалар тхойшиннан ца нисделира... Массо а вара шен-шен лаамо, дегайовхоно шовкье вина. Деле суна некъан маршо йобхуш, бІаьрхишца тІаьхьахьобжура хІор а. ВорхІ ломал дехьарчу цхьа инзаречу дахаре, генахь йисинчу шайн бералле, кьоналле, туьйране дІахьажавора со. Хьалхарчу дийнахь Гребенскехь Ахьмад волчохь Іудикайеш, сох къабстина волу Мохьмад Шелковскерчу вокзалехь йуха а, тхо лардеш, лаьтгара. ТІоьрмиг буьззина тайп-тайпана некъан кхачанаш беанера тхуна. Цул сов, Гребенскен эвла йуккъера бурутоьхна даьккхинчу хьостанан хи а деанера.

– Ас бохург хІун ду тІаьхьа хуур ду шуна: некъахь чоГІа атта хи ду хІара... Ас даима а сайца новкъадоккху хІара, – бохуш, тхо кьардира цо.

Дера кьардира!.. Тхо кьар а дина, некъан харжан дакъа а лецира...

– Мохьмад, ахь динарг тоьур дара, ма леладахьара ахь совнаха дерг!.. – шега бахарх, йухавала ца туьгура.

– Шуьгахь аьтто бац, ца боху ас... Тхайн беллачарна тІера саГІина оцу ГиргІизойн махка боьдучу некъаца дезар оьцийла лаьа суна. Шайна лаахь, саГІина а луо... – ла ца дугІура Мохьмада. ЧоГІа дехар а дина, Мохьмад дуьхьалволлушехь, тЕхдерг тЕх ду аьлла, цхьадерг йухадерзийра ас... Бакьдерг аьлча, оьшучунна сан вешин кІанта Асланбека гІо-накъосталла динера...

Чаувайна герга мел воьду, хІораннан лаам дуьхьал хІуьттура.

...Иштгачу ойланийн йийсарехь Тянь-Шанан ломан чоьжа воьдучу суна, машин сецча бен, со стенга кхаьчна а ца хиира. Чаувайхь, Ясни Полянин «ГІопехь» севцна карийра тхаьш. Инзаре башха тийналла йара хІоьгтина... Эзар кост... эзар це... оццул тІулгаш... хиш... бердаш... дитгаш... шахьташ... Дависа, кара мукъане а бахьара и нах!.. Сайд-Іалвис кьоламца диллинчу картица нийса догІуш сурт дара гуш дерг: йуьрта йистехь Сай хих кхета хьаьдда доьду ламанан хи, цунна тиллина тІай, некъа йистехь, кхаа стагана мара хоьур долуш, толлан дитт... Уьш дерриге а долуш ду...

КІезиг хи чухула волавала дагахь, Іумар-Іела тІай буха велира, Мусхьаб а хин йистехула охьаволавелира...

– ...Хьанна карийна-ге хІара мохк?! Везан Дела!.. Хьуна дика хаьа-кх!.. Стигалх гІоьртина Іаьржа лаьмнаш, даьгначу лаьттан раьГІнаш... Царна дехьа кхин дуьне делахь а, тамаш бу... ТІуртИи-КІотарара схьа, Тутара-Ирзера тІегулдина, кхуза схьадало кхаьргара хІун даьллера?! Хьанна эшнера и гІуллакх?! Ма доза дац боьхачу адамийн кьизаллин!.. Чаувай, тв!.. Хьо йиса йезачунна!.. Сталин!.. НаьІалт хила хьуна!.. Сан кьоман дог дохо, хІаллакдан ма доггах мохк лехна хилла ахь!.. Цундела Дала дакъазваьккхи хьо!..

...Ткъа хьуна хІун моьттура, хІай мохказан мохк?! Сан дайн декъаза кхаж

баьлла, хІай жобжахатин боьра!.. Со хьайн лаьмнех цецвер ву моьттура хьуна?.. Со, лаьмнаш ца тоььна, веана вац хьан тІулгех цецвийла... «Нохчийн лаьмнаш» дуьйцу ца хезна хьуна?! Дуьнен тІехь уггаре тешаме а, майра а лаьмнаш ду уьш. Со цецваккха йа сан даг чу дижа цхьа куц, цхьа амал йац хьан, Чаувай! Суна цадогІург а дагадогІуш йу хьо... Кхузткъа шо... кхин кхойтта шо цул хьалхарниг а цхьаьна... Дагадайтгал: Кавказера схьа адамаш дуу нах балош бу аьлча, тешнарг ма йу хьо. Сан дайн кху йуьрта чубогІучу хенахь кхардамца... цаьрга хьежнарг йац хьо?.. Цийша дуьзначу эханах тарбелла, Іаьнан чиллахь нехан шийлачу «бена» сан дай биссинчу дийнахь хІун ойла йира ахь: билггал уьш адамаш дууш хилар бакь хийтира, уьш стешхачу кІиллоьх тарбеллера... Даймохк боьхкина болчу?.. Дийнна къам, къуй а, обаргаш а бина, балийна... ХІусамаш кечийна, туьха-бепиган гІиллакхца тІеэцнера ахь тхан дай гІорийначу дорцан буса?..

Цул тІаьхьа сан дайшна хала дара: ма-дарра, шашь муьлш ду а хоуьйтуш, шуна дІагайтга... СагІадехар, даима а санна, шайна дихкина, курхаллех доьзалш ларбеш, къийлабелла... Мацалла деллачу берийн Іаржделла оза декъий дайрий хьуна?! Бежано а ца йуу йараш лехьош, уьш кхехкош ца гира хьуна сан дай?! Ийманах, доьналлех ца бухуш, йахь дІа ца луш, лаьтте бирзинарш дагабогІий хьуна, хІай Чау-вай, деа кешнашкахь айхьа баржийна болу... Уьш-м дейтта дийнахь-буса новкъахь а белла, Чаувайхьчул дукха... некъан бохалла декъий дудуш, схьакхаьчна... Шахьташ чу а лаьхкина, цу чохь сан дай Іийда а, Іийша а Іалашо хиллера лаьцнарг. Суна и дерриге а хІинца девзина. КъинтІера вер вац со бехкечарна ... сайн дайн гІиллакх, сайн ненан мотт хьешначарна...

ГиргІизен лаьмнашкахь зІокбергаш тусуш,
Шахьташ чохь гинсулахь баллийна и.
«Обаргийн» пехаш чохь дІовш кепатухуш,
Силикоз ларийна дІахуда и... –

итт шо хьалха иштта кхайкхийра ас.

...Йуьрта чу вогІу со хІинца... Хьуна корта теІор бац ас, хьуна хьалха декхар ца хетарна... Азаллехь синош кхуллуш, йазбинчу кхолламан новкъа, дайн лараш талла, къызачу саьрмакан лорах веана со...

ХІай ГиргІизе!.. Со бехкбоккхуш ца воллу!.. Ирс дайначу сайн къоман кхолламах бисначу дагахьбалламо къовкъийна, кийра Іийжа сан!..

Тулга тІе лахвелла дикка Іийна хиллера со, ойланаша ца хоьцуш. Сан ши накъост а хІинца тІевеара...

Сайд-Іалвин карта схьадиллира ас. «ТІайх дехьа ма-велли, дуьххьарлерачу кертахь Комбинатан директор вара вехаш», – йаздинера цо. И цІа а гуш дара, цо ма-дуьйцу, кІайн кир тоьхна, доккхо цІа дара иза. Ткъа Кадамжайхь волчу Расулан лулахочо дийцинера, оцу директоран цІеношна тІехваьлча, аьрру агІор дІабирзина и некъ Ядгоран кетІа кхочу бохуш. Церан кетІа хьаладахара тхо. Тийналла йохош, жІаьла лиэта доладелира. Кертахь цхьаь хаавелла, вистхилира со:

– Хозяин!.. О хозяин!..

– Заходите!.. там открыто... – йоккхочу зудчун аз хезира.

– Здесь проживает Ядгор?

– Да, конечно!.. Заходите!.. – йуха а хезира, цхьа ийначу адаман безаме аз.

– А гостей примете?..

– Конечно, примем... Мы всегда рады гостям!..

– А если гости чеченцы?! Тогда не передумаете?! – забаршца издеш, кьамел дора ас хинца а блярг кхетазчу зудчуьнга.

– Тогда с преобладающим удовольствием примем, – бохуш, сихйелла кевне оьхура йоккха стаг. – Чеченцы нам не чужие: чеченцы – свои... чеченцы – всегда наши!..

Жима ков дладиллина, лаьттара оздачу духарца безаме зуда, кхузткъе итт шерал хьалайаблла хан хила а мегаш. Фая йу шен цде, элира зудчо.

Тхашь беана некъ оха длабовзийтира. Ежийн бешахь, тге истангаш а тийсина, боккха аьчкан маьнга бара. Тхо цу тге охьахевшина дукха хан йалале, цо схьавалийра шен цийнда Ядгор.

Ма-дарра дуьйцуш, цхьана эхасохьте девлира тхо. Тхуна мелла а сихо йезаш хилар а, тхо кхана йухадерза дезаш хилар а шайна довзийтича, телефон а тоьхна, цхьаьнга вистхилира хлусамда. Дукха хье ца луш, тхуна тевеара Фаян хенара волу стаг (Ядгор-м дикка воккха хеталора). Урайм вара иза. Чогла мерза, довха кьамел доладелира тхан. Хинца схьабаьлла боккха йай схьабайтира кертарчу жимачу канте. Шун дуьззина плов охьадилира тхуна... Паргат кьамелаш дира оха...

Вайн йукьара Даймохк – СССР – бохаро боккха латкъам бина, куц дара, хлокху Гиргизойн пачхьалкхана а. Узбекашца ийгина йукьаметтигаш, промышленность халлакьхилар, белханметтигашна барзбелла лелар – массанхьа а дерриг кхачьнера Гиргизойн махка а. Кегийнаш махкара арабевлла, шайна сом лаха, баккхийнаш жимбелла. Шахьташкахь белхаш бинарш, лаххьабелла, дакхелхина: силикоз олучу пехийн цамгаро, нохчий санна, длабаьхьна. Сайна тедехкина косташ дийца волавелира со. Дахаьттинарг: ткъа шо хьалха, пхи шо хьалха кхелхина, Украине длабахана, хилларг ца хаьа... Испанехь беа... Йа Германехь длабоьхкина... Кант вара йа йо йара – белла йа кхелхина длабахана... Арме вигнера – цигара йуха ца веара... Иштта дара хлор а жоп.

Царга ладоьгуш, сан дог хебара: ас ца хьанах хлун дахьа деза?! Эзар сатийсамна... эзар дегайовхонна дуьхьал цхьа жоп: бац! ца карийра!.. Дукха суьрташ кегийра оха. Фаягахь а хиллера дукха суьрташ... цхьана хенахь Металлургически Комбинатан куьйгалхо лаьттинчу Исаков Саргибайн йо йара Фая. Цунна дукха ца бевзара кхузахь баьхна нохчий. Вай ца доьгучу муьрехь шийтта шо кхачаза хиллера иза. Амма шен классехь дешначу нийсархойн церш йагарйора Фаяс. Бакьду, суна масех стаг бен цо буйьцучех вевзаш вацара.

Айса цера даьхьна сайн ден Сайд-Ахьмадан (Таьштин) сурт гайтира ас Фаяна. Металлургически Комбината чуйогучу ОКС-ан складан неларехь хьетахь даьккхина сурт дара иза. Таьшта Уч-Коргански ОКС-ан гишлошйечу бригадан куьйгалхо вара. Оцу суьртах блярг кхеташшехь, сихха элира Фаяс:

– Так, это ж дядь Сережа!.. Он друг был моего отца Исакова Саргибая...

– Билгал иштта дарий-те, хьо йиц-м ца йелла, Фая? – аьлла, хаьттича, дехха дийцира цо.

Гуттар а цхъаьна хуьлура и шиь, Фаяс дийцарехь. Металлургически Комбинатехь болх бечу нохчийн белхан хьелаш тодарна тЕхь а дукха мехала дерг дан карахделира, алапашца догъэца гЕртара, Едалца йолчу йукъаметтигийн а, Таьштех дагаволуш, Иуналла дора. Дукхахдолчунна тЕхь Таьште ла а дугура шен дас, бохура Фаяс, хIунда аьлча, болх жигара дабахийтарна тЕхь а, белхан низам лардарна тЕхь а йоккха бегIийла хьаькамна а нисйора.

Хайдарканера схъахъажийна хиллера Ядгор (Хайдарканерчу Комбинатан филиал хилла Чаувайхь йерг). Ядгор а, цуьнан хIусамнана Фая а таджикех дара. Кхузахь девзина, вовшахкхетта а хиллера и бертахь деха ши адам. Тпаьхьо, дахаран некъаш шерша доьлча, Едалан куьйгалла малдала доьлча, цхъана а хIуманна тЕхь «олалла» доцуш, висира ша бохуш, далхадора Ядгора. Комбинат хозрасчете йоккхуш, кехаташ кечдайтира, тIаккха долайаккхар а тЕдожийра. Цул тпаьхьа Комбинатан бахам кьайлабаьккхира цабевзачу цхъана наха. Эскар доцу инарла санна, ша цхьалха висира, бохуш кхидIа а дуьйцура воккхачу стага. Цуьнан бIаьргех хиш дуьйлура, шен кьамелах Iаткъам а хилла. БIеннаш адамаша алапашца таро йеш меттиг йара иза. ХIуй-пака йина, дуьнен тIера йайира. Уьнан коржам а, биргIанан йуьхьиг а йаьхьна нах Едало лийцира... Йоккха харцо йай хIара-м!... Кхойтта шарахь, уггаре а халачу хенахь, мискачу наха вовшахтоьхна халкъан бахам, шайн дола а баьккхина, хIаллакбира Бишкекерчу сутарчу хьаькамаша... Коьртачу декъана, нохчийн йаьIни тЕхь схъайеана а йара Металлургически Комбинат бохуш, дуьйцура куьйгалхочо. И гIуллакх ца лайна, воккха стаг цомгуш хилира: хье чуьра пха иккхина хиллера мисканан. Дукха йехачу хенахь бала хьегна, гIеттира Ядгор. Цунна Iу хилла, шен гергарнаш кхузара дабоьлхуш а, Ядгоран доладан бухасецнера Фая. Цаьршиннан кIант а, йоI а Москвахь дехаш дара.

Ядгор кхуза веанчу хенахь цхъа нохчи бен ца хилла, куц дара, Чаувайхь ваха висна. Иза а тпаьхьо Кызыл-Кыя гIала давахана хиллера. Цундела, нохчийн хьокъехь оха кьамел дечу хенахь, вист ца хуьлура кьена таджик.

– Шу дукха дахарш... Дац!.. тхуна дита а, шуна дIадахьа а диканиг дац, – кийрахь гIайгIа кхехкара воккхачу стеган. – ХIетахьлера адамаш чекхдевлла... Заводах а, Комбинатах цхъа сирхат ца дисна... Ишкол, туька, почта, клуб – уьш хилла меттиг а бац... Дуьнен тЕхь массанхьа а хьаьвзинчу йилбаз-махо даржийна, хIаллакхили дерриге а... Шайн цIахь бисинчаьрга иштта дIадийца. Цара кхузахь лайнарг йалсамани хиллера, тпаьхьарчу хенахь оха хьегначуьнца дуьстича... – Iежийн дитташна йуккьехула дIа куьг а хьажийна, тIетуьйхира Ядгора:

– Хьовсал шу, дIо лаьмнийн раьгIнашка!.. Оьпанаш санна, лаьттах боьлла кхайкхаза беана бIо. Китайра бу уьш... ГIиргIизойн пачхьалкхан куьйгалхоша шайн-шайн заманашкахь даккхий ахчанан декхарш тIелетийна хилла, куц ду. Цара дIашардина мокхазчу лаьмнийн баххьаш гой шуна?.. Мукадехкий дуурш, оьпанаш санна, тIулгах чубоьлла... Дешин шахьташ йу уьш. Тхан мехкан тIум схъаузуш бу уьш. Ткъа хIокхеран бала а бац... Церан кредиташ шайн кисана дерзийначара боьхкина мохк, шен халкъаца цхъаьна... ХIинца уьш кхузара дабаха, ша АллахI-Дела воцург, кхин ницкъ бац... Керла-керла некъаш-бахьанаш дагардеш, чукхобьхуш нах бу, чуузуш гIирсаш бу... хиндерг

Дела воцчунна ца хаба, – кегайеллачу ойланашца дуйцура Ядгора кхузара хьал... – Ма-дарра довзахь, шун цIахь болчийн а дегнаш духур ду. Адамалла йара шуьгахь. Бен-башха доцуш, ца хьуйсура шу нехан гIайгIане... Тхаьш долчохь дика бевзина суна нохчий... Китайцаша ишкол а йина кхузахь, лахарчу Котарахь – Чилтанехь... бераш цига дIасалело жима автобус а йелла... Ткъа кхузара дIаузуш дерг деши ма ду!.. Стенах йехар йу пачхьалкх, муха ду кхана хиндерг?! Цуьнан ойла йан, саметтахь гIуллакх дац кхузахь дерг... Шу-м шайн цIена ойланаш йохьуш даьхкина... Къола дан йа талораш дан ца даьхкина шу... Шу доттагIалла дохьуш даьхкина... Шу шайн дайн кешнашка даьхкина, цаьрца йолу шайн уьйр- марзо карлайаккха, уьш а, тхо а Деле деха! Ийманан некъ бу аш беанарг!.. Дала йал лойла шуна!.. – лагIлуш, сецира воккхачу стеган къамел.

Кхачанах кхеттачул тIаьхьа, кхин хан ца йойуш, машинахь арадевлера тхо. Ма-доялхху, нохчийн кешнаш долчу даха лиира суна: коьртачу лаамех хьалхарниг иза хиларна. Цига хьалавоьдучу некъан сурт (карта) а дара сан карахь. Со новкъавалале, Сайд-Галвис, ас доьхуш а доцушшехь, диллинера иза. Цо ма-гойттура, некъо голатоьхначул тIаьхьа гучуйелира аьрру агIор цхьаь бен йоцу ШаIаранин беш. ЦIарула-цIен, барула-можа дитташ. Уьш доьттина туьркаш а, шапталш а... Цул тIехваьлча, аьтту агIор хила йезачу бошмийн иэс дан сихвелира со: царна йукъахь хила йеза «сан беш» а. Цу уьрдахь нисделла сан дуьнен тIе валар. Стоьмийн диттех йуьзна бошмаш лелхара машинан корах тIех, суна йийцинчу хьалха-тIаьхьаллехь могIа а бина. Со церан шунаш дагардан хIобттира, кехат тIехь ма-дарра: Селамсолта (аьккхий) – цхьаь; Юнуев Хьасайн (Мохьмадан да) – шиь; МIаьни – кхоь; ЗIака – диь... диь... диь... Сан са тIеуьйзура пхоьалгIачу бешо, сан дагах гилгашдуйлура, бакъабелла мотт багахь тIелетара... Сан синан кIоргехь хахоьрцура генарчу замано: кхо бутт болуш ваьккхира со оцу кертара ара... «ЦIа доьлху!» – аьлла хиллера соьга хIетахь. Шовзткъе итт шо даьлча, йаздинера ас:

... ХIетахь цкъа нанас со (кхо бутт сан хилла),
Чениг тIе пIелг таIош, хьаьстира, бах.
Дерзина доьлаш гуш, воьлуш со хилла:
«ЦIа доьлху!» – аьлла мотт бевзира, бах!..

Суна ца хаьара цIахь кешнаш дуйла,
Дайша сайн лелабой холхазан куй,
Нохчийн мотт сайн къоман ненан мотт буйла,
Бедарган кхерчара суо буйла суй...

– Iумар-Иела!.. Сацайехьа машин!.. – бертаза делира соьгара.

Машина чуьра воьссина, керта улло тIевахара со... ХIусамаш йолчух тера дацара: гуш йа адам, йа хьайба дацара... «Со ларвеш, Iа-те хIара керг?! Байлахь дисна декъаза урд!..» – аьлла, хаттар иккхира сан ойланах чекх. Гуо къовлуш оьзначу телаш йуккъехула чу куьг а дахийтина, цхьа зезаг-тайпа даьккхира ас. Цунах тера буц-зезаг Нохчийчохь суна цкъа а ца гинера. Ас лелочух кхеташ ца хиллехь а, со лерина тергалвора сан накъосташа. Суна эхь хийтира, аьлча а,

мелла а сиха кхузара дехъавала... генавала оила иккхира... Цъхъаннан бегийла йохо веанчу, шен доцург д'аиэца, бертаза иза д'аайзо веанчу «нацкъарчу талорхочух» суо тарвелира суна... Нохчийчоьхь х'ун ца тоьъна, стенна б'аьрмецигваьлла веана со кхуза?.. Сан х'ун ду кху кертахь?! Ас х'ун дитина сайл т'аьхьа?! Со х'ун деш лела нехан уьрдахула?! Амма суна цкъа а йевзина йоцчу къайлахчу ц'еро боттура сан кийра; багахь д'алеташ, мотт тийсалора, легашкахь аз соьцура... Х'инццалц цкъа а сан б'аьрга ганза йолчу з'аьнарша серладохура сан дог... Х'аь!.. Эрг'ада ойланаш жимма хьаьъча, йуха вуссур ву со «сайн туьша»... кхаа баттахь айса х'аваь чуйизинчу хьаьрма... х'окху нехан беша... Теш воцуш, къамеле вер ву со... сайн дагца...

Х'окху доккхачу дуьненахь сан кхолламах буца йазбина хилла х'ара лаьттан цинц. Сан ага тахка доладелла х'окху готтачу уьрдахь... Ткъа со стен декхарвина хьуна къежа?! Ага хьан г'арг'анех дина хиларх, суна ша лекхна йиш-м нанас Нохчийчуьра схъайеана йарий!.. И йиш-м нохчийн маттахь йарий!.. Кхузарчу лаьмнашкахь къора хуьлура цуьнан йекар. Нохчийн лома кхаьчча, самалхадаьлла, т'омаелира сан аганан йиш!.. Кхузахь дуьнен чу со валарх, хьайн ву ма мотталахь... МаьI-маьIПехь дуьнен т'е дийлина тхо, х'етте а тхешан кхерчан дай хила Iемина тхуна... Тхан ц'ийх ду иза!.. Пана а, эрна а дахар девзаш а, дезаш а дац тхо... тхаьш нохчийн хиларна... Тхо-м эшелонаш т'ехь а дуьнен т'е девллий, шун к'отаршкахьчул а дукха. «Шалон» боху ц'ерш тхуна цундела техкина...

... Кешнийн з'арехь Мусхьабе доIа а дайтина, цу чохь долчу ох'ланна гечдар дийхира оха...

Тишделлера кешнаш... Дуьненан декхарна куьг Иттинера, амма бусалба нехан дог-ойланца доладинчух тера дацара. Бакьду, даьхни чулелаш, кешнаш хьешна гуш дацара, хуьгтуш-летош лаьттинчу кертан чалх гулийеллера, кертахь кхиьначу ж'олмаша кешнаш дуькънера. Дукхахдолу чарташ хирцина, кегделла, Iанадахана, т'ерачу йозанийн басар доьжнера... Т'аккха-ткъа?! Кхузткъа шарахь... йуххехь верасаш а боцуш, йуьртахь а, махкахь а сарахь-Iуьйре т'ех'отта йиша-ваша доцчу генарчу махкахь кешнийн кхоллам кхин муха хир бара?!

Дицлур ду вовшашна
 Къаьстинчохь вовшех вай...
 Йа махкахь къаьстинчохь...
 Дайх ала дош доцуш,
 Даймахкахь каш доцуш,
 Дала ма лайла вай, к'ентий!.. –

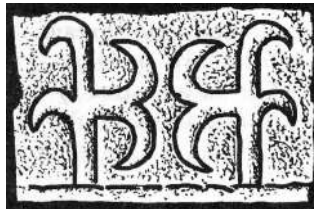
боху нохчийн къомах ваьллачу дешан говзанчас. Азаллехь синош кхулуш йелла амал йу нохчийн: даймахкахь каш хила лаар. Цуьнан дуьхьа дуьненан доккхачу ирсана букь берзийна ваьхна х'ор нохчи.

Суьйре герга г'ертара... сан дайша кхойтта шарахь Тянь-Шанан ломан ч'ожахь лайна суьйре... Тхо т'екхача а, оха б'аьрг тоха а дезарг дукха дара: кешнийн хьаьрма ц'анйаран г'уллакхан г'айг'абан сихвелира со. Го буьстина, кертана мел г'ирс оьшу хьаьжна, маса белхало ларор ву кхузахь дан леринарг

цхъана дийнахь чекхдаккха... Коьрта хет-хетачу куьпа кхочуш, девза адамаш хоттуш, Охъа-чу, Хъала-те толлуш, Боккхачу Пулге бляьрг тухуш, тхо леллашехь, маьрклажан бода теоллабелира. Буйса йуккъе йаххалц, къамелаш дира оха.

Гуьйранна, серлайабллачул тлаьхъа, Кадамжай охьадаха новкъа девлира тхо. Цигахь Расул вара тхо лардеш. Ткъех чаккхарма генахь йара Кызыл-Кыйа гIала. Расул схъа а эчна, цига дIадахара тхо. Кешнийн кертана оьшу гIирс вовшах а тоьхна, мовлад дешийта а, сагIина дала оьшург а тардина, тхо делкъале йуха новкъадевлира. Расулана бевзачу операторшца барт а бина, уьш а тхайца буьгуш, Чаувай хъаладахара тхо...

Делан лаамца, тхаьш дан леринарг кхочушдан каделира тхан: жIолам дIахьокхуш, кешнаш а цIандира, керла керташ дIахIиттийра. Массо а метте кхочуш, хIор лам-тIулг ша-ша билгалбеш, суьрташ дехира, шина сахьтана лерина «кино» йаьккхира... ЦIерачарна безамна бохуш, тхайн куьг, иэ тIекхочург дерриге а дира. Суьйре йоьлча, молла а валийна, уьстагIна урс а хьакхийтина, цу дерригенна а тIера мовлад а дешийтира. Дуккха а адам деара. Оццул бIарлагIа хиллера кхузарчу нахана тхо дахарх. СагIанах а кхетта, цхъа мерза-тамехь дIасакъаьстира тхо...

Поэзия

Шарип Цуруев

Поэт, публицист, литературный критик и переводчик Шарип Цуруев в этом году отметил свое 60-летие.

Родился в селе Герзель-аул Гудермесского района ЧИАССР. В 1981-1983 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1988 году окончил филологический факультет ЧИГУ. В разные годы работал в школе, НИИ истории, языка, литературы, философии, социологии и экономики при Совете министров ЧИАССР, в пединституте, генеральным директором издательства «Грозненский рабочий», директором педучилища, главным редактором республиканских газет, в разных министерствах и ведомствах республики. Также является инициатором создания телепроекта «Синмехаллаш» («Духовные ценности»). В 1987 году представлял Чечено-Ингуше и первым редактором выпускаемого Академией наук ЧР журнала «Таллам» – первого в истории научного издания на чеченском языке. Более 10 лет является председателем жюри республиканского тию во Всесоюзном фестивале молодых поэтов. Дважды избирался делегатом съезда писателей России. Литературной и журналистской деятельностью занимается более 40 лет. Первые стихи и заметки появились в 1976-1978 гг. в районных газетах «Маяк коммунизма» (Ножай-Юрт) и «Красное знамя» (Гудермес). В 1978 году стал членом республиканского литературного объединения «Прометей», а в 1985 году был назначен старостой этого творческого объединения при Союзе писателей и Обкоме ВЛКСМ. Является автором большого количества коллективных и собственных сборников поэзии. Сфера его интересов – литературоведение, фольклористика, философия, педагогика и психология. Как представитель литературы Чеченской Республики включен в книгу «Знаменитые люди Кавказа». Цуруевым написаны сотни статей, очерков, интервью и заметок. Некоторые его произведения переведены на другие языки. Ш. Цуруев перевел на чеченский язык произведения А. Пушкина, Р. Гамзатова, Д. Кугультинова, Б. Магомедова, Ю. Кузнецова, С. Гуртуева, Ф. Алиевой и т.д. Многие стихи автора переложены на музыку и стали популярными песнями в республике и далеко за ее пределами.

В 2003 году он стал победителем республиканского литературного конкурса (номинация «Поэзия»), в 2005 году – лауреатом премии литературно-художественного журнала «Вайнах» (номинация «Литературоведение и литературная критика»), а в 2012-ом – лауреатом премии «Серебряная сова» «Интеллектуального центра ЧР» и лауреатом Артиады народов России.

Заслуженный работник культуры ЧР. Его творческие и профессиональные достижения отмечены правительственными, ведомственными и общественными наградами. Член Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ. Заместитель председателя Союза писателей ЧР.

Матери

Впервые праздник без тебя настал.
 Печаль душевная –
 не повод для застолья,
 Где солнца луч нещадно обжигал
 И сердце отзывалось жгучей болью.

Я знаю точно: где-то ждешь меня...
 Узнал я цену родственному сердцу –
 Таким богатством ведал, не цenia,
 Искал не там, шагал в чужую дверцу!

Печаль на улицах, ручьи слезой текут,
 И сердце надрывается в удушье –
 Кто знает, как стенаньями поют,
 Или в молчанье тонут наши души?

И кружит время стрелкой тот же круг,
 Но остается этот мир беспечный...
 Груз одиночества, или души испуг –
 Придавливает где-то чьи-то плечи.

В тот день шел дождь,
 навзрыд грозой рыдая:
 Смывало на земле твои следы,
 И скорбной тучей думы заслоняя –
 Открылось сердце миру тишины.

И стало все вдруг просто – невесомым:
 Вокруг меня все потеряло суть,
 И жизни вкус вдруг сделался соленым,
 А слезы сами выбирали путь...

Когда теперь иду к тебе навстречу,
 То в скорби содрогается земля.
 Спрошу – и в мыслях
 тут же сам отвечу:
 Так часто не хватает мне тебя!

Летит, бежит, спешит куда-то время,
 Могильный холм зазеленел опять...

С такую нежностью взросло,
 поднялось семя,
 Стараюсь, наступаая, не помять!

Как наши жизни на миру не схожи,
 И радость, и печаль – у всех своя.
 Теперь я понял – ты мне всех дороже!
 Мы скоро будем вместе – ты и я!

Перевела Татьяна Чеглова

Я онемел – пропали все слова
 Воспеть Отчизну, ведь ее не стало:
 Вокруг пирует лживая молва,
 А изнутри пронзило злобы жало.
 В своем Отечестве изгнанник я,
 Без Родины в своем родном краю...
 Отчизна! Как слепец ишу тебя...
 Вы Родину не видели мою?

2000г.

Вспоминая далекое прошлое,
 Я все думаю о тебе, Земля.
 Знала ты плохое, хорошее,
 Только был ли покой у тебя?

Когда к вечеру затихаешь ты,
 Нежно глажу твои мозоли я.
 Из семян вырастают всегда цветы,
 Но не встанут павшие сыновья.

Сколько воинов ты хранишь в себе,
 Уложив их в постели-могилы!
 Удивляюсь, Земля, удивляюсь тебе
 – Где находишь для этого силы?

Как хватает и сил, и терпения
 Быть хранителем горькой их доли?
 Может кроется в этом спасение,
 Что не знаешь сердечной ты боли?

1983 г.

Ты вышла замуж...

Говорят, что «Шапка сгорела»*
 – Злая весть кружит, как воронье.
 Но не в шапке, конечно, дело
 – Догорает сердце мое.

Ты с другим в легкой дымке фаты ...
 – Представляется в мыслях картина.
 Как жестоки удары судьбы!
 Видеть это – мне невыносимо.

Только хватит страдать, довольно,
 Зло в разорванном сердце убью.
 Как бы ни было горько и больно,
 Но тебя я ни в чем не виню.

Мы так страстно любили друг друга,
 Счастья большего нет не земле!
 Пусть теперь не моя ты подруга,
 Будет жить оно вечно во мне.

1983 г.

Заходящее солнце пылает вдали,
 Озаряя полнеба собой, полземли.
 И, как будто о прожитой жизни моля,
 Слезы чистые льют тополя, тополя.

Отчего же вы плачете так, тополя?
 Мое сердце не надо тревожить зазря.
 Там нередко бывали несчастье, беда,
 Но, что прожил, оставьте
 со мной навсегда.

...Было время, мне солнце
 дарило любовь,
 Но ее не сберег, и осталась лишь боль.
 До сих пор ощущаю ее острие –
 Над осколками счастья
 кружит воронье.

Уходящий закат исчезает вдали,
 В синем сумраке ветки
 склонив до земли,
 Песню грустную нежно,
 как звон хрусталя,
 Со слезами поют тополя, тополя...

1983 г.

Перевела Тамара Потемкина

Увижу ее – и улыбку скрою,
 чтоб не подсмотрела обиду и грусть.
 Но всячески прячу улыбку свою –
 удумает вдруг, что над ней я смеюсь.

Обманываться я и дальше готов,
 но все-таки кто и кому из нас лжет?
 Кто копит запас утешительных слов?
 Кого тайный стыд и раскаянье жжет?

Я вроде ей радуюсь... Но кабала
 лжи больше непереносима вралю.
 Любовь нелюбимой – ты так тяжела,
 как ненависть той, что любил и люблю.

Не знаю я, не знаю

Ответ не найду на вопрос,
 что мучает день ото дня:
 каков был мой мир без меня,
 и что я с собою принес?

Ручей, что село огибал,
 тень ивы, спасавшая в зной,
 те люди, которых я знал, –
 все это взаправду со мной?

Та девочка, что полюбил
 еще до пятнадцати лет –
 и вот по сей день не забыл, –
 все это был сон? Или нет?

*Шапка сгорела – так у чеченцев говорят парню, чья девушка выходит замуж за другого.

Улыбчивой мамы тепло,
отец, на улыбку скупой, –
с тех пор столько лет утекло –
и впрямь они были со мной?

Учеба и армия, дом,
работа, то множество лет,
что мы своей жизнью зовем, –
случились со мной? Или нет?

Что – вымысел, морок, пустяк
надуманный? Что – во плоти
взаправду случилось? И как
границу меж них провести?

Ответ не нашел, хоть убей...
Зато неизменно со мной
родные, десяток людей
и память о девочке той.

Тень ивы, спасавшая в зной,
ручей за околицей, луг –
когда я уйду в мир иной,
лишатся всей прелести вдруг...
Их век столь же краток, как мой.
Но там – не бывает разлук.

Перевел Виктор Куллэ

Телега

Телегу жизни обгонять не надо,
И отставать не нужно от нее.
И не мешай, коль видишь – вот досада –
Спешит не той дорожной колеей.

Заблудится – кто хочет заблудиться,
Отчаянный – загонит лошадей.
Молчи, когда поток навстречу мчится –
Ведь не просили помощи твоей.

Не трать слова на мудрые советы,
Заранее никто не разберет:
А вдруг да сядоки телеги этой
Все сделают как раз наоборот

Не тех искали мы напрасно день-деньской
За годом год, всю жизнь, и не нашли друг друга.

Я ждал и звал тебя. Стал мир вокруг постыл.
Что будет впереди – казалось, все едино.
На зов явилась мой, о как же поздно ты.
И рухнула печаль мне в душу, как лавина.

Не радуется порой и долгожданный клад,
Когда земная жизнь склоняется к закату.
И в этом только я сегодня виноват.
А ты, моя любовь, ни в чем не виновата.

Перевел Юрий Щербаков

Товарищ, что со мной издал свой первый крик,
сказал, что он уйдет лишь в мой последний миг.

Куда я ни пойду – товарищ мой чудной,
чтоб я ни делал, вновь увяжется за мной.

Цель у него одна: разок дожждаться дня,
чтобы как брат сдавить в объятиях меня.

Я жизнь не так ценю, как мой товарищ тот,
что вечно по ночам маячит у ворот.
Товарищ этот – смерть... И забывать не след,
что в жизни у людей надежней друга нет.

Вещи, что носил я в детстве, не были красивы – но
что имеем, тем довольны. Я был даже счастлив в них.
Изодрались, проносились – вновь латать их суждено.
У меня – сказать по чести – просто нет вещей иных.

До чего порой мешает жить холодный чистый ум,
что взирает на реальность, как сквозь драное тряпье.
Жизнь – убогая калека. Из клочков ее костюм.
Коли вправду оголится – страшно глянуть на нее!

То спускаясь в овраг, то горой крутой
мчит судьбы колесо – нет конца дорог.
Сердце – мяса и мышц крохотный комок –
вздумало издавать странный скрип порой.

Приземленной теперь мыслей толкотня –
больше о небесах мне не помечтать.
Может, где-то в пути стерлась шестерня?
Невозможно в пути колесо менять,
впредь идти мне вперед на своих двоих.

С тем столкнулся, что сам не любил в других:
век тянуть и толкать, что уже не мил.
«Стоит ли?» – так вопрос задан напрямик.

От кого ждать ответ, и кого спросил –
не пойму. И в ответ до сих пор не вник.
«Что ж, крутись, колесо, сколько будет сил», –
сам ответил. И мне легче в этот миг.

*2010 г.**Перевел Виктор Кулле*

Возвращение

Счастье снова так близко – рукою подать!
Это счастье зовется Герзельской землею.
Сколько там километров осталось шагать?
Испытанье готов я осилить любое!

Непроглядная тьма. Волком воеет Аксай.
Звезды в тучи на небе забились трусливо.
Так встречает меня неприветливо край,
Где я был и где буду навеки счастливым.

Здесь мой корень, родная моя сторона,
Здесь мой род, что в столетиях мужеством славен!
Что ты прячешь лицо, о сестрица-луна?
Что ты воешь, река? Я ж не гость, а хозяин!

Не узнали? Вот ветер, как пес заскулил,
Он почуял, наверно, что я – та частица
Незабытой, единственной, древней земли,
Что себя обрести этой ночью стремится...

1983 г.

Нана

Лишь бы сердце твое оставалось в покое,
Лишь бы меньше ему горевать и страдать –
О, моя дорогая, за счастье такое
Все, что есть за душою, готов я отдать.

От вселенского зла заслони́л бы собою!
Научиться бы только от горя и бед,
Словно ты – помню детство мое золотое –
И любимое сердце, и весь белый свет

Сберегать от несчастий, невзгод и обмана!
Знать бы только секрет волшебства твоего:
Стоит только позвать потихонечку: «Нана...» –
И опять наступает добра торжество!

То заветное время, что было когда-то,
Путеводной звездой несу по судьбе.
И себя ощущаю навек виноватым,
Что не смог стать
надежной защитой тебе...

Да увидит Всевышний:
нет лжи за строкою,
И в душе моей сможет одно прочесть:
Лишь бы сердце твое оставалось в покое,
Лишь бы меньше ему
горевать и страдать...

2004 г.

Об исканиях

Предисловие:
Мы не нашли то, что искали.
Остался вопрос: Почему?

I

Существует три причины того, почему не нашли то,
что искали:

1. Искали плохо;
2. Искали не там, где надо было искать;
3. Искали то, чего нет.

II

Итог:

Искать хорошо, но только там, где следует искать.
В результате обретешь.
Не искать то, чего нет.

III

Никто не знает, где обиталище Счастья.
Мудрецы говорили, что если Счастье все-таки где-то есть,
то оно находится в твоём сердце.
Мало тех людей, кто верит в эту мудрость.
Мало тех людей, кто верит, что Счастье в сердце каждого из них..
Но ещё меньше тех, кто ищет его там.
Поэтому очень немногие находят то, что ищут, то, что им нужно
– Счастье.
Потому, что есть только три причины не найти то, что ищешь:
1. Искали плохо;
2. Искали не там, где надо было искать;
3. Искали то, чего нет.

2001 г.

Уходящему лету не плачу вослед,
И потерянных связей не жалко мне вовсе,
В сентябре мои дни без печалей и бед...
Здравствуй, осень моя! Златовласая осень...
Сплин осенний уже не пугает меня,
Понял я – у печали вкус сладок порою.
Видел, как среди бед хорошела земля,
И я счастлив сейчас этой серой порою.
Много раз посвящал свои песни земле,
И природой её любовался под вечер,
В этот холод она вдруг напомнила мне,
Что сродни с нею мы на безмолвном наречье.
Благодатные чувства и мысли во мне
Снова осень волнует, с глубин поднимая,
Мою веру в себя оживляет вдвойне,
От ненужных сомнений меня избавляя.
Уходящему лету не плачу вослед,
И потерянных связей не жалко мне вовсе,
В сентябре мои дни без печалей и бед...
Здравствуй, осень моя! Златовласая осень...

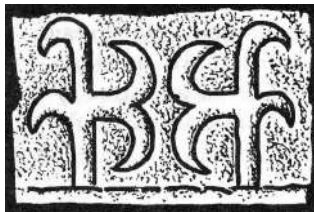
1988 г.

Чтоб не пасть, не упасть и с ума не сойти
Я в себя ухожу, задвигая все шторы.
Оставляю за ними я мир суеты,
Ну, а здесь мир души – сердце битое горем.

Много разных людей там, за шторой моей.
Чувства, страсти, пороки им вовсе не чужды.
Раздвигаю ее – выхожу в мир людей,
Заставляет судьба и различные нужды.
Но однажды упав, потерявши опору,
Чтобы выжить, опять за своей прячусь шторой.

Свободен лишь тот, страстями кто непобедим,
Они для души – стальные тяжелые путы,
Они словно черный, густой непроглядный дым,
Змеиной походкой душу способны окутать.
Несчастный легко к страстям попадает в плен,
И сделав рабом, они человека низводят.
Но даже и тот, кто с страстями живет в борьбе,
Вкус счастья познавши, с брэнной земли не уходит...

2002 г.

Перевела Инга Хаяури

Драматургия

Муса Ахмадов

После землетрясения

Драма в двух частях

Действующие лица:*Орца – председатель сельсовета,**Мать Орцы,**Заза – новый секретарь сельсовета,**Кебийрат – мать Зазы,**Беслан – муж Зазы, студент,**Зезаг – старуха,**Махма – бухгалтер,**Маккал – председатель комиссии**по оценке ущерба от землетрясения,**Вошедший, он же Ворон,**Сурхо – мальчик,**Милиционер,**Жители села.*

Действие происходит в середине 80-х годов XX века.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I картина

Ночь. Воздух, наполненный прохладой родников и лесов, свеж. Тишина. Внезапно раздается глухой грохот, он распространяется по всей земле. Лают собаки. Мычат коровы. Кудачхут куры. В домах гаснет свет. Слышится звон разбивающейся посуды. Плачут дети. Люди устремляются к площади. Сгрудившись и став на плечи соседей, смотрят вдаль. Грохот затихает.

Орца, Заза и Сурхо подходят к краю сцены, к зрителям.

ЗАЗА. Вон той башне, что на склоне, землетрясение, наверное, не причинило никакого вреда, Орца.

ОРЦА. Нет, конечно, Заза... Ее стены сложены основательно.

СУРХО. Как, интересно, ваши¹, они поднимали такие большие камни на гору?

ОРЦА. Ее же строил герой, Сурхо... А герою все под силу...

ЗАЗА. С тех пор прошли века...

ОРЦА. А башни все стоят. Тот герой посвятил эту башню своему другу. Он пал в далеком грузинском краю, когда отправился на помощь грузинам в отражении врагов. Построив башню, герой воскликнул: «Стой же веками, пока среди людей живут достоинство, честь, любовь! А они не могут покинуть эту землю, пока стоит наш мир». Такова легенда об этой башне...

II картина

Утро. В помещении сельсовета убирается Зезаг. Работая, напевает: «О мир, озаренный солнечным светом...»

ЗЕЗАГ. Швабра! Зачем она мне? Не хватало мне, Зезаг, дочери Абдуллы, размахивать тряпкой, надетой на конец палки! Что только не придумают! Делают все, чтобы быть как можно дальше от земли. Раньше ходили по дому босиком, поэтому и не болел никто. Ведь и любое дело спорится, если делать его своими руками. Швабра! Ты бы лучше, Махма, сначала спросил, чего мне надо. Дрова бы лучше привез. Или же сено. Видите ли, ему стыдно, если кто из гостей увидит, что я мою полы руками, без швабры! Нет, Зезаг, дочь Абдуллы не из таких!

О мир,

Озаренный солнечным светом...

Вчера посетителей было много. И хоть бы мыли обувь свою, нет, все норовят нанести грязи. Сегодня, видимо, людей будет еще больше, не зря ведь Махма с Маккалом говорили о каких-то деньгах.

Стучат. Зезаг, не слыша, продолжает свою работу. Стук повторяется.

ЗЕЗАГ. Кого это, интересно, принесло в такую рань?

ГОЛОС ОРЦЫ. Зезаг, зачем ты запираешь дверь?

ЗЕЗАГ. Даже не знаю, Орца. Скорее, по привычке. Дома я всегда запираю дверь.

ОРЦА. *(Входит)*. Доброе утро, Зезаг.

ЗЕЗАГ. Живи с добром, Орца. Проходи сюда, к окну, пока я тут протру... Это ты ходил по саду?

ОРЦА. Да. Ты давно уже встала, погасила свет в своем дворе...

ЗЕЗАГ. Дел по хозяйству много. Корову подоила, выгнала его пастись.

Тишина. Нарушая ее, доносится журавлиное курлыкание. Зезаг, прервав свое занятие, стоит, прислушиваясь.

ОРЦА. Сколько у тебя коров, Зезаг?

ЗЕЗАГ. Корова и теленок. Бычка я продала.

ОРЦА. Сено запасла?

ЗЕЗАГ. Нет, Орца, ты бы помог мне.

ОРЦА. Поможем.

ЗЕЗАГ. В прошлом году ты мне накопил копну... О чем ты задумался?

ОРЦА. А как было раньше, Зезаг?

ЗЕЗАГ. Когда – раньше?

ОРЦА. Ну раньше, когда вы были молодыми. Расскажи, Зезаг.

ЗЕЗАГ. А-а... *(выдержав паузу)*. В это время года – нет, чуть позже – начинали собирать белхи², чтобы лушить кукурузу. Днем готовились, собирая початки в кучу. Ночами, при лунном свете...

ОРЦА. А если ночь выдавалась темной, жгли костры!

ЗЕЗАГ. По одну сторону от костра усаживались девушки, по другую – парни и веселились. Какие же песни в ту пору пели, Орца!

ОРЦА. Помнишь песню, которую ты сочинила для друга моего отца?

ЗЕЗАГ. Нет, забыла.

ОРЦА. Постарайся вспомнить.

ЗЕЗАГ. Брось, Орца, эти времена давно прошли.

ОРЦА. Знаю, Зезаг. Мне вдруг подумалось о тех временах, вспомнились отец и его друг Нажа.

ЗЕЗАГ. В те годы это были самые видные парни в селе. Оба учителя, оба в галошах...

Проходит какое-то время. Оба слышат песню из воспоминаний Зезаг.

ОРЦА (*через какое-то время*). Кто тогда знал, что скоро грядет такая страшная война, Зезаг...

ЗЕЗАГ. Кто тогда думал, что мне придется, лишившись всех родных, прожить такую долгую жизнь? Хвала Тебе, Аллах! Хвала Тебе, давшему жизнь, наполненную и радостью, и горем, и счастьем, и бедами...

Их разговор прерывает журавлиное курлыканье. Скоро, заглушая их, доносится мелодия свирели.

Это ваш сосед?

ОРЦА (*подойдя к окну, смотрит на улицу*). Кажется, да.

ЗЕЗАГ. Удивительно, что тебе, взрослому человеку, интересно с этим мальчиком! И когда работал учителем, возился с детьми, словно их ровесник, и в лес с ними ходил...

ОРЦА. Где он?

ЗЕЗАГ. Вон, на склоне. Около башни... Орца, почему у тебя ничего не вышло с нашей новой работницей – я говорю про Зазу... Ведь ты ухаживал за ней, и она была неравнодушна к тебе.

ОРЦА. Может, и была неравнодушна, но она вышла за другого.

ЗЕЗАГ. Видно, из-за людских пересудов между вами произошла размолвка... Клянусь, вы очень подходили друг другу...

ОРЦА. Что поделаешь... Не судьба, значит...

ЗЕЗАГ. Я очень огорчилась, что у вас с ней произошел разлад... Очень уж вы смотрелись вместе. Каждое утро, выгоняя в стадо корову, я видела вас вместе у родника. Много раз обходила вас стороной, желая в душе счастья. Не суждено было, оказывается...

Тишина.

ОРЦА. Когда я работал в школе...

ЗЕЗАГ. Да, своеобразно ты преподавал в школе: говорят, твои дети больше времени проводили на улице, в лесу, чем в классе.

ОРЦА. Знаешь, как они меня любили!

ЗЕЗАГ. Да и сейчас они часто бывают у тебя. Говорят же, что дети чувствуют искреннюю доброту.

Они долго стоят у окна, слушая мелодию свирели.

И снова осень.

Вновь устанавливается тишина. Доносится слабое курлыканье. Внезапно тишину нарушает начавшее работать радио: «...убрана кукуруза со всех посевных площадей...»

МАХМА (*входит*). Доброе утро!

ЗЕЗАГ. Живи с добром!

МАХМА. Что-то в последнее время ты начал приходить рано, Орца...

ЗЕЗАГ (*продолжая работу*). Да и ты сегодня пришел как никогда рано.

МАХМА. Работы сегодня много, бабушка.

ОРЦА. Отправил людей привести в порядок родник?

МАХМА. Клянусь, Орца, я не нашел никого, кто согласился бы туда идти!

Говорят, сто рублей за эту работу мало...

ОРЦА. Как – мало? Раньше за родниками ухаживали и вовсе бесплатно.

МАХМА. Сейчас люди уже не те ... Сегодня, отправившись на сезонную работу, за лето зарабатывают пять-шесть тысяч рублей.

ОРЦА. Нелегко эти деньги даются. Приходится вкалывать, сутками не разгибая спины...

МАХМА. Некоторым легко даются, они нанимают бичей. Есть же такие, которые за водку, еду и триста рублей готовы гнуть спину, почитая это за счастье. Их называют бичами.

ОРЦА. То, что наши люди выезжают в такую даль на сезонные работы, для нас позор.

МАХМА. А дома для них нет работы, Орца.

ОРЦА. Работой людей должны обеспечивать мы.

МАХМА. Должны-то должны... Однако мы с тобой не в силах заложить в этом селе завод по переработке дикорастущих плодов, птицефермы, деревообрабатывающий комбинат – да мало ли что еще тут можно было построить?! Но нет, ничего здесь не открывают. Наш председатель колхоза – пришлый человек, у него две квартиры в городе, в селе появляется раз в неделю. Ходит, нацепив галстук. С тех пор, как он стал у нас председателем, долг колхоза увеличился на пять миллионов рублей. Все заняты своими личными делами. Нет, они не денег копят. Золото, драгоценности, дома, машины... Деньги в любой момент могут обесцениться. Одни мы с тобой ходим, толкуя о селе, людях, народе...

ОРЦА (*очнувшись от размышлений*). Я удивляюсь...

МАХМА. А ты не удивляйся. Так было всегда.

ОРЦА. Я не этому удивляюсь. Я поражаюсь с людей, с наших сельчан, с жителей таких же сел, как наше. Бросив свои дома, хозяйства, кладбища, они разбрелись по всему свету. Почему охладела их любовь к родной земле, почему они с такой легкостью бросают родные края? Эту землю, которую наши предки орошали своим потом, кровью, которую так лелеяли, благоустраивали? Лишившись должного ухода, наша земля оскудевает. Сейчас и урожаи не такие богатые, как раньше.

МАХМА. Это так. Однако людям нужны деньги. Если бы им здесь платили так же, как на сезонных работах, они бы всем сердцем возлюбили эту землю. Но нет, не платят. Поэтому они и разбрелись в погоне за деньгами по всему белому свету...

ОРЦА. Они же не только деньги оттуда привозят. Болезни, бесстыдство... Забываются наши обычаи, традиции... А без них никакое село, никакой народ не выживет. Брат с братом уже не соблюдает приличия... Распространяется пьянство... В последнее время некоторые женщины начали одеваться как мужчины...

ЗЕЗАГ (*моет полы*). Перейдите теперь вон туда.

МАХМА (*переходит на другое место*). Эмансипация, Орца, цивилизация. Прекращай эти разговоры. Скажут, что ты против всего нового. Мракобес!

ОРЦА. Я против такого нового. Против всего нового, что уничтожает народ... Ты заметил, что в нашем селе с каждым годом все меньше детей? В школе в каждом классе по семь-восемь учеников. Нужно предпринять что-то.

МАХМА. Мы ничего не в силах поделать... Может, и родник оставить как есть? Зачем он нужен? На окраине села, да и не пользуется им уже никто.

ОРЦА. Роднику, где бы он ни был, нельзя дать пропасть... Ненужных родников нет... Птица ли, зверь ли, скотина ли – кто-то им, да пользуется.

МАХМА. Так-то оно так.

ОРЦА. Отправил дрова Довке?

МАХМА. Не успел, Орца. Сегодня-завтра отправлю.

ОРЦА. Надо успеть, пока погода стоит.

МАХМА. Сделаем. Правда, от этих людей даже благодарности не дождешься.

ОРЦА. Благодарность... И без благодарности надо делать.

МАХМА. Тогда считают нас за дураков... С тебя же люди смеются, Орца... Помнишь, ты бесплатно построил мост через глинистый овраг? Пешеходный мост в несколько метров... И что сказали люди? Сказали, что Орца, затеяв постройку моста, положил деньги себе в карман... Вот какая благодарность нас ждет.

Проводит пальцем по столу, проверяя, есть ли пыль.

ЗЕЗАГ. Можешь не проверять...

МАХМА. Что? Что ты сказала?

ЗЕЗАГ. Не надо меня проверять...

МАХМА. Остопируллах, как же тяжело с вами... Причем тут ты?

ЗЕЗАГ. Тебе что, больше нечего делать, как проверять меня?

МАХМА. Отстань от меня, женщина. Я же должен сидеть тут целый день, глотая эту пыль.

ЗЕЗАГ. Какую пыль? О чем ты говоришь? Пыль, что оставила я, Зезаг, дочь Абдуллы?

МАХМА. Орца, кто тут председатель, ты или она? Почему ты позволяешь ей мучать меня?

ЗЕЗАГ. Кто тебя мучает?

МАХМА. (*Зезаг*). Чем ты недовольна?

ЗЕЗАГ. Что?

МАХМА. Чего это ты набросилась на меня?

ЗЕЗАГ. Чего ты от меня хочешь?

МАХМА. А ты чего от меня хочешь?

ЗЕЗАГ. Где ты видишь пыль?

МАХМА. Оставь меня в покое!

ЗАЗА (*входит*). Доброе утро!

Орца и Махма какое-то время не замечают ее.

ЗЕЗАГ (*прерывая работу*). Будь любима Богом, Заза!

ОРЦА. Знаешь, что будет, Махма, если мы будем сидеть сложа руки, дожидаясь людской благодарности?

МАХМА. Не знаю...

ОРЦА. Родники исчезнут, дороги без мостов оборвутся у оврагов...

МАХМА. Об этом есть кому позаботиться...

МАККАЛ (*входит*). Ассаламу алайкум!

ОРЦА. Ва алейкум салам.

МАККАЛ. Орца, как здоровье? Все хорошо?

ОРЦА. Неплохо.

МАККАЛ. Как поживает мать?

Зезаг, закончив с уборкой, выходит.

ОРЦА. Мать здорова, слава Богу... Ну, Махма, вы готовьтесь раздать деньги. Я схожу к Бай-Али и Эмину... Говорят, Бай-Али передвинул забор и у них там возник спор... Раньше, до того, как люди начали переселяться на равнину, этой земли хватало пяти сотням семей. Теперь здесь проживает всего около сотни семей, и то не хватает...

МАХМА. Таковы люди...

ОРЦА. Люди разные, Орца...

Выходит.

МАХМА (*Маккалу*). Станный человек. Сегодня таких больше нет. Его бы выставить в музей. Постоянно занят проблемами других, хотя никто и «спасибо» не скажет...

МАККАЛ. Он же председатель сельсовета, «отец села». Никак не нарядуетя этому, бедняга. Молод еще, ничего, жизнь скоро научит.

МАХМА. Кем же ему еще быть, как не «отцом села», если не может стать отцом семейства?!

МАККАЛ (*смотрит на Зазу*). И отцом семейства станет. Если женится на той, что согласна за него идти, не мечтая о несбыточном.

МАХМА. Мне кажется, у него с головой не все в порядке... Мне доводилось видеть людей, которые разговаривают с кошками, собаками, а этот пошел еще дальше, разговаривает с деревьями...

МАККАЛ. И сегодня на рассвете ходил вокруг этого дома, разговаривая с саженцами, что сам посадил.

МАХМА. В этом селе не осталось места, куда бы он не воткнул саженец... Из-за этого земля не просыхает даже в солнечную погоду.

Начинает считать при помощи счетов.

Да и когда работал в школе, ходил вместе с учениками, собирая сказки.

МАККАЛ. Тогда он и ко мне приходил. Просил сказать ему названия родников и полян. Я еще подумал, не хочет ли он написать жалобу на эти родники и поляны (*смеется*). Раньше-то на жалобы и внимания не обращали. А теперь перестройка, все в газетах публикуют. Какая же хитрая эта власть! Хочет, объявив перестройку, выявить всех недовольных властью. Затем опять лет на тридцать установится тишь да благодать. Ха-ха! Дураки! Что интересно, не первый ведь раз власть обманывает таким образом. И вся перестройка рассыплется... и тогда...

Задумавшись, умолкает.

МАХМА. Ведь именно из-за перестройки тебя отправили на пенсию, назначив на твое место Орцу...

МАККАЛ. Ничего... Пусть...

МАХМА. В школе, вместо того, чтобы объяснять, что такое суффикс, он рассказывал ученикам сказки... Учил, что нельзя ломать ветки, загрязнять источники, говорил, что они имеют души. Вах-ха-ха, это же индийская философия...

МАККАЛ. А знаешь, что он сделал позавчера?

МАХМА. Что?

МАККАЛ. Сказал Бикату, что живет на окраине села, чтобы она не вываливала навоз у дороги, а то, что уже вывалила, убрала.

МАХМА. Да разве Бикату послушается его?..

МАККАЛ. А когда она отказалась, он в свой выходной день сам пришел с вилами и перебрросил весь навоз на ее огород... Я ей сказал: «Повезло тебе, а у меня все руки не доходят убрать навоз дома».

МАХМА. Станный человек, очень странный.

Входит Беслан.

БЕСЛАН. Доброе утро!

МАККАЛ. О-о-о, живи долго! Проходи, Беслан, проходи.

Беслан обнимает Маккала и Махму.

МАХМА. Ты куда это, Беслан?

БЕСЛАН. Заглянул к вам по дороге в город, на учебу. Как вы поживаете, все живы-здоровы?

МАККАЛ. Все хорошо, спасибо.

МАХМА. Как твои дела? Смотри, не посрами нас!

БЕСЛАН. Нет, конечно! Я уже член двух комитетов.

МАХМА. Каких комитетов?

БЕСЛАН. Комитета профсоюза факультета и комитета комсомола курса.

МАККАЛ. Молодец! Я давно знал, что ты далеко пойдешь! И галстук у тебя, как у больших начальников.

БЕСЛАН. А, это так, пойдет. Хотите послушать мелодию?

Нажимает кнопку на часах, начинается музыка.

МАККАЛ. Остопируллах! Какое чудо!

БЕСЛАН. Фирма. Это японские часы. Японцы в этом деле далеко опередили нас.

МАККАЛ. Да что ты говоришь!

БЕСЛАН. Видели бы вы их видеоманитофон! Неделю назад смотрел у товарища. Каких каратистов там показывают! Сложив один на другой, они ломают ударом руки десять кирпичей.

МАККАЛ. Остопируллах, не может этого быть!

БЕСЛАН. Может. Один и я могу сломать. Я учусь карате. У вас нет тут кирпичей? (*оглядев комнату, берет счеты Махмы*). Сломать?

МАХМА. Прошу тебя, не ломай! Мне без них тут делать нечего.

Забирает у него счеты.

БЕСЛАН. Сейчас счетами никто не пользуется. Все работают на калькуляторах.

МАХМА. А ты привези нам.

БЕСЛАН. Хорошо. А пока возьмите вот, шоколадки.

Раздает конфеты.

Они способствуют повышению умственной работы, поэтому я и ношу их всегда с собой.

МАККХАЛ. Не спеши... Что говорит начальство?

БЕСЛАН. Начальство? Говорит – работайте!

МАККАЛ. Ну-ну. Ладно, иди. Счастливого пути!

БЕСЛАН. До свидания!

Уходит. Вслед за ним выходит и Заза.

МАККХАЛ. Будет начальником.

МАХМА. Умеет вести себя подобающим образом.

МАККХАЛ. Не упустит своего. И Зазу увел из-подноса нашего председателя.

МАХМА. Знаю.

III картина

Помещение сельсовета. Прошел один день. Доносится мелодия свирели.

МАККАЛ. Ну вот, началось.

МАХМА. Что?

МАККАЛ. Не слышишь свирель? Это сын Хавы.

МАХМА. А-а, второй Орца. Какое его дело, собрав детей, облагораживать родники? Это же работа сельсовета. Нет, не выйдет из него ничего путного...

Мелодия пропадает.

МАККАЛ. О мир,

Озаренный белым светом!

Видно, не суждено сбыться

Всему, о чем мечталось...

МАХМА (*перебирая счеты*). Не всему бывать, о чем мечталось...

МАККАЛ. Видно, не суждено сбыться

Всему, о чем мечталось...

Хорошо бы, если бы не случилось землетрясения.

МАХМА. У нас не спрашивают...

МАККАЛ. Раз уж это случилось, мы ничего поделать не можем.

МАХМА. Мы обязаны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь людям.

Входит Зезаг, ставит в углу ведро и начинает протирать окна.

МАККАЛ. ...Видно, не суждено сбыться

Всему, о чем мечталось...

Это я про жизнь, бабушка.

ЗЕЗАГ. Эх, жизнь! (*утирает навернувшиеся на глаза слезы*). Не стоит говорить о несбывшемся, Маккал.

МАККАЛ. Э-э, так нельзя! А ну-ка иди сюда, садись. У каждого из нас есть свои проблемы. А то, что произошло землетрясение – так это, с одной стороны, даже хорошо! Не надо плакать.

ЗЕЗАГ. Что ты такое говоришь, Маккал?! Как это может быть хорошо?

МАХМА. Не удивляйся, бабушка, ведь так оно и есть. Вон Беччарка, что живет на околице, и Берс, живущий за оврагом, постоянно ссорились между собой... та-ак (*перебирая счеты*)... а в ту ночь, испугавшись, помирились. Разве это не хорошо?

ЗЕЗАГ. Хорошо.

МАККАЛ. Да, Зезаг, в ту ночь ты что-то рассказывала. Что мир наш стоит на воловьих рогах, и каждый раз, когда вол мотает головой, случается землетрясение. Ты сама хоть верила этому?

ЗЕЗАГ. Я слышала это в детстве, от своей матери. Какая разница, на чем он стоит, если трясется? Попробуйте сделать так, чтобы не тряслась!

МАХМА (*перебирая костяшки на счетах*). А-а, вот как... Мать рассказывала, но ты не должна это повторять. В науке это называется «мракобесие». Поняла? А теперь подойди, возьми свои деньги.

ЗЕЗАГ. Что это за деньги?

МАХМА. Это деньги тебе, как пострадавшей от землетрясения. Распишись вот тут. Двадцать семь рублей десять копеек...

МАККАЛ (*смеется*). Представляю, что будет, если этот вол взбесится... Извини, не могу удержаться от смеха... Видно, не суждено сбыться всему, о чем мечталось...

Взяв деньги, Зезаг уходит.

МАХМА (*перебирая костяшки на счетах*). А-а... После землетрясение люди очищаются, оставив все мелочное, начинают задумываться о главном.

МАККАЛ. Знаешь, о чем я подумал? Мне вдруг стало жаль нашу несчастную Землю. Что с ней будет, если начнется термоядерная война? Она все уничтожит на ней. Поэтому надо бороться за мир.

МАХМА. Когда происходит землетрясение, людей покидает зависть,

взаимная ненависть... Вот и Беслан с Зазой были в ссоре, в ту ночь помирились. Почему она все время молчит?

МАККАЛ. Это ведь моя сноха. Беслан сын моего двоюродного брата. Я еще не развязал³ ей язык.

Заметив вернувшуюся Зезаг.

Ты что-то забыла?

ЗЕЗАГ. Нет. Если бы вы дали мне еще тридцать рублей, я бы купила шифер...

МАХМА. А... а... Нет, мы не можем дать больше. Мы не на базаре.

МАККАЛ (*смеется*). Может, у того вола попросишь, он придет? Извини, бабушка, уж очень это смешно.

ЗЕЗАГ. Ведь вы другим дали...

МАХМА. Твой дом старый, еще николаевских времен...

ЗЕЗАГ. Почему же вы тогда моему соседу Сулайме дали шестьдесят рублей? Его дом пострадал не больше моего.

ЗАЗА. Ты сказала – шестьдесят рублей? А ему выписано сто двадцать рублей...

ЗЕЗАГ. Наверное, так и есть, Заза. Он сказал, что вернул шестьдесят рублей. Если так полагается, и я бы вернула...

МАККАЛ. Это сказки, бабушка. Брось. Ты и в ту ночь рассказывала всякие сказки про воловьи рога.

ЗАЗА. Погодите. Дайте сюда ведомость.

МАККАЛ. Ого, она заговорила!

МАХМА. Вот и не придется тебе тратиться, развязывая ей язык.

ЗАЗА (*читает*). Адамов Адлан – сто пятьдесят рублей, Махашева Бикату – пятьдесят рублей. Как? Я же видела их дома! Дом Бикату покосился, а дом Адлана совсем не пострадал.

МАХМА. А... а... (*перебирая костяшки счеиов*). Так, так, Заза! Какова, а? Борец за справедливость!

Махма и Маккал долго смеются.

ЗАЗА. Вы чего? Что с вами?

МАХМА (*сквозь смех*). Ничего. Дай сюда ведомости, положи их на место.

МАККАЛ. Вот так. Ты вышла на работу меньше месяца назад. Чтобы все правильно понять, нужно время.

ЗАЗА. А чего здесь не понять? Тем, у кого дома больше пострадали, и денег нужно заплатить больше.

Махма и Маккал снова смеются.

МАХМА (*сквозь смех*). Тебе еще многое предстоит узнать. Видишь, даже Зезаг, хоть ей скоро шестьдесят, не знает, отчего случаются землетрясения.

ЗАЗА. Я не ребенок, чтобы вы обманывали меня.

МАККАЛ. Знаю. Если бы ты была ребенком, мы бы тебя не приняли на работу.

ЗАЗА. То есть, как это – мы?

МАККАЛ. И это поймешь позже.

МАХМА. А ты, бабушка, иди домой, не отнимай нашего времени. Мы не на базаре, чтобы каждый делал то, что хочет.

ЗАЗА. Не уходи, Зезаг, пока не разберемся во всем.

Махма и Маккал снова смеются.

МАККАЛ (*прекращая смех*). Хочешь выступить против комиссии?

ЗАЗА. Против какой комиссии?

МАККАЛ. Такой комиссии. Комиссии по оценке ущерба от землетрясения, которая обошла все дворы, собрала все необходимые печати.

Заза удивленно застывает.

Да, комиссии. Поэтому садись. Положи бумаги на свое место.

ЗАЗА. Я не против комиссии, а против несправедливости....

МАККАЛ. Комиссия не может заниматься несправедливостью. Поняла?

МАХМА. А... а... (*перебирая костяшки счетов*). Посмотри напротив фамилии своей матери. Разве там стоит маленькое число?

МАККАЛ. Стоило нам только заговорить о ней, она тут как тут. Добро пожаловать, Кебийрат!

КЕБИЙРАТ. Здравствуйте. Я пришла за деньгами.

МАККАЛ. Как поживаешь? Как здоровье?

КЕБИЙРАТ. Спасибо, все хорошо.

МАХМА. А нас тут Заза веселит.

Махма и Маккал смеются. Кебийрат, хоть и не понимает причины их смеха, тоже начинает невольно смеяться. Все вместе прекращают смех.

КЕБИЙРАТ. И что же она вам такого сказала?

МАККАЛ. Ничего особенного. Просто развязала язык прежде, чем я попросил ее об этом.

КЕБИЙРАТ. Да не может этого быть! Прошу тебя, добрый человек, извини ее. Она еще молодая. Выросла без отца. К тому же, и в школе училась.

МАХМА. Это-то еще полбеда. Хоть бы этим ограничилась.

КЕБИЙРАТ. Боже, что она еще сделала?

МАХМА. Пытается учить нас.

Махма смеется. Маккал и Кебийрат подхватывают смех. Зезаг и Заза стоят, уставившись на них.

КЕБИЙРАТ. Прости ее, такова сегодняшняя молодежь, со странностями.

МАХМА. Ничего. Подойди, Кебийрат, возьми свои деньги.

КЕБИЙРАТ. Алхамдулиллах, пусть мой смех будет к добру... Сколько там, Парень?

МАХМА. Немало... Что еще человеку нужно, если есть кому так развеселить?! Подай, Заза, ведомости.

ЗАЗА. Нет, Нана, ты не возьмешь эти деньги, пока я тут со всем не разберусь.

МАХМА. Я тебе сейчас все объясню. Из ста двадцати рублей, что выписаны Сулайме, вычтены налоги и... (*перебирая костяшки счетов*) взносы в Госстрах...

ЗАЗА. А где тогда квитанция?

Махма и Маккал вдруг осознают, что с Зазой будет не так просто, как им кажется. Они изумлены, словно начал идти красный снег. На какое-то время устанавливается тишина.

МАККАЛ (*глубоко вздохнув*). Кебийрат, ты только послушай, что она говорит.

КЕБИЙРАТ. Это все ерунда, молодой человек. Замолчи, дочь! Замолчи! Отдай эти документы. Поработаешь лет десять, тогда все поймешь.

ЗАЗА. Я уже понимаю кое-что. Ты иди домой, Нана, сегодня денег не будет. Пока не придет Орца...

МАККАЛ. Ну ты даешь, девушка! Думаешь, что Орца не знает это? Или думаешь, что ему понравится то, что ты говоришь?

ЗАЗА. Тогда я поеду в район.

МАХМА. Нет, она тронулась, определенно тронулась!

МАККАЛ. Той ночью, кажется, не только земля тряслась, но и чьи-то головы тоже.

МАХМА. Смотри, девушка, до чего ты довела Маккала! Во-первых, ты без его просьбы развязала язык... а... (*перебирая костяшки счетов*). Во-вторых, ты показала свою неблагодарность. А ведь это он устроил тебя сюда на работу.

ЗАЗА. Как это он меня устроил на работу?! Меня народ выбрал.

МАККАЛ. Сначала тебя выбрал я. Мало ли я мотался по району, ходатайствуя за тебя!

КЕБИЙРАТ. Ну ты даешь, Маккал... Зачем ты так говоришь? Можно подумать, ты бесплатно старался. Кроме того, я просила тебя не трезвонить об этом на каждом углу.

МАККАЛ. Это вы вынуждаете меня об этом рассказывать, Кебийрат...

Заза порывается что-то сказать, но застывает. Ей трудно поверить в то, что она услышала. Баиня ее представлении об этом мире рушится.

ЗЕЗАГ. Девушка, получается, что я становлюсь доносчицей. Прекрати это, в нашем роду никогда не было доносчиков. Не нужны мне такие деньги. Я ухожу.

Идет к выходу.

ЗАЗА (*повышая голос*). Зезаг, ты куда не уйдешь!

В это время, приоткрыв дверь, кто-то заглядывает. Все смотрят на него. Наконец, дверь закрывается.

МАККАЛ. Кто это был?

МАХМА. Не знаю. (*Неожиданно разозлившись*) Девушка, хватит, прекращай! У нас есть договоренность и тебя взять в долю.

ЗАЗА. Мне не нужна доля.

МАХМА. Как? Голландское пальто, фирменный халат, японский магнитофон... Ты хочешь купить все это на свою зарплату?

МАККАЛ. Твой муж студент, у него нет никакого дохода. Думаешь, если поедешь в район и там все это расскажешь, тебе дадут медаль? А? (*перебирая*

костяшки счетов). Нет, не дадут! Наоборот, тебя назовут стукачкой, доносчицей. Все будут указывать на тебя пальцем!..

ЗАЗА. Посмотрим!

Заза, хлопнув дверью, высказывает. Махма подходит к зрителям.

МАХМА. Да, согласишься!.. Жизнь далека не такова, какой ты ее себе представляешь, Заза. Весенний цвет на деревьях. Бело-красный цвет. И цвет в свое время опадет, опадет в холодную грязь. Это неизбежно. Чтобы вырос плод, цвет должен опадеть. Затем и плод гниет. Нет, жизнь не такова, какой нам кажется. Она намного горше. Кому не хочется все время ахать от восторга, читать стихи, слушать музыку, восхищаться стихами, слушать в лесу щебетанье птиц, прослезившись от умиления?!

Однако в первую очередь надо иметь деньги. Чтобы быть хорошим, вежливым, культурным, нужны деньги. Чтобы ты смог дать их старикам, нуждающимся... Тогда будут говорить: «Да вознаградит тебя Всевышний. Махма настоящий мужчина, уважает стариков».

А если у тебя нет денег?

Кому нужны пустые разговоры, болтовня нищих? Никому.

Думаете, я всегда был таким? Нет. Я был другим. Я был Махмой, который всегда говорил правду в лицо! Тогда жизнь нанесла мне удар, один, второй, третий... Она переломила мне хребет. Посмотрите, у меня от хребта ничего не осталось, у меня его нет. Его перемололи камни жизни. Чтобы выбраться из-под завала этих камней, я превратился в юркую ящерицу. В ящерицу!

IV картина

В тот же день. Автобусная остановка.

Прибегают Маккал, Кебийрат. Зеза.

МАККАЛ. Девушка, ты думаешь, что если сейчас поедешь в район и все расскажешь, что-то изменится? Ничего. Если же вдруг изменится, если у меня из-за этого возникнут проблемы, думаешь, ты и твои родственники будут свободно разгуливать? Нет! Наш род никогда не оставлял оскорбления без ответа. За одного мы в ответ всегда убивали двоих. Думается мне, что ты недолго останешься нашей снохой, если не изменишь свой нор. Да и попутки до района в это время не найдешь.

КЕБИЙРАТ. Что ты такое плетешь? Да твой родственник должен быть благодарен ей, что она согласилась выйти за него замуж! В чем ты можешь упрекнуть дочь Лом-Али, сына Арснаки?

МАККАЛ. Ни в чем, разве только в том, что она разгуливала по лесу с этим парнем, да еще с непокрытой головой...

КЕБИЙРАТ. Знаешь, что? Где бы она ни разгуливала, она знала, как себя вести! Никто не может ни в чем упрекнуть ее, она чиста! Ты лучше вспомни свою племянницу, дочь бедняги Бано, выросшую сиротой, которую ты продал дезертиру Даме...

ЗЕЗАГ. Оставь в покое дочь моей сестры, Кебийрат! Не впутывайте ее в свои дела, решайте их сами. (*Маккалу*). Она погибла из-за тебя, бросившись с обрыва.... Будь у нее брат...

Плачет.

МАККАЛ. О мир,
Озаренный солнечным светом!
Видно, не суждено сбыться
Всему, о чем мечталось...⁴

Такова жизнь, Зезаг. Никто не достигает всего, о чем ему мечталось. А Дама был настоящим мужчиной, за него пошла бы любая девушка...

КЕБИЙРАТ. Да, прячась днем, разгуливал по ночам, словно летучая мышь... А где она должна была жить?..

МАККАЛ. Там же, где и ее муж.
...Накроемся черкесской буркой,
В изголовье положим мое свадебное платье...⁵

Это вы же, женщины, поете такие песни... Клянусь, я желал ей только хорошего... Погибла, бросившись в пропасть, когда ей опротивел этот мир. А может, случайно поскользнулась...

ЗЕЗАГ (*плача*). Как? Как ты мог сказать это? Теперь я знаю, почему случаются землетрясения. Потому что в этом мире есть такие люди. И как только растет трава там, где вы ступаете? Как восходит над вами солнце? Ва-а, Румиса, да умри я вместо тебя... А ты, Керийбат, почему заговорила тут о ней? Лучше расскажи о себе, которая менее чем через год после того, как твой муж ушел на войну, вышла замуж за другого...

КЕБИЙРАТ. Ну и что? И нисколько не жалею. Поэтому сегодня имею свою семью. Не прозябаю в одиночестве, как ведьма. А ты жди своего, хотя после окончания войны прошло сорок лет. Дождись...

ЗЕЗАГ. Да, я ведьма, я дура. Поэтому и одинока. Пусть я буду одинока, но никогда не буду такой, как ты, Кебийрат, и как ты, Маккал. Кто скажет, что Зезаг, дочь Абдуллы, была ненадежной, что она сказала неправду? Никто.

Плача, уходит.

МАККАЛ. О мир,
Озаренный солнечным светом!
Видно, не суждено сбыться
Всему, о чем мечталось...

Я никогда не воровал. Я был посредником. И сегодня я тоже посредник, хоть времена и другие. Немало начальников добилось своих постов через меня. Иногда, бессонными ночами, и жалеешь, что твои дела незаметны. Но я всегда помню о корнях деревьев. Их тоже никто не видит, тем не менее дерево питается только через них. Таков и я. Заза начальник. Я – никто. Заза блесит на солнце, ее покачивает ветер, на нее садятся бабочки. Ха-ха-ха! А меня – ее корни — никто не видит. Сейчас она, цвет на дереве, пытается подрезать корни этого дерева...

Утирая пот, быстрым шагом подходит Махма.

МАХМА. Маккал Даудович, ты не утруждай себя. Пусть едет себе в район. Немного развеется и вернется. Ради кого она старается, кому пытается помочь? Старухе, которая за свою жизнь не родила ни одного ребенка, не принесла никакой пользы нашему обществу, мракобеске, которая верит, что наш мир стоит на воловьих рогах.

Заза, не обращая на них никакого внимания, ожидает машину.

МАККАЛ. Ты совсем не знаешь меня, Заза. Не знаешь, какие отношения были между нашими отцами. Ведь твой прадед Арснака и мой дед Дауд были очень близкими друзьями. Оба были красными партизанами, не раз ходили в атаку против деникинцев под крепостью Чахкари⁶... Твой отец и я тоже были близкими друзьями, делили каждый кусок чурека⁷...

О мир,

Озаренный солнечным светом...

Да, мы не раз пели вместе эту песню. Я запевал, он подпевал за мной... надо стараться, чтобы наши мечты сбывались...

КЕБИЙРАТ. Дочка, одумайся, вернись...

МАХМА. Пусть едет. И районному начальству ведь мы нужны... Мы уже поделились с ними.

Прибегает Сурхо.

СУРХО. Заза! Заза! Тебя дядя срочно зовет в сельсовет.

ЗАЗА. Он приехал?

СУРХО. Да... *(остальным)*. Он и вас тоже зовет.

Все уходят. Свет гаснет.

V картина

Сельсовет.

ОРЦА. Что здесь произошло?

МАХМА *(приходя в себя)*. Ничего не произошло. Деньги раздаем... Почему ты так быстро вернулся?

ОРЦА. Заза, а ты куда собралась?

ЗАЗА. Здесь, в сельсовете, обманывают людей.

МАХМА. Ну ты и сказала!..

МАККАЛ. Молода еще.

ОРЦА. Как – обманывают?

ЗАЗА. Тем, у кого дома не пострадали, выписывают больше денег, чем другим, и делят их...

ОРЦА. Махма, что это значит?

МАХМА. Ничего. Из ста двадцати рублей, что выписали Сулайме, шестьдесят рублей удержали на налоги и Госстрах...

ЗАЗА. Квитанции...

ОРЦА. Да, квитанции должны быть. Где квитанции? Где?

МАХМА. Квитанции нет. Не кричи. Ты тоже не можешь вечно ходить

как несмышлениш. Не у тебя, так у твоей сестры есть семья. Деньги будут не лишними...

ОРЦА. Прекрати! Что ты мелешь?

МАХМА. Вот потому, что ты стал бы злиться, мы не говорили тебе, пока все не закончится... Затем поделились бы и с тобой.

МАККАЛ. Не удивляйся, Орца, и не злись. Землетрясения ведь происходят не каждый день. Поэтому, если мы не воспользуемся случаем, нас засмеют.

ОРЦА. Вы продали за рубль свою честь! Я вам покажу, что надо делать после землетрясения!.. Я покажу, что можно, а что нельзя... Землетрясения происходят не каждый день... Будут происходить, если доверить дело вам, каждый день будут.

Не зная, что делать, ходит по комнате.

КЕБИЙРАТ. Не стоит воспринимать это так близко к сердцу... Выпей воды...

МАХМА. Не стоит так расстраиваться, Орца. Никто ничего не узнает... Вот только эта мракобеска Зезаг, но и ее Маккал быстро поставил на место и отправил домой.

МАККАЛ. Ты хочешь ославиться? Навести пятно на все село? Что ты получишь с того, что нас двоих посадят?

ОРЦА. Кто разрешил? Кто вам позволил? Как можно продать свою честь за деньги? Кто позволил? Кто возвел подобную позорную сделку в почетный ранг? Ведь раньше отдавали свои жизни ради чести!

МАХМА. Ты так уж не спеши вывалить нас в грязь. По сравнению с тем, что делают другие, это ничто. Вон Ваха, сын Барзнаки, чтобы получить должность, выдал за начальника свою шестнадцатилетнюю племянницу.

ОРЦА. Что ты несешь? Зачем клеветешь на людей? Откуда ты это знаешь?

МАХМА. Все говорят.

ОРЦА. Вот ты бы сделал такое! Продавайте тогда своих матерей, сестер, и сами выходите замуж за богатых! Вы продались за деньги... Что вы собираетесь оставить своим детям?

ЗАЗА. ...По словам Маккала, это он меня устроил на работу.

ОРЦА. Что-о? Что ты сказала?

ЗАЗА. Моя мать, оказывается, заплатила ему...

ОРЦА. Кто это сказал тебе?

КЕБИЙРАТ. Не притворяйся, что ты ничего не понимаешь. Я заплатила Маккалу, он поделился с тобой...

ОРЦА. С кем поделился? Со мной?

МАККАЛ. Да, я поделился. Правда, не деньгами, я кое-чем другим.

ОРЦА. Это чем же?

МАККАЛ. Коньяком. Когда к тебе приехали твои сослуживцы, я привез тебе десять бутылок коньяка... Или ты забыл про это?

МАХМА. И еще кое-что, Орца... Баран, которого зарезали тогда для твоих друзей. Это были деньги, которые мы собрали в фонд Мира. Ты-то, наверное, думал, что мы таким образом проявили свое гостеприимство.

ЗАЗА. Орца, извини меня. Когда они сказали, что ты в курсе их дел, я им поверила...

ОРЦА. Что вы такое говорите? Разве вы не люди? Забыли, через какие страдания прошел наш народ? Забыли наших славных отцов, которые, отдав последний кусок хлеба ближнему, умирали от голода с улыбкой на устах? Такие, как вы, снова навлекуте на наш народ несчастье. Вы сделаете что угодно, если с такой легкостью продали свою совесть, честь. Это, оказывается, не землетрясение было, а крушение мира. Да, крушение мира... В то время, когда мы пытаемся вновь обрести свои обрубленные корни, разжечь огонь в остывших очагах, чтобы обогреть наши охладевшие в далеком краю сердца, собрать воедино народ, разбросанный по разным уголкам, вы совершили подлость. В то время, когда мы пытаемся восстановить нашу разрушенную извергами башню, в развалинах которой сегодня играет ветер, вы вытаскиваете из ее основания камни...

МАХМА. Башню? О какой башне ты говоришь? Вон башня на окраине села до сих пор стоит.

ОРЦА. Я пытаюсь восстановить наши родники, не обращая внимания на свой огород, заросший бурьяном... Он, оказывается, вырастает выше дома... Но не долго стоять этому сорняку... Ладно, Заза, сначала нам надо расследовать все, что они тут наворотили, потом вместе поедem в район.

В это время открывается дверь и заходит человек, который раньше заглядывал в кабинет. Устанавливается тишина.

ВОШЕДШИЙ. Не надо никуда ехать. Я из района.

Доносится грохот, как при землетрясении. Все застывают. Входит Нана.

НАНА. Что случилось, сын? Почему вы все молчите? Что произошло?

ОРЦА. Ничего, Нана. Иди домой, я скоро приду.

НАНА. Нет, что-то случилось. Скажите мне.

Никто не отвечает.

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I картина

Площадь перед сельсоветом.

МИЛИЦИОНЕР. *(подходит к Махме и Маккалу и отдает честь)*. Сержант милиции Лабаев. Именем закона: следуйте за мной.

МАХМА. Что-о?

МИЛИЦИОНЕР. Пройдите сюда и сядьте.

МАККАЛ. Лабаев, ты не узнаешь меня? Я председатель сельсовета.

МИЛИЦИОНЕР. Бывший председатель. И очень плохой, между прочим, председатель. Пошли!

МАХМА. Что тебе надо?

МИЛИЦИОНЕР. Садись сюда!

МАККАЛ. Зачем нам садиться? Больше некому, что ли? Вон Зезаг, Орца...

МАХМА. Мракобеска Зезаг.

МИЛИЦИОНЕР. Разговоры! Т-с-с! Если будете шуметь, сделаете себе же хуже.

МАККАЛ. Лабаев, мы же односельчане, люди одного рода...

МИЛИЦИОНЕР. Прекратите! Я, в первую очередь, представитель власти. Чтобы не заикались мне больше о селе, роде, пока я при исполнении! Садитесь!

Оба послушно садятся.

МАХМА. Что все это значит? Хоть объясни.

МИЛИЦИОНЕР. Я не имею права разглашать. Должен поступить приказ задержать вас.

МАХМА. А-а, вот в чем дело! Откуда ты знаешь, поступит он или нет?

МИЛИЦИОНЕР. Разговоры! Поступит.

МАККАЛ. А если нет? Что тогда?

МИЛИЦИОНЕР. Сердцем чую, что поступит. Когда поступит, для вас будет уже поздно...

МАХМА. Знаешь что...

МИЛИЦИОНЕР. Тихо! Кто вы такие, чтобы учить меня? Сидите на месте!

Усадив их, отходит в сторону.

МАККАЛ. Что же теперь с нами будет? Скажи что-нибудь!

МАХМА. Не шуми... «Я не виноват!»... Главное, чтобы ты спасся, а я хоть погибай... Так, что ли?

МАККАЛ. Я не это хотел сказать.

МАХМА. Что бы ты ни хотел сказать, нам надо держаться вместе. Понял?

МАККАЛ. Понял.

МАХМА. Если понял, сиди на месте и не шуми. Трус!

МАККАЛ. Зачем ты так говоришь, Махма? Как бы то ни было, я ведь старше тебя.

МАХМА. Старше? Ты старше? Если бы ты был старше, ты бы давно умер!

МАККАЛ. *(разозлясь)*. Ах, вот ты как заговорил! Ладно, тогда я не имею с тобой ничего общего!

МАХМА. Поздно.

МАККАЛ. Нет, не поздно! Ведь ты выписывал деньги на мертвых людей. Хотя я и просил тебя не делать этого.

МАХМА. Что это ты теперь выдумываешь?

МАККАЛ. Я говорю про деньги, которые ты выписал своему дяде Жалавди, умершему два года назад, на Сегират, умершую три года назад.

МАХМА. Землетрясение было и для покойников.

МАККАЛ. Для здешних покойников – да, а зачем ты выписал деньги для тех, кто умер еще в Казахстане?

МАХМА. Чтобы люди не забывали их. Если бы ты умер, и на тебя бы выписал.

МАККАЛ. Обо мне не беспокойся, я немало таких, как ты, проводил на тот свет.

МАХМА (*приблизив к нему лицо*). Знаю, знаю! Мне известно, чем ты занимался в тридцатые-сороковые годы! Знаю, что ты был доносчиком! Что жители села договорились вырвать твой язык и вскормить им собак. Но до того, как они успели привести свой приговор в исполнение, нас выслали в Казахстан. Там сердца людей, перенесших такие страшные лишения, смягчились, и ты избежал наказания. Я все знаю.

МАККАЛ. Махма, я никогда не прощу тебя, если ты упомянешь про это где-нибудь! Не говори больше про это.

МАХМА. Кому нужно твое прощение? Я лучше убью тебя и проведу в заточении десять лет, но не сяду в тюрьму, оставив тебя на воле! Понял?

МАККАЛ. Остопируллах, Остопируллах! Не говори так, Махма! В такую тяжелую минуту мы должны держаться вместе.

МАХМА. Если минута такая тяжелая, придержи свой язык.

МАККАЛ. Я молчу.

МАХМА. Зачем ты взял на работу дочь Кебийрат? Теперь тебе эти двести рублей выйдут боком.

МАККАЛ. Я бы приручил ее, если бы вы оставили меня председателем. Она не первая такая. Они только вначале кривляются: «Я не знаю, я хочу», а потом, как миленькие, сами втягиваются, приписывая себе пятьдесят копеек там, где ты выписал им рубль. Если бы вы меня оставили...

МАХМА. Кто это – вы? Меня-то ты вполне устраивал. Это Махармакаев из района уперся: «Перестройка, перестройка, надо хоть на одно место поставить человека, которого уважает народ. Если мы этого не сделаем, то с нами поступят так же, как в Узбекистане». Узбекистан! Тоже сравнил! По сравнению с тем, какие дела проделывали там, он занимается мелочью. Кому есть до него дело, кому он нужен? Если перестройка, приноровись к ней. Ура! Я тоже за нее. Передвинь стол от окна, два стула от дверей передвинь поближе к столу. Ругай мертвых, хвали живых. Начинается перестройка! Как? На самом деле начинается? Куда там! Прежняя власть стоит монолитной стеной. Ее ничем не сдвинешь. Даже землетрясение ей не страшно. Чтобы сдвинуть ее, должен рухнуть весь мир. А вдруг по-настоящему? Нет, не может быть! Ей бы начаться лет пятнадцать назад, когда мой хребет бы цел, когда я, как сегодня Орца, ахал от умиления над цветочками... Нет, это несправедливо! Дождавшись, пока я потерял свое лицо, изменил свою натуру, не давая мне взамен ничего. Этому не бывать!

Бросается бежать.

II картина

Через день. Сельсовет. Вошедший и Орца.

ВОШЕДШИЙ. Не думай, что я приехал специально по этому делу. Я собирался писать о том, что вы перевыполнили план. В рубрике «Депутатские дела». Войдя в коридор, остановился, услышав эти разговоры. Потом... Я не пойму вас... Люди в это сложное, опасное время стараются изо всех сил, собирая деньги в фонд Мира... А вы, наоборот...

ОРЦА. Товарищ, как тебя зовут?

ВОШЕДШИЙ. Ворон.

ОРЦА. Ка-ак?

ВОШЕДШИЙ. Мой отец как-то в детстве в шутку подозвал меня: «Иди сюда, ворон». Это услышала наша соседка, она рассказала другой, та – третьей... И пошло... У меня было какое-то имя, но я уже забыл... Правда, в паспорте у меня есть имя, которое я сам себе дал – Артур. Не удивляйся так, я встречал человека с именем Тапча⁸, в Урус-Мартане... Если есть Кюра⁹, Маккал¹⁰, Арзу¹¹, Хоза¹² – почему бы не быть и Ворону?

В это время входит и останавливается в дверях Зезаг.

ЗЕЗАГ (Ворону). Начальник, хороший, у тебя есть мать?

ВОРОН. Умерла несколько лет назад.

ЗЕЗАГ. Да упокоит ее душу Всевышний! А отец?

ВОРОН. Тоже умер.

ЗЕЗАГ (обнимает его и плачет). Бедный, сирота! Ни отца, ни матери! Как и дети моей сестры.

ВОРОН. (утирая глаза платком). Да, бабушка, такова жизнь... Не переживай из-за своих денег. Мы позаботимся о них.

ЗЕЗАГ. Да пропади они пропадом, эти деньги! Что я наделала? На что мне эти деньги, зачем мне они нужны! Из-за меня пострадал человек! Прошу тебя, начальник, не наказывай его! Я очень уважаю этого Орцу... Клянусь тебе, Орца, я это сделала не специально!

ОРЦА. Я знаю, Зезаг. Не переживай ты так! Ты ни в чем не виновата.

ВОРОН. Не надо плакать, бабушка. Я не хочу никого наказывать. Однако каждый должен отвечать за свои действия...

ЗЕЗАГ. Не надо, начальник! Не наказывай никого. Я знаю, что из этого выйдет. Ни мне, ни нашим односельчанам не обойтись без Орцы. И в беде, и в радости он всегда с людьми... И его отец тоже был таким. Если бы ты знал, скольким людям он помог!

ВОРОН. Хорошо, коли так. Это несколько смягчит его вину.

ЗЕЗАГ. Не надо, парень. В наше роду никогда не было доносчиков... Как я предстану перед своим покойным отцом, если по моей вине кто-то пострадает?

Плачет.

ОРЦА. Что ты, Зезаг? Как тебе не стыдно?!

ЗЕЗАГ. Все, я ухожу, ухожу...

Выходит. Стоит тишина.

ВОРОН. Продолжим. Ты говоришь, что готов отдать жизнь... Здесь этого не требуется. Но тем не менее... Бывают моменты, когда нужно делать выбор между совестью и жизнью.

ОРЦА. Перед таким выбором мне приходилось оказываться не раз. Как и моему отцу. По рассказам людей, он никогда не шел на сделку с совестью. Вот, прочитай...

ВОРОН. Твой отец был на войне, оказывается. Год назад про него писала наша газета.

ОРЦА. Да.

ВОРОН (*читает*). «Сын мой, я жив! Что может быть дороже для человека, который находится на войне? Я остался жив благодаря Жамбику – видимо, так зовут твоего отца. Если я не вернусь, знай, что должен почитать его как своего отца...»

ОРЦА. Это было в то время, когда они, оставляя на поле битвы десятки своих убитых товарищей, отступали. Обернувшись, отец увидел, что Жанар-Али, раненый, падает в лужу, образовавшуюся от талого снега. Он вернулся. И тут услышал голос: «Он погиб, оставь его. Попытавшись спасти его, погибнешь сам. Зачем тебе сооружать столь высокую башню, поднимая в гору такие тяжелые камни? Вдруг, поскользнувшись, сорвешься в пропасть? Лучше ходи по ровному месту. Главное – остаться в живых, а жить можно и в землянке...» Он узнал этот голос. Голос труса. Тогда он разозлился на себя. Он добрался до Жанар-Али, и это был его ответ голосу труса. Долго он тащил его по начавшему таять снегу. Жанар-Али вылез и опять вернулся в строй. Однако не суждено ему было вернуться домой, увидеть мирную жизнь. Он погиб за три дня до окончания войны... Это мне рассказал отец. Он умер через пятнадцать лет после окончания войны, от ран.

ВОРОН. Да, много жизней унесла с собой война.

В это время заскакивает Махма.

МАХМА. Что вы делаете? Орца, да ты никак плачешь? Ой, да и у тебя глаза на мокром месте! Как это тебе удалось, Орца? Оказывается, ты любого можешь разжалобить. Или же ты настолько мягок, чувствителен, начальник? Это хорошо. Сентиментальных людей в наше время немного, особенно среди начальников. А вот на человеческих людей дефицит. Но настоящий человек должен быть гуманистом. Гуманист – это звучит гордо!

ВОРОН. Если ты закончил, подожди меня на улице. Пока я не позову.

МАХМА. Сию минуту. Когда будешь писать статью или фельетон, товарищ журналист, не забывай, что я всего лишь бухгалтер, который лишь исполнял волю своего начальника, вот его.

ОРЦА. Не думал я, Махма, что ты такой.

МАХМА. Хорошо, что не думал. «Орца идет, вставайте! Орца очень достойный человек, уважаемый. Орца все отдает людям, не оставляя себе

ничего». Как? Как удастся Орце быть таким? И кто он теперь? Он теперь такой же, как и я! Разве это было справедливо, что мне приходилось жить, превратившись в ящерицу? Ходить с переломленным хребтом? Пресмыкаться перед всеми? В то время, когда Орца ходил с гордо поднятой головой. Возвышаясь среди жителей села, как исполин. А теперь получай. Рухнула твоя башня. Теперь мы одинаковые. Чтобы выскользнуть из этого дела, тебе тоже придется превратиться в ящерицу. В ящерицу! Вах-ха-ха!

ОРЦА. Мне жаль... Нет, не тебя, а твоего отца. Он был достоин лучшего наследника.

МАХМА. Мой отец... Не трогай моего отца, Орца. Наслушавшись таких, как ты, пытаюсь быть настоящим мужчиной, мой отец тронулся умом. Приняв на себя чужую вину. А виновные сегодня живы-здоровы, живут себе спокойно после того, как люди провели обряд примирения за пять-шесть коров... Я не буду таким дураком, Орца. Товарищ, во всем виноват он один! Во всем! И в землетрясении тоже он виноват...

Хлопнув дверь, выбегает.

ОРЦА (*через некоторое время*). Я не оправдываю себя. Как это я не виноват, если поверил тебе? Мне не хватило ума, чтобы узнать, кто ты есть на самом деле...

ВОРОН. А что случилось с его отцом?

ОРЦА. С его отцом? (*после долгих размышлений*). Как-то они с товарищами отправились на вечеринку на равнину, там у них возникла ссора. Ссора возникла не по вине его отца. Один из товарищей сказал что-то неподобающее... Схватились за кинжалы, началась потасовка. Один из местных получил смертельное ранение, и все товарищи отца Махмы, Атаби, сбежали. Те поймали Атаби.

Задумавшись, умолкает.

ВОРОН. А дальше?

ОРЦА. Дальше? «Не от твоего ли кинжала погиб наш человек?» – спросили они, приготовившись изрубить его. «Не знаю, – ответил он. – Может, и от моего. Все произошло очень быстро». Специально так сказал, чтобы не солгать. Те целую неделю готовились убить его, каждый день откладывая казнь, пока почтенные старцы не сказали, что не полагается мстить безоружной жертве, тогда они отпустили его. Бесконечные дни ожидания смерти помutilи его рассудок...

ВОРОН (*через некоторое время, поправляя галстук*). Тяжело тебе придется...

ОРЦА. Почему?

ВОРОН. А-а-а... С таким бухгалтером тяжело придется.

ОРЦА. Тяжело? Конечно. Тяжело придется. А где легко и покойно? В животе у коровы? Маленьким ребенком я был очень слаб, и меня сажали в живот коровы¹³...

ВОРОН. Я говорю, что тебе будет трудно заставить молчать своего бухгалтера.

ОРЦА. Я не пытаюсь заставить его молчать.

ВОРОН. В одном он прав: надо превратиться в ящерицу, чтобы выпутаться из этого дела. Не целой ящерицей, тогда ничего не получится. Хвоста придется лишиться.

ОРЦА. Ворон, если бы я хотел, у меня было много поводов постараться превратиться в ящерицу.

ВОРОН. Шучу... Чеченцы не могут без своих шуток. В моем понимании, «превратиться в ящерицу» означает, что надо быть более изворотливым...

Встает и начинает ходить по комнате.

У альпиниста, который неоднократно покорял высокие вершины, вдруг закружилась голова, когда он оказался у небольшого холмика. Я бы сравнил тебя с этим альпинистом. А разве мы были бы правы, если, забыв о покоренных им вершинах, стали винить в том, что у него перед невысоким холмом закружилась голова? Если спросить меня, нет, не правы. Мы не имеем на это права. Но ты знаешь, как в наше время можно уладить любое дело. Как это ни странно звучит, быть ящерицей не так уж и плохо. Она греется на солнышке, отдыхает в тени, взбирается по камням вверх...

ОРЦА. Товарищ, и ты научился так...

ВОРОН. Если не согласен, я молчу. Мне-то что? Я на своей работе – имею зарплату, уважение общества. Много ли забот у ворона? Скок-скок, перепрыгнул с пня на пень. Кар-р... Я уезжаю. Напишу свой фельетон. Вернее... Я напишу большую статью. Статью на морально-нравственную тему, назову ее «Цена совести». Это цена, которую ты сам себе назначил. Я-то, жалеючи тебя, хотел как лучше... Приняв во внимание, что ты сын фронтовика... До свидания.

Уходит.

ОРЦА (*стоит, смотря ему вслед*). До свидания, до свидания.

III картина

Сельсовет. Заза и Беслан.

БЕСЛАН. В городе ничего нового. Я все свое время провожу в учебе.

ЗАЗА. И не скучаешь, наверное...

БЕСЛАН. Скучаю, конечно. Ведь поэтому я и вернулся, хоть прошло всего два дня, как уехал. А ты? Ты не скучала?

ЗАЗА. Скучала... Правда, сегодня и времени не было скучать...

БЕСЛАН. У меня для тебя новость... Я начал писать стихи...

ЗАЗА. Что? Как – писать стихи?

БЕСЛАН. Так, выравнивая строки, рифмуя слова...

ЗАЗА. А разве стихи может писать любой, кто захочет?

БЕСЛАН. А почему нет? Я перевидал много поэтов. Ходят, ничего не делая, сочиняя стихи:

Днем светит

Золотое солнце,
Ну а ночью
Светит луна...

Песни поют. Не трудно же, когда светит солнце, написать «светит солнце», а когда оно заходит – «солнце зашло». Поняв, в чем суть, я тоже присоединился к ним. Вот это стихотворение написал я:

Если есть честь,
Не поддавайся на лесть.
Даже если врагов шесть.
Не забывай про месть...
Вах-ха-ха...

Как тебе?.. Сказать по правде, когда отец решил устроить меня в университет, я согласился на это с большой неохотой. Я считал свой трактор и университетом, и целым миром. Я писал стихи своей пахотой. Каждая моя строка имела одинаковую длину и глубину... Как строки стихов... Теперь мне кажется, я не вынес бы шума этого трактора... Там, в городе, совсем другая жизнь. В каждом доме есть место, чтобы купаться – ванная...

ЗАЗА. Беслан, меня беспокоит одно... Если ты не обидишься...

БЕСЛАН. Что же это?

ЗАЗА. Помнишь, тем вечером, когда заходящее солнце разделило зеленый склон горы на две части, мы стояли у родника, и к нам верхом на коне подъехал он?..

БЕСЛАН. Конечно, помню... Ты же говоришь об Орце, который играет на свирели?

ЗАЗА. До того, как он подъехал, ты сказал: «Я не верю этим сплетням, что бы ни говорили люди, я тебя по-прежнему люблю».

БЕСЛАН. Ты растерялась. «Что это за сплетни?» – спросила ты.

ЗАЗА. Да, спросила.

БЕСЛАН. «Не думаю, что ты не слышала их», – сказал я. Я не хотел повторять их тебе.

ЗАЗА. Но я попросила тебя сказать.

БЕСЛАН. «То, что сказал Орца», – произнес я.

ЗАЗА. «А что он сказал? Ничего он не говорил. Я сама спрошу у него».

БЕСЛАН. «Не стоит. Сказанного не воротишь. Если сейчас опять поднять это, дойдет до стариков. Тогда начнется: «Нужно принести клятву...» – и опять начнутся пересуды», – остановил я тебя.

ЗАЗА. «Тем не менее, я верю ему», – сказала я.

БЕСЛАН. «А кто видел, что вы шли со стороны Аргуна?»

ЗАЗА. «Не знаю. Никто не видел».

БЕСЛАН. «А вы были там?»

ЗАЗА. «Были».

БЕСЛАН. «Вот видишь? Если бы он не сказал, откуда бы люди узнали?»

ЗАЗА. И в это время он подъехал.

БЕСЛАН. Он поздоровался с нами. Сказал, что хотел бы поговорить с тобой.

ЗАЗА. А ты сказал: «Ей не о чем говорить с тобой». Мне это не понравилось, но я промолчала. Вспомнила слова, которые он, якобы, говорил про меня. «Неужели это правда?» – подумала я. Я попрощалась и, отойдя недалеко, спряталась за кустами.

БЕСЛАН (*растерянно*). Спряталась? А потом...

ЗАЗА. ...Тогда он сказал: «Ты никчемный человек, Беслан, ты не достоин ее...» Мне захотелось, чтобы ты хоть что-то сделал, однако ты ничего не сделал. Ты сказал: «Какой ни есть, но она выбрала меня, Орца!»

БЕСЛАН. Да, он хотел спровоцировать меня на ссору, но я не поддался. Прошли те времена, когда чуть что хватались за кинжалы. Если он глуп, не должен же и я быть дураком...

ЗАЗА. Мне очень хотелось, чтобы ты как-то отреагировал, но ты ничего не сделал... Поэтому я и не разговаривала с тобой до той ночи, как произошло землетрясение...

БЕСЛАН. Ну и зря не разговаривала. Мне тоже в первое время было немного не по себе, но позднее я убедился, что был прав. Сегодня другое время.

ЗАЗА. Беслан, почему ты изменился, не такой, как в ночь землетрясения?

БЕСЛАН. Какой?

ЗАЗА. Откуда я знаю, какой... добрый, храбрый. В ту ночь твое лицо светило добротой...

БЕСЛАН. А, оставь это... Да, чуть не забыл... Махма кое-что рассказал мне...

ЗАЗА. Что же он сказал?

БЕСЛАН. Говорит, что ты отказываешься от того, что само идет в руки. Я же студент, учусь, не имею никакого дохода. Мне пишущая машина нужна, чтобы писать стихи. Раньше, когда я работал на тракторе, мне казалось, что если я положу в карман лишний рубль, весь мир рухнет. А он, этот рубль, оказывается, попадает в другой карман, если ты от него отказываешься. Город меня многому научил.

ЗАЗА. Я и сейчас так думаю. Думаю, что мир рухнет, если я положу в карман рубль, который мне не полагается.

БЕСЛАН. Что поделаешь?! Может, ты и права. Или же неправа. Однако ты должна слушаться Маккала, он мой родственник. Ладно, я пойду. Устал в дороге.

Если есть честь,
Не поддавайся на лесть,
Даже если врагов шесть.
Не забывай про месть...
Вах-ха-ха...

Открывается дверь, и заходит Орца. Он не замечает Беслана.

ОРЦА. Заза, спасибо тебе, что не отступила.

ЗАЗА. Я не могла поступит иначе.

ОРЦА. Я хотел тебе сказать кое-что еще. Оказывается, люди начали какие-то разговоры, о которых я даже не подозревал...

БЕСЛАН. Ты еще не закончил?

ОРЦА (*роняя свирель*). И ты здесь?

БЕСЛАН. Да, здесь. И буду здесь. Тебе есть что сказать?

ОРЦА. Приехал?

БЕСЛАН. Ты разве не видишь меня?

ОРЦА. Как здоровье?

БЕСЛАН. Отлично. Есть еще вопросы?

ОРЦА. Нет... К тебе нет...

БЕСЛАН. Если ко мне нет, то и к ней тоже нет. Ясно?

ОРЦА. Не кричи.

БЕСЛАН. Все, что тебе есть сказать, ты сказал еще тогда, у родника.

ОРЦА. Да... Да... У родника... Тогда...

Орца выходит.

БЕСЛАН. Что это у вас за разговоры?

Заза молчит.

Говори!

ЗАЗА. Что это ты кричишь?

БЕСЛАН. Отвечай мне! Отвечай! Что ему от тебя надо?

ЗАЗА. Я его служащая.

БЕСЛАН. Что-о? С каких это пор? Ты не его служащая, а государственная служащая. Ясно тебе?

ЗАЗА. Как бы там ни было, я не могу не разговаривать с ним. Если мы вместе работаем...

БЕСЛАН. Хочется тебе или нет, тебе придется прекратить общение с ним! Мне надоело! На каждом шагу только про него и слышишь! Если ты еще хоть раз заговоришь с ним...

Беслан выходит.

IV картина

Одна из комнат сельсовета. У окна стоит Заза. Входит Орца.

ОРЦА. Как настроение, Заза?

ЗАЗА. Ничего, Орца...

ОРЦА. Рассказать тебе об одной женщине?

ЗАЗА. Расскажи.

ОРЦА. Это была очень красивая девушка. Слава о ее красоте шла по всем аулам. У нее было много поклонников. Она же вышла за Нажу, несмотря на то, что родные не одобряли ее выбор. Нажа был очень веселым, видным парнем. Мало кто мог сравниться с ним в джигитовке.

Пауза.

ЗАЗА. А дальше?

ОРЦА. Через несколько месяцев после свадьбы Нажу и его сверстников призвали на войну. Это бы пасмурный осенний день. С неба доносилось курлыканье журавлей, которые улетали в теплые края... «Я вернусь в такой же осенний день, когда журавли будут улетать на юг», – сказал Нажа жене в тот день. С тех пор она ждала его каждую осень, наблюдая за дорогой, ведущей в село...

ЗАЗА. Кто эта женщина, Нажа?

ОРЦА. Это Зезаг...

ЗАЗА. Правда? Какая печальная история...

ОРЦА. Да...

ЗАЗА. Удивительная женщина! Никогда не тушит ночью лампу в своем дворе...

ОРЦА. Наверное, тьма усиливает ее тоску...

Пауза.

ЗАЗА. Сегодня у меня словно открылись глаза, и я по-новому увидела многих людей, которых давно знала.... Орца... Я... Ты... Я не верю, что ты...

ОРЦА. Не надо, Заза, ворошить прошлое... Я все понимаю...

Устанавливается тишина. Заза выходит.

Заза, Заза, мой весенний красно-белый цветок...

Выходит.

V картина

Сельсовет.

МАТЬ. Сын, ты сегодня собираешься домой?

ОРЦА. Нана, это ты? Зачем ты пришла?

МАТЬ. Я переживаю, когда ты задерживаешься.

ОРЦА. Не беспокойся, нана.

МАТЬ. Ничего не случилось?

ОРЦА. Да, случилось... Мир рушится, нана...

МАТЬ. Как – рушится?

ОРЦА. Так, рушится. По частям.

МАТЬ. За это не переживай, сын мой. У этого мира есть свой хозяин.

ОРЦА. Я не знаю, что мне делать, нана. Стараюсь сделать что-то хорошее, а люди...

МАТЬ. Оставь людей. Занимайся своей жизнью.

ОРЦА. Как мне заниматься своим хозяйством, нана, когда я вижу, что мир рушится? Ты обратила внимание, как изменились глаза людей в последнее время, как изменились их мысли?

МАТЬ. Работ разных много, сын мой. Оставь людей, их мысли. Ты не в силах ничего изменить. Лучше создай свою семью, живи домом, своими заботами...

ОРЦА. Семью? Создам и семью...

МАТЬ. Ты давно это обещаешь. А твои родственники винят меня, что я никак не женю единственного сына.

ОРЦА. Забот пока полно...

МАТЬ. Если один раз не получилось... Видимо, сплетни развели вас по разным дорогам.

ОРЦА. Какие сплетни?

МАТЬ. Говорят, что ты что-то сказал про Зазу... Поэтому она, оказывается, охладела к тебе.

ОРЦА. Ничего я про нее не говорил.

МАТЬ. Я-то знаю, что ты не скажешь.

Пауза.

ОРЦА. Видела, нана, что случилось?

МАТЬ (*смотрит в окно*). Половина башни... Когда это произошло?

ОРЦА. Сегодня. И башне нужен и хозяин, и товарищ рядом. Ей тяжело стоять в одиночестве. (*Смотрит в окно*). «Стой же, пока стоит этот мир, а мир не может рухнуть, пока среди людей не исчезнут честь и любовь».

МАТЬ. Ты о чем?

ОРЦА. Говорят, так сказал герой, что построил эту башню. Он посвятил эту башню своему другу, который погиб в битве иноземцами, вторгшимися в соседнюю страну. Хороший это был друг, если решился построить башню на такой крутой скале, поднимая на высокую гору тяжелые камни.

МАТЬ. Половина башни... Что-то случилось в этом мире, если ее половина рухнула. Да убережет нас Аллах от беды!

ОРЦА. Нана!

МАТЬ. Что?

ОРЦА. Они были настоящими друзьями!

МАТЬ. Конечно, настоящими.

ОРЦА. Интересно, а сейчас есть такие друзья?

МАТЬ. Не знаю.

ОРЦА. А вот у юного сына Жюьра-Бабы¹⁴ был настоящий друг.

МАТЬ. Да, был. Князь Хаси. В нужную минуту всегда приходил на помощь. Сегодня таких нет, люди изменились.

ОРЦА. И сейчас есть, нана... Должны быть... Помнишь, ты в детстве рассказывала мне сказки про сына Жюьра-Бабы? Я представлял, что ты Жюьра-Баба, а я – ее сын. Мне тоже хотелось, как и он, совершать добрые поступки.

Мне нравились весенние вечера. В детстве я всегда играл на околице, пока не наступал вечер. Мне нравилось, когда ты звала меня домой: «Ваа Орца!...» Но я никогда не откликался, пока ты не позовешь меня три раза: кто знает, может это меня шайтан разыгрывает? Ты сама меня так научила. Тогда я кричал в ответ. Потом шел домой. Ты сидела под навесом во дворе, разведя огонь. Я садился рядом с тобой, наблюдая за огнем в очаге. Ты пекла мне межарги¹⁵. Рассказывала сказки про сына Жюьра-Бабы... Позже, когда я повзрослел и стал ходить к сельскому роднику, мне тоже нравились весенние вечера. Излив с ней душу у родника, я шел к центру села. Вместе с ночной тьмой, опустившейся на село, в воздухе разливалась мелодия моей свирели. Ее было слышно во всех

концах нашего села... Затем, вернувшись домой, открывал нашу скрипящую деревянную калитку и долго стоял, прислонившись к столбу, наблюдая за тобой, хлопотавшей у печи, и слушая, как жуют свою жвачку коровы под навесом. Наблюдая за всем этим, я думал: «Боже, что еще нужно человеку! Эти весенние вечера, огонь, потрескивающий в печи, милый облик начинающей сесть матери, запах влажной земли! Если это будет вечно, то и смерть наступит только от избытка счастья!»

Пауза.

МАТЬ. Что это тебе вдруг вспомнилось?

ОРЦА. Не знаю. Вспомнил вдруг.

МАТЬ. Еще успеешь в свое время вспоминать про это.

Пауза.

ОРЦА. Нана, а почему ты тогда не ушла, ведь бабушка сказала, что ты можешь уходить?

МАТЬ. Что? Когда?

ОРЦА. Когда бабушка сказала тебе уйти, оставив меня?

МАТЬ. (*подозрительно*). Почему ты спрашиваешь?

ОРЦА. Ради меня осталась...

МАТЬ. Да, я жила ради тебя. Ради тебя и любви к твоему отцу. Надеюсь, что ты вырастешь настоящим мужчиной, что у тебя будет достойное потомство. Так заведено в этом мире, что родители живут ради своих детей, а они – ради своих... А ты? Ради кого живешь ты? Ты пытаешься жить ради села, общества – ради всех. А для себя когда? Ведь я не вечна. Никто еще не прожил эту жизнь, переделав все дела. В этом мире нет идеальной чистоты, справедливости. Довольствуйся тем, что имеешь. Не выбирай невесту так долго. Мне любая сноха подойдет. Разве твой отец покинул этот мир, довольный всем, что имел? Разве у него не было причин переживать? Потеряв в ссылке отца, мать, трех братьев, получив сам ранения на фронте? А его отец? Какие бы испытания ни выпали на их долю, они продолжили свой род, оставили наследников. Ты-то о чем переживаешь? Сегодня, слава Богу, нет ни войны, ни голода.

Плачет.

ОРЦА. Прости меня, нана!

МАТЬ. Нет, это ты меня прости... Я во всем виновата. Я не смогла сделать тебя счастливым. Не хватило сил своевременно создать для тебя очаг. Это я виновата. Ты прости меня.

ОРЦА. Это я так, к слову упомянул. Ведь другие проще к этому относятся. Это все теперь уже в прошлом. Правда, у меня сегодня были бы братья и сестры...

МАТЬ. Это сейчас пошло, а раньше не приветствовалось. Если овдовела, надо вдовой и прожить оставшуюся жизнь. Мое счастье, моя жизнь закончились в тот день, когда я осталась вдовой. В тот день, когда для меня померк весь свет, я сделала для себя запретными все мирские радости. У меня остались в

этой жизни лишь две цели: вырастить тебя, и сделать так, чтобы ты никогда не забывал своего отца. У меня-то есть ты, а что должна делать Зезаг, которая совсем одна?

Пауза.

ОРЦА. Солнце встает каждое утро, но оно уже не то, что вчера. Оно каждый раз другое. Люди тоже другие. Прошлое не воротишь. Время летит неумолимо, маленькие становятся молодыми, молодые стареют. Что остается в этом мире после нас? На год, два, на сто лет? А на тысячу лет? Ничего. А небо? Какую тайну оно скрывает? Как достичь его высоты? Если звезды – это солнца, вокруг которых вращаются другие планеты, хотя бы на одной из которых живут другие люди, и на которой царят любовь, истинное равенство, справедливость, почему нас не поселили на этой планете? Почему мы живем на этой планете, полной несправедливости?

МАТЬ. Сын мой! Сын!

ОРЦА. Что ты, нана?

МАТЬ. Я испугалась!

ОРЦА. Чего же ты испугалась?

МАТЬ. Ты же у меня один. Мне вдруг показалось, что ты неожиданно оказался очень далеко, и голос твой я слышала словно издалека.

ОРЦА. Я здесь, нана.

МАТЬ. Орца, мы женим тебя. Пока не опадет листва. Сыграем большую свадьбу. Неужели в моем доме хоть один раз не может быть веселья?

ОРЦА. Может, нана, может. Почему бы и нет? Три дня и три ночи будет играть свадьба.

МАТЬ. Да, три дня и три ночи. Как свадьба, которую сыграл сын Жюбра-Бабы, женившись на дочери старого Дады. Он женился на ней, отбив ее у соперников. Не то, что ты. Знаешь, каким был твой отец? Ему некогда было все время думы думать, как тебе, он везде попевал. А как он танцевал! Как джигитовал! И ты должен быть таким. Если бы он не был таким, разве я вышла бы за него? Много девушек посвящало ему песни:

Скажите, пусть придет, если сможет,

Скажите, пусть явится, если сможет,

Скажите, что при взгляде на него

Весь мир для меня светлеет...

Неожиданно она замечает, что Орцы нет. Вместо него Ворон.

А... А ты кто?

ВОРОН. Это я...

МАТЬ. Орца ушел...

ВОРОН. Была бы ты моей матерью...

МАТЬ. Орци... Ва Орци... Орци.

Уходит.

VI картина

Сельсовет.

КЕБИЙРАТ. Дочка, это правда, что я слышала?

ЗАЗА. А что ты слышала?

КЕБИЙРАТ. Все село говорит, что вы с Бесланом поссорились.

ЗАЗА. Ну и что? Мы и помирились только недавно.

КЕБИЙРАТ. Клянусь, не поссорились бы, если бы ты следила за своим языком. Дождешься, они выгонят тебя, останешься тогда одна...

ЗАЗА. Останусь одна... (*кричит*). Буду жить одна!

КЕБИЙРАТ. Долго тебе придется жить одной. Видит Бог, такого хорошего места тебе не найти больше.

ЗАЗА. А я и не ишу легкой жизни. Оставь меня!

КЕБИЙРАТ. Ты, наверное, думаешь, что я для себя стараюсь. Сколько я хлопотала, пытаясь устроить тебя замуж в хороший дом!

ЗАЗА. Что ты от меня хочешь?

КЕБИЙРАТ. Ничего. Будь бабочкой. Женщина должна быть бабочкой, которая перелетает с цветка на цветок, собирая самый лучший нектар. Женщина не должна вмешиваться в дела мужчин, она создана для радостей. Сорок лет уже прошло, как я, выйдя замуж, переехала в эти горы с равнины. Всех молодых людей в этом селе я называла «парень», всех мужчин, «дядя» или «дада». Даже сейчас. Обращалась к ним и обращаюсь сейчас ласково. Это главное оружие женщины. Поэтому, когда муж отправился на войну, я не прожила вдовой и года. Знала бы ты, сколько мужчин в этом селе ухаживало за мной! А я была бабочкой, которая могла выбрать себе любого. Второй муж, которого я выбрала, тоже скоро отправился на войну. Твой отец был третьим... Думаешь, эта Зезаг не завидует мне? Еще как завидует, только виду не подает. Она не сумела стать бабочкой, поэтому превратилась в летучую мышь...

ЗАЗА. Нана, я не хочу быть ни бабочкой, ни летучей мышью. Неужели я не могу прожить, оставаясь человеком?!

КЕБИЙРАТ. Ну и оставайся человеком, только живи, как люди живут. Если бы не я, вышла бы за своего Орцу.

ЗАЗА. (*С болью*). С ним я сама оборвала.

КЕБИЙРАТ. Оборвала, когда другие постарались.

ЗАЗА. Как – постарались? Кто?

КЕБИЙРАТ. Он не имел к тем сплетням, о которых говорили, никакого отношения. Это мы с Мелижей, матерью Беслана, постарались, чтобы рассорить вас.

ЗАЗА (*изумленно*). Значит, он не говорил: «Она теперь может выйти замуж только за меня...» Не говорил! Почему я поверила этим сплетням?! Поверила, когда мать сказала. Мы, и правда, прошли пять километров пешком по дороге от берега Аргуна до села. Это был летний вечер. Возвращаясь из города, я случайно встретила его. Он заговорил со мной, как всегда скромно.

Поздоровался. Я рассказала про нашу встречу маме... Вот, значит, откуда это пошло... А я? Кто мог подумать, что родная мать...

Доносится мелодия свирели. Неожиданно вдали раздается грохот.

Постепенно он затихает.

КЕБИЙРАТ. *(Испуганно)*. Неужели опять землетрясение?

Заза медленно подходит к окну. Слышится журавлиное курлыкание.

Кебийрат выходит.

ЗАЗА. Журавли, журавли... Неужели в этом мире нет ничего столь же высокого, как это небо? Все, что я до сих пор видела, миражи... Они сегодня исчезнут. Вместе с вашими голосами, навсегда, чтобы больше никогда не вернуться...

Да, журавли, я понимаю ваш язык. Вы говорите: есть в этом мире высокое чувство, есть чистые помыслы... А раз они есть, почему люди превращают эти небеса, приблизив к земле, в стальную крышу? Из-за этого сами люди, не имея возможности встать во весь рост, вынуждены ползать по земле...

Журавли, журавли... Ваш путь по красному от заката небу, звон весенних ручейков, легкие порывы ветерка, который дует со стороны лесов, озаренных лунным сиянием... Вот поистине высокое, вот чистое...

В это время забегает мальчик.

СУРХО. *(плача)*. Знаешь, что случилось? Под руинами этой башни погиб ваши!

Все пораженно застывают. Стоит тишина. Разрывая тишину.

Доносится громкое мужское пение.

Когда говорили, что мир рухнет,

Я думал,

Что голубые небеса

Вдруг обрушатся на землю.

Оказывается,

Мир рушится,

Когда, расставшись

С любимым другом,

Ты остаешься один.

VII картина

Показываются люди. Мир наполняет жалобное пение. От этого пения плачут камни. А люди превращаются в камни.

ГОЛОСА

—...Очень достойный был мужчина...

—...«Когда говорили, что мир рухнет»...

—...Да, это была его любимая песня...

—...Он хотел, чтобы башни стояли вечно...

—...Пошел посмотреть на рухнувшую башню, чтобы восстановить ее...

- ...Достойный был человек...
- ...Чистый, как облако...
- ...Он был слишком чист для этого мира...

Появляются Маккал и Махма.

МАККАЛ. Очень хороший был человек. Такие долго не живут.

МАХМА. У-у, Орца. Кто думал, что все так случится. Прости меня! Кто думал. *(плачет)*. Мать идет.

МАТЬ. Сын мой... Люди, что мне делать? Что мне делать, люди? Да умри я вместо тебя!

Превратившись в дождь, плач матери кружится над горами. Став облаком, льет слезы на землю. В такт плачу покачиваются леса. В ущелья низвергаются потоки. Превратившись в журавлиное курлыканье, плач матери распространяется по всей земле. Доносится голос Орцы.

ГОЛОС ОРЦЫ. Нана, нана. Ты недовольна мною. Нет, я не мог не пойти туда. Сын Жюьра-Бабы сделал бы то же самое. Нужно беречь Вершины земли. Если не сделать этого, вся земля превратится в сплошную равнину. Без гор, без башен.

ЗАЗА. Весь мир состоит из Вершин. Я верила, что ты превратишься в Вершину. Каждый человек в силах сделать это.

СУРХО. Если все забудут, что они могут превратиться в Вершины, что будет с этим миром? Все башни рухнут, все горы превратятся в равнины. Ведь им нужны опоры.

ГОЛОС ОРЦЫ. Этот мир тоже башня. Башня, которая состоит из чистоты людских помыслов, из совести, из чести. Эту башню, подперев своими плечами, всегда должны оберегать достойные мужчины с чистыми помыслами. В жизни мне нравились весенние вечера. В детстве я до самого вечера играл на околице. Мне нравилось слушать голос матери, которая звала меня домой. Я не отвечал, пока она не позовет меня трижды – а вдруг это меня разыгрывает шайтан? Так меня учила нана. Наконец, я откликнулся и шел домой. Мать сидела под навесом, разведя в очаге огонь. Я садился рядом с ней, наблюдая за огнем. Нана пекла межарги. Рассказывала сказки про сына Жюьра-Бабы. Мы ели межарги, запивая простоквашей.

Нана, нана, ты и сейчас будешь сидеть перед печью под навесом. Твои слезы часто будут тушить огонь в печи. Ты так и не сможешь испечь межарги и ляжешь спать. Не голодная, сытая. Ты насытишься тоской, что будет терзать твое сердце, запивая ее слезами.

Нана, я хотел совершить много добрых дел. Однако не успел. Эх, постоять бы еще на улице весенними вечерами... До тех пор, пока не утихнут цикады... Эх...

Воздух наполнен голосами людей, щебетаньем птиц, мычанием скотины.

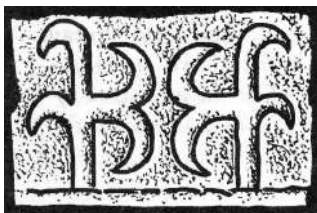
Эти голоса постепенно превращаются в одну мелодию...

КОНЕЦ.

Перевод Сулимана Мусаева

Концевые сноски

- 1 Ваши (*чеч.*) – дядя (при обращении).
- 2 Белхи (*чеч.*) – обычай коллективной взаимопомощи.
- 3 У чеченцев сноха не имеет права заговаривать с родственниками и близкими друзьями мужа, пока они, преподнеся ей подарок или деньги, не попросят ее об этом. Этот обычай называется «мтт бастар» («развязывание языка»).
- 4 Строки из чеченской народной песни.
- 5 Строки из чеченской народной песни.
- 6 Чахкари (*чеч.*)– Воздвиженская.
- 7 Чурек – лепешка из кукурузной муки.
- 8 Тапча (*чеч.*) – пистолет.
- 9 Кюра (*чеч.*) – ястреб.
- 10 Маккхал (*чеч.*) – коршун.
- 11 Аьрзу (*чеч.*) – орел.
- 12 Хьоза (*чеч.*) – птица.
- 13 У чеченцев существовало поверье, что если слабых, болезненных детей подержать какое-то время в утробе только что освежеванной коровы, то он исцелится.
- 14 Жьбра-Баба – героиня чеченского фольклора.
- 15 Межарг (мижарг) – маленькая лепешка из кукурузной муки.

*Память***Казбан Иналкаева****Поклонитесь матери солдата**

Очерк

*Никуда от памяти не деться,
Не познать покоя, тишины.
Остается вечной болью в сердце
Сын, не возвратившийся с войны.
(Н. Рождественский)*

Наша жизнь – это вереница взлетов и падений, успехов и неудач, радости и горя. У каждого из нас своя судьба, и изменить ее при всем желании не всегда нам по силам. Вайнахских женщин жизнь не щадила никогда и, проверяя их на прочность, только подбрасывала им трудностей побольше. Вот и бабушке моей досталось с лихвой испить свою долю из горькой чаши жизни.

Для каждого человека мать – символ семьи, дома и Родины. Поэтому так тесно и переплетаются в нашем сознании два слова – мать и Родина. В самые сложные, трудные и ответственные моменты жизни мы вспоминаем лицо мамы. Ее нет рядом – и мы, хотя бы мысленно, ведем с ней разговор: спрашиваем, советуемся, винимся за промашки и делимся радостью. Мама – это наша совесть и судьба.

Я часто вспоминаю мою бабушку, мать моего отца – может быть, оттого что ее судьба отчасти повторилась в моей судьбе. Как она выглядела, моя бабушка? Он была высокой, белолицей, прядь ее волос, черная с проседью, иногда выпадала из-под платка, красивая улыбка озаряло лицо бабушки, весело шутила, но глаза ее оставались все время грустными, в этих глазах застыла боль – боль разлуки, которую ничем не исцелить. Эту боль я потом часто видела в глазах людей, потерявших своих детей. Мою бабушку звали Хадижат, ну а мы, внуки, как и ее дети, звали ее Нани.

Нани была из села Акки Галанчожского района. Вышла замуж за Булата в село Ялхорой, за моего деда. В семье у них было много детей, пятеро дочерей и пятеро сыновей: Денилбек, Бир, Данилсолт, Самат и Сейд-Али. Незадолго до рождения Сейд-Али погиб мой дед Булат. И растила бабушка детей одна. Дети росли в доме, где не читали моралей и проповедей, а честная достойная жизнь считалась нормой. Хозяйство было большое. С детства, не делая скидок на возраст, Нани приучала ребят все делать по-настоящему, доводить начатое до конца, заставляла их учиться грамоте. Такими были ее родители, такой была она сама, такими стали ее дети.

Сыновья были все, как на подбор, копией отца: высокого роста, плечистые, крепкие. Девчонки веселые, работающие. Любила их Хадижат до самозабвения, хоть и строгой была – а как без этого?! Счастливая ты женщина, говорили ей соседи «дик доьзал кхийна ахь, Хадижат».

Денилбек был старший. После седьмого класса поступил в ремесленное училище в Грозном, окончил его. Мечтал учиться дальше, в 1938 году его забрали служить в Красную армию. Писал письма исправно домой. «Не волнуйся, родная, скоро буду с тобой», – писал Денилбек матери. В 1941 году ждали его домой, но тут грянула война. Началось долгое, томительное ожидание. Бабушка ждала вестей от своего Дени (так она его называла) каждый день, каждую минуту и секунду. Письма приходили пофронтовому скупые, написанные быстрым, неровным почерком, торопливые.

Булатов Денилбек. Довоенное фото

В 1942 году женился второй сын Бир, привел в дом жену Хамилу, дочь Даяна из села Нашха. Семья работящая, и дочку такой же вырастили. Довольна снохой Хадижат. Через год родился у Бира сын, назвали парнишку Юсуп. Вот и первый внук у Хадижат, будут и другие.

В марте 1942 года было письмо из госпиталя от Дени: ранен, не беспокойся Нани, все хорошо. Потом, летом уже, написал, что за участие в боях наградили его орденом Славы III степени. Гордилась мать, а на сердце было неспокойно. В 1943 году перестали приходить письма.

23 февраля 1944 года семья моей бабушки, как весь чеченский народ, была депортирована в Казахстан. В этот день в селении Хайбах была сожжена, вместе со многими, моя прабабушка, мать нашей Нани.

13 лет ссылки – самый горький период в истории чеченцев и многих других народов, многие нашли приют на чужбине, многие похоронены на чужой земле. Память об этом долго будет храниться в сердцах депортированных народов.

Беда в дом Хадижат не пришла одна: умерла от тифа дочь Хамсаг. Следом забрали в «трудармию» двоих сыновей – Бира и Данилсолта. Работа в тылу в годы войны стала для советских людей и подвигом, и трагедией. Режим «трудармейцев» был более жестким, размещались в особых «зонах». Выход из зоны разрешался по пропускам или в строю. На работу шли строем под командой начальника колонны или другого командира. Их реальное положение мало чем отличалось от положения заключенных. Не вернулись с «трудармии» оба сына Нани. В «трудармии» чаще гибли молодые и сильные. Позже мой отец Самат приложил много усилий, чтобы найти своих братьев.

Через неделю как забрали мужа в «трудармию» слегла сноха Халима, поболела два месяца и умерла. Всю ночь рыдала в подушку Хадижат, всю ночь вспоминала сына: вот он делает первый шаг, вот он приводит в дом молодую жену, вот прощается с ней. Как свою родную дочь полюбила она сноху, теперь и ее не стало.

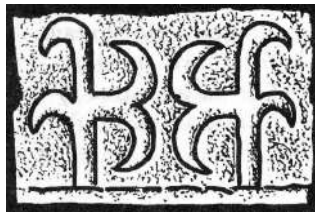
Люди, где есть такие слова, которыми можно описать горе, когда мать теряет детей? А когда пятеро?! В душе у Хадижат оборвалось все. Откуда-то

извне пришла вселенская боль и затопила с головы до пят. Замерзли слезы, и окаменело сердце. Она понимала, какой-то частью разума, что надо облегчить боль, иначе можно не выдержать, сойти с ума, сломаться. Только чем облегчить такую боль? Сердце может остановиться от такой беды. Но ей нужно было жить, найти силы, у нее были еще дети, внук, оставшийся без родителей. В детстве я часто смотрела на Нани и думала, откуда она силы брала, чтобы перенести это нескончаемое горе?

В 1945 году закончилась, наконец, война, навсегда забравшая ее детей. В 1959 году вернулись на родину, жизнь продолжалась, выросли внуки. Только боль не старела, не уходила, так и жила она, а вместе с ней, в сердце ее материнском, жили не вернувшиеся дети. Есть ли предел терпению, силе духа и мужеству твоему, мать?! И каждый раз отвечать на те же вопросы: «Сколько уже прошло?..» Да какая разница, сколько! Их нет прямо сейчас, здесь, все время. Люди думают, что боль труднее всего переносить, когда она свежа. Но они ошибаются, боль не проходит. Нани не дождалась своих сыновей, умерла в 1972 году.

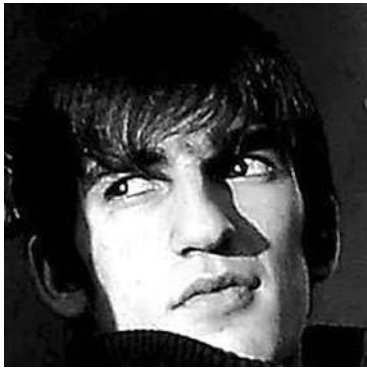
Только в 2009 году мы узнали, что Булатов Денилбек Булатович, родом из села Ялхорой Галанчожского района ЧИАССР, воевал в составе 139-го стрелкового полка 41-й стрелковой дивизии. 24 февраля 1943 года в одном из боев он пал смертью храбрых и похоронен в братской могиле в селе Крикуново Орловской области (это была справка из архива).

Нам нужно сохранить эту память, чтобы передать нашим детям, а дети своим детям, нашим внукам. Мы должны научить своих детей беречь все то, что жизнью создавалось ценой великих потерь.

Дебют

Абубакар Бикиев

Родился 7 октября 1996 года в Грозном, где и проживает в настоящее время. Окончил ВЮИ ФСИН. Пишет стихотворения с 2009 г. Окончил ВЮИ ФСИН. Увлекается философией и астрономией. Своей главной целью в жизни видит занятие научно-исследовательской деятельностью. В людях ценит интеллект и креативность. Публикуется на сайте «stihi.ru» с 2014-го года. Четырехкратный номинант на соискание премии «Поэт года» с 2015 по 2018 гг.

Работал преподавателем истории и обществознания в ГБПОУ ПГТ с 2019 по 2023 гг. В настоящее время преподает историю в МБОУ «СОШ п. Долинский».

Пропавшему без вести другу

П. Б. посвящается...

В пылу житейской кутерьмы
 Во мне вынашивались планы,
 Как друга вызволю из тьмы –
 И залатаю его раны.
 Как мы, свободно, налегке,
 Минувя горе и печали,
 По старопомытанной реке
 К истокам жизненным причалим:
 Там, где пшеничные поля
 Колеблются под легким ветром,
 Где старожилы-тополя
 Кивают дружеским приветом;
 Туда, где смол янтарных мед
 Желтеется на солнцепеке,
 Где газов нефтяных отход
 Высвечивает холм далекий.
 Там ветхий запах стариков,
 Из шкур отбеленных – паласы.
 Там щебет птиц и вой волков,
 И звезд сверкающие стразы.
 Там наш далекий, милый край
 В покое нежится, блаженный.
 Быть может, это и есть рай
 В своем земном преображении...

В эпоху антропоморфизма,
 Когда людей и след простыл,
 В нас не осталось героизма,
 И мы умерили свой пыл.
 Тотемы наши – львы и волки –
 Преобразились в стадный скот.
 И разлетелись, как осколки,
 Клыки из прирученных морд.
 И стали мы теперь как кони,
 Как побиваемые псы:
 Когда-то вольные – в загоне,
 Когда-то гордые – в грязи.

Я из окна напротив вижу грушу,
 Единственную память о былом.
 Я ухожу, оставив свою душу
 В двух комнатах, пронизанных теплом.
 И не прошло двух месяцев с тех пор,
 Как свадьба заглянула в отчий двор.
 Вы счастливы, женаты и довольны,
 А я теперь как будто бы бездомный.
 Традиции такие, как тут быть.
 А мне казалось, я от них свободен.
 Но коль в квартиру переехал жить,
 То значит, я в чеченцы-то пригоден.

Ушел, как и велит наша традиция:
 Дом – младшему, а старшего – в изгой.
 И жизнь моя теперь, как экспедиция,
 Хоть и забрел не очень далеко. И...
 А если честно, гнать меня не гнали,
 (Моя вторая личность просто шутит).
 Мы все всегда прекрасно понимали,
 Что этот день когда-нибудь наступит.
 Я должен был уйти – и я ушел
 Без боли, горя, зла и сожалений.
 Но как бы далеко я ни зашел,
 Не будет между нами преграждений.
 Я буду возвращаться вновь и вновь,
 И в ясный день, и в пасмурный, и в бурю,
 С вершин высоких, с низменных низов.
 А не найду – хотя бы подежурю.

Флаг Вселенной

Прогресс, конечно, налицо,
 Но мир по-прежнему делим.
 И каждый под своим “крыльцом”
 С соседом век непримируем...
 Мы стали теми, кто мы есть,
 Благодаря несносной мысли,
 Что, покоривши Эверест,
 Мы не достигнем самой выси.
 Ведя борьбу за свою жизнь
 И чувствуя себя в неволе,
 Мы издавна стремились ввысь
 Для исполнения своей роли.
 (И вот) мы башню в космос возвели
 И жизнь нам вдруг открылась брэнной.
 Так водрузим же флаг Земли,
 А то и вовсе – флаг Вселенной.

Средь чужих – острых взглядов акация...

Средь чужих – острых взглядов акация,
 Но когда с тобой друг твоей нации,
 Ты спокоен и все хорошо,
 Если что, чужих – в порошок.
 Средь своих – без иронии идиллия,
 Но у всех есть свои фамилии,

И теперь уже друг твой – собственник,
 Лучше, чтоб рядом был – родственник.
 А в своем роду – дружба со всеми,
 Но у всех у них есть свои семьи,
 И у каждого в доме свой клад,
 Лучше, чтоб рядом был – брат.
 Вам, наверно, могло показаться,
 Что я против того, чтобы знаясь
 С тем, кто родственник, или друг,
 Что я просто сужаю круг.
 Но на брате еще не конечная,
 Пусть цепочка и не бесконечная...
 Ну а суть – в том, что, в данной мере,
 Вы обманщики и лицемеры.
 Вам внушили, что так и должно быть,
 Но, увы, лишь навязан Вам сей быт...

Не знаю, кто этот чудак...

Не знаю, кто этот чудак,
 Возможно, друг, возможно – враг.
 Или я все самовнушил,
 Иль это тень моей души.

Иль результат зловещей порчи,
 Раз он приходит только ночью.
 Понять бы мне, чего он хочет,
 Понять бы, что он мне пророчит.

Перестрелка сердец

Началась перестрелка сердец –
 И открылись глубокие раны.
 Ах, какой я бесстыжий подлец:
 Я любил тебя тихо и тайно...
 Подловила меня на словах,
 И от тайной любви побледнела.
 Оттого в твоих громких устах
 Всполыхнуло нечистое дело.
 Привязались друг к другу всерьез:
 Ты – КАК К ДРУГУ, а я – как к девчонке;
 И средь лета, как в лютый мороз,
 Я замерз до сердечной поломки.
 В ожиданиях мы не сошлись:
 И твое, и мое – безответно.

Но раз можно набросить эскиз,
То давай разбираться бесстрельно.

Все сложнее, чем я ожидал;
Все страшнее, чем ты ожидала.
Не предчувствовал я и не знал,
Что наступит такое начало.
Все ж пред трудностью я не беглец,
Я решил, что не буду сдаваться.
Но пока перестрелка сердец,
Нам с тобою никак не связаться.

Гонялся за ней – как котенок за мотыльком...

Гонялся за ней – как котенок
за мотыльком:
Порхала она надо мной высоко-высоко!
Терпя неудачу с каждым
неловким прыжком,
Подпрыгивал к ней – да напрасно:
ее унесло.
Не ветер тому виной – уверен я.
Виной тому совсем иная стихия:
Ее всегда привлекали цветные поля,
Лучи фонарей и чьи-то родные крылья...

Гонялся за ней – как котенок
за мотыльком,
Но, видимо, знатной особе
не до клещей.
И чувствую, скоро меня нарекут
снежком –
И я по инерции продолжу
ловить мышей.

Тайна дежавю

Все выглядит, как ошибка системы,
Нажат параллельный повтор.
Он близок сюжетом
к прожитой мной теме,
С мотивом чуток перебор.

Я помню ее в перемотанном прошлом,
Она там живет по сей день.
Потом был с другой.

С ней все было роскошно, –
Но это была первой тень.
Совпало все: внешность,
знакомство, разлука.
Совпало все, кроме имен.
Меня пробрало до сердечного стука.
Признаться, я был потрясен.
Не верю я в случайные встречи –
Не верю в случайность встреч!
Кажись, мне зажгли те потухшие свечи,
Чтоб мог я урок извлечь...

Люблю – не сплю...

Люблю – не сплю, но знаешь –
сон дороже:
Нам бы обоим чуточку вздремнуть.
Клянусь, мы вечно бодрствовать
не сможем,
Нам друг от друга нужно отдохнуть.
Мы перешли все грани, все границы,
И исчерпали силы бедных душ, –
Не потому ль в слезах твои ресницы
И по щекам твоим стекает тушь...

Горюешь ты, что скоро двадцать три...

Горюешь ты, что скоро двадцать три, –
Я б горевал лишь от подобной взятки!
Мне столько же и внешне и внутри,
Вот только – в квадрате, ну,
и в обратном порядке...
Меня пронзают злые языки.
Ох, люди... Что у них в умах таится!
Талдычат, мол, моложе – старики,
Пора б тебе, наверное, побриться.
И гонят меня, гонят из села
толчками и пинками ближе к городу,
Чтоб вкалывал, как бедная пчела
И сбрил свою распущенную бороду.

Имран Исмаилов

Линия судьбы

Документальная повесть

(Окончание. Начало № 3-4 (2022), №1-3 (2023))

Глава восемнадцатая Возвращение в Новые Атаги

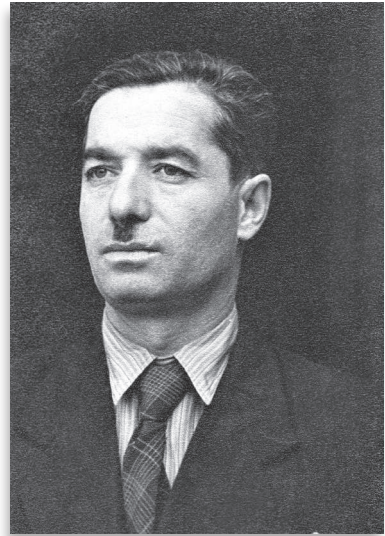
Партия всегда направляла Халида туда, где он был нужнее всего, где требовались его высокие профессиональные качества, опыт и исполнительность, твердость и конечный результат. Он любил ежедневный упорный труд, преодоление препятствий, достижение поставленной цели. Халид никогда не опускал руки, даже в самых безнадежных ситуациях. Так поступает только настоящий мужчина, человек слова и чести.

К началу 1961 года семья Халида и Марьям увеличилась, родились дочь Малика и сын Рамзан. Это была уже большая крепкая семья. Они обзавелись к этому времени своим собственным домом, который находился в поселке Калинина, по улице Жуковского, 179. Это был стандартный коттедж на двух хозяев с прилегающими участками, половину которого занимала семья Исмаиловых. Дом Исмаиловых был всегда очень хлебосольным, у них никогда не было недостатка в гостях. Это были известные в республике люди, друзья Халида: Магомед Мамакаев, Хаси Вахаев, Мовлади Висаитов, Абдулвахаб Исмаилов, Иса Шаипов, Хасмагомед Магомаев, Магомед Сулаев, Висита Азамов, Хамид Хасмагомадов, Билал Чалаев, Умар Димаев и многие другие.

Халид и Марьям всегда были рады гостям. Дом Халида стал местом встречи лучших представителей чеченской интеллигенции, людей, прошедших многие годы в тюрьмах, лагерях и ссылках, но, несмотря на все превратности судьбы, имеющих свою твердую точку зрения на все происходящее и готовых отстаивать ее.

Это было время расцвета национального самосознания чеченцев, радость народа, вернувшегося домой из ссылки, время осознания всего произошедшего и гордости от торжества справедливости, решения грандиозных планов по социально-экономическому развитию республики, важности дальнейшего подъема благосостояния народа, испытавшего ужасы сталинской ссылки. На этот период пришелся пик развития культуры и искусства чеченского народа. Республика взрастила выдающихся писателей, музыкантов, артистов, гордость всего советского народа. Вся чеченская интеллигенция, весь народ считали своим долгом трудом, мастерством, профессионализмом доказать ошибочность ссылки чеченцев и ингушей, внести достойный вклад в укрепление могущества СССР, сделать жизнь лучше. Активно вместе со всеми включился в этот процесс и Халид, несмотря на то, что судьба приготовила ему новые испытания.

В мае 1961 года у Халида случился второй инфаркт. Он произошел после того, как с пятилетним Имраном случилась беда – из-за детской шалости сын получил многочисленные ожоги третьей степени и чудом выжил. Могучий организм Халида, перенесший десятилетние тяготы Карлага, ужасы застенков тюрьмы НКВД в Грозном, не сломившийся в самое тревожное для страны время, когда фашистские орды стояли у Грозного, дал сбой. Видимо, организм долго и стойко сопротивлялся невзгодам и стрессам, обрушившимся на Халида, но в определенный момент не выдержал накопившегося груза.

1960 год. Грозный. Х. Исмаилов.

Первый приступ инфаркта Халид перенес на ногах, не обращая на него внимания, в 1957 году, после возвращения из ссылки, когда он работал ответсекретарем газеты «Ленинский путь». На журналистов чеченской газеты тогда легла колоссальная нагрузка и ответственность – необходимо было оперативно переводить на чеченский язык все (!) без исключения документы ЦК КПСС, в том числе о восстановлении ЧИАССР, ее Конституцию, материалы обкома КПСС и многое другое. Халид непосредственно отвечал за качественное и оперативное выполнение этих переводов, проводил дни и ночи в редакции, работая над текстами. Словом, это была работа на износ. Однако никто об этом тогда не думал – каждый активно принимал участие в восстановлении республики, вносил свой посильный вклад. Полученный им инфаркт и стал результатом такого огромного перенапряжения человеческих сил.

Под давлением врачей после второго инфаркта Халид лег в больницу, но надолго в ней не стал задерживаться – сразу же, как ему стало лучше, вышел на работу. Медики его предупредили, что третий такой приступ может закончиться для него трагически. Поэтому в июне 1962 года Халид по состоянию здоровья оставил должность директора Чечено-Ингушской государственной филармонии.

Но просто так сидеть без дела Халид никогда бы не смог. Он стал внештатным корреспондентом газеты «Ленинский путь» и, несмотря на категорическое требование врачей не нервничать и соблюдать покой, готовил для редакции статьи на самые актуальные темы, а заодно занимался переводами государственных и партийных документов.

К слову сказать, во все времена человек, умеющий быстро и качественно переводить важные документы, был для редакции на вес золота, особенно в тот период. Именно этими качествами и обладал Халид, и когда к нему обращались за помощью, никогда не отказывал коллегам, выполнял порученное задание своевременно и качественно.

В это же время Халид решает оставить шумный Грозный и вернуться в свое родное село Новые Атаги, где имелся земельный участок, оставшийся от родителей.

С помощью родных и близких Халид быстро построил дом в Новых Атагах и

перебрался в него. Он вернулся в свое родовое село, откуда в далекие двадцатые годы уехал покорять мир, мечтая стать «большим» человеком. К сожалению, мать Халида, Сайна, не дожидая до этого часа, когда Халид с семьей вернулся домой, в Новые Атаги.

К этому времени семья Халида пополнилась еще одним мальчиком – в 1963 году родился сын Ризван. Отец дал это имя младшему сыну в честь своего друга и брата Ризвана Хаджиева.

До апреля 1964 года Халид числился внештатным корреспондентом и переводчиком республиканской газеты «Ленинский путь», занимался журналистикой, аккуратно выполнял редакционные поручения. А затем его жизнь круто изменилась, как это с ним часто случалось.

В апреле 1964 года Халида пригласили в райцентр, в Шали, в Шалинский РК КПСС, первым секретарем которого недавно назначили Ахмеда Чадаевича Осмаева. Прекрасно зная Халида по партийной и хозяйственной работе как высококлассного экономиста и безупречного организатора, он предложил ему должность управляющего 4-м отделением совхоза «Джалка». Это отделение в ту пору считалось одним из самых больших в совхозе и сложных, в него входили три населенных пункта: Новые Атаги, Чири-Юрт и Дуба-Юрт с прилегающими к ним пахотными землями.

Назначение Ахмеда Осмаева на должность первого секретаря Шалинского РК КПСС произошло после его успешной работы в партийных органах Веденского и Гудермесского районов. Обком партии поставил перед ним задачу – поднять на новый уровень темпы социально-экономического развития один из крупнейших районов республики, каким являлся Шалинский. И с поставленной перед ним задачей А. Осмаев, надо ему отдать должное, справился. В первую очередь это произошло благодаря тому, что он укрепил кадровый состав предприятий и организаций района толковыми и грамотными специалистами, такими, как Халид Исмаилов. А. Осмаев имел большой опыт руководящей и организаторской работы, который помог ему добиться успеха. До выселения чеченцев в 1944 году он работал первым секретарем Итум-Калинского райкома комсомола, был инструктором отдела кадров Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), заведующим отделом Итум-Калинского РК ВКП (б), а когда враг подступил к Грозному, принимал активное участие в организации обороны города, за что был награжден медалью «За оборону Кавказа». После восстановления ЧИАССР занимал руководящие должности в партийных органах Веденского, Гудермесского районов, позже становился министром лесного хозяйства республики, избирался депутатом Верховного Совета ЧИАССР и делегатом XXIV съезда КПСС.

Так вот, А. Осмаев попросил Халида, как одного из лучших экономистов республики, поднять и поставить на ноги это отстающее отделение. Халид, поправившись после болезни, как человек, не привыкший к безделью, не раздумывая принял предложение. Он согласился возглавить четвертое отделение совхоза «Джалка», несмотря на то, что категорически против этого была жена Марьям, родные и друзья Халида. Но таков характер Халида – он не боялся браться за самую трудную задачу и с блеском ее выполнять.

За очень короткое время он так поставил и организовал работу отделения, что оно стало одним из лучших не только в совхозе «Джалка», но и в районе.

1956 год, Казахстан. Назмуддин Асхабов, двоюродный брат Халида.

Именно тогда хозяйства района, в том числе и совхоз «Джалка», стали осваивать новую для себя сельскохозяйственную культуру – свекловодство. В четвертом отделении под свеклу выделялись большие площади, буквально все население трех сел привлекалось к выращиванию этой сельхозкультуры, а также кукурузы. В это время начало греметь на всю республику имя знатной звеньевой свекловодов первого отделения совхоза «Джалка» Тамары Муслиевой, за отличные производственные показатели представленной Президиумом Верховного Совета СССР 31 декабря 1965 года к высшей награде страны – Герой Социалистического труда.

Халид так организовал работу своих подчиненных, что каждый из них четко знал свой участок работы и нес полную ответственность за порученный ему коллектив, за его показатели или неудачи. В период руководства Халидом четвертым отделением здесь отвыкли от разного рода чрезвычайных происшествий, укрепилась дисциплина и ответственность. И самое главное – люди почувствовали, что у них есть руководитель, твердый, требовательный, но справедливый, готовый прийти им на помощь, если нужно, поддержать словом и делом, способный защитить своих подчиненных от любых напастей.

Многие, наверное, хорошо помнят 60-е годы, когда чеченцы только что вернулись на родную землю из ссылки, стали обживать и заводить скудные еще домашние хозяйства. Люди, по сути, жили в нищете, трудились, не теряя надежду на лучшие времена. Лишенные всего в период депортации, чеченцы заново строили свою жизнь. И не всегда гладко все у них получалось.

Например, любое нарушение сельчанина по действующему законодательству того времени можно было трактовать как вредительство, саботаж или мелкое преступление, в зависимости от желания. Нередки были случаи, когда жители сел, с утра до вечера занятые трудом на совхозных полях, после окончания рабочего дня прихватывали с собой охапку сена или мешок кукурузного силоса для домашнего скота. Охранявшие поля от расхитителей объезчики, на которых возлагался контроль за соблюдением законности на полях и охрана урожая сельхозкультур, задерживали таких людей, согласно инструкциям, полученным из райкомов партии, и доставляли в райцентр для сдачи в милицию, где людей строго карали. Халид прекрасно знал эти партийные установки. Знал он и то, как плохо живут люди, какие проблемы им приходится решать, как им трудно прокормить семьи. Поэтому с его личного разрешения наиболее остро нуждающимся совхозным работникам, передовикам производства, время от времени оказывалась помощь в виде кормов для скота, дровами и т.д.

Халид, как грамотный и опытный руководитель, всячески заботился о жителях села. Однажды односельчане пожаловались ему, что воинская часть, расположенная на окраине Шали, захватила лучшие пастбищные земли села, не оставив места для традиционного выпаса скота. Халид напрямик направился в воинскую часть,

*Справа налево Б. Саидов, Х. Исмаилов, А. Мамакаев, А. Хамхоев,
И. Базоркин, Б. Зязиков. Грозный. 1957 г.*

познакомился с командиром, обсудил этот вопрос в райкоме партии и уладил конфликтную ситуацию. Военные вернули новоатагинцам пастбищные земли, отведенные под военный полигон, а четвертое отделение совхоза «Джалка» взамен заключило с ними договор о сотрудничестве и поставках сельхозпродукции. Так Халидом решались любые вопросы по защите прав сельчан.

Бывали, конечно, и комические ситуации. Один из них связан с приездом в отделение, контора которого находилась в Новых Атагах, комиссии из Шали. Она состояла из сотрудников райкома партии, райисполкома, райкома комсомола и общественных организаций. Члены комиссии повстречались с Халидом, поговорили с ним о делах, поинтересовались проблемами и, как обычно, пожелали побывать на ферме, поговорить с полеводцами, механизаторами, словом, с рабочими отделения.

После посещения фермы и свекловодов гостей решили повести на поля, где шла пахота. Все остановились на одном из полей, на котором работал гусеничный трактор. Выйдя из машины, гости вместе с Халидом направились к нему. Приблизившись к трактору, все в недоумении застыли – в кабине трактора не было никого, но сам трактор двигался, вспахивая землю ровными пластами. Все стали кричать, что трактор сам работает, без механизатора, что этого не может быть. Так и оставались стоять все члены комиссии, ошарашенные увиденным, не понимая, в чем дело. Секрет чудо-трактора раскрылся после того, как он развернулся на краю поля и двинулся в обратном направлении. Оказывается, тракторист Гучигов, молодой парень низенького роста, только что демобилизованный из армии, управлял трактором, глядя вперед не через лобовое стекло, до которого не мог дотянуться, а через открытую боковую дверь, свесив через нее голову почти до гусениц. Поэтому тракториста и не было видно в кабине. Все дружно рассмеялись, увидев низкорослого коренастого тракториста, проворно спрыгнувшего с трактора

и подбежавшего к управляющему и членам комиссии. Этот случай до сих пор помнят в Новых Атагах.

Несмотря на свою огромную занятость, Халид ни на миг не забывал о творческой деятельности. Вернувшись вечером или поздно ночью с работы, он садился писать статьи, рассказы, занимался переводами по заказу редакции или книжного издательства. Зачастую он просиживал до утра, работая над рукописями, а затем, наскоро перекусив, отправлялся на поля, его ждали ежедневные заботы руководителя отделения совхоза.

В начале апреля 1964 года газета «Грозненский рабочий» опубликовала статью Халида, посвященную проблемам переводов с русского на чеченский язык. Уверен, некоторые положения, изложенные в ней, актуальны и в наше время. Как профессиональный переводчик, Халид смотрел вперед. Зная, что чеченский язык будет развиваться, он обратил внимание лингвистов и переводчиков на пути, по которым этот процесс может пойти. Он также затронул в своей статье некоторые актуальные проблемы перевода русских текстов на чеченский язык, поделился своими соображениями о способах их решения. Вот эта статья.

УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ОРФОГРАФИЮ ЧЕЧЕНСКОГО И ИНГУШСКОГО ЯЗЫКОВ

Основной словарный запас языка каждого народа, в том числе чеченского и ингушского, складывался веками и испытан временем. Национальные языки в своем историческом развитии взаимно связаны, взаимно влияют друг на друга и обогащаются.

«Развернутое коммунистическое строительство означает, – говорится в Программе КПСС, – новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижении их полного единства...

С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней».

В этом смысле имеет большое принципиальное значение постановление бюро Чечено-Ингушского обкома партии и Совета Министров республики о создании специальной комиссии по усовершенствованию алфавитов и орфографии письменности литературных языков чеченцев и ингушей.

Разумеется, чтобы достигнуть поставленной цели, эта комиссия должна тщательно изучить все достоинства и недостатки ныне действующих алфавитов и орфографии.

Никогда не было и не могло быть такого тесного взаимодействия языков нашей Родины, как в наши дни, и именно потому, что мы наблюдаем мощное обогащение национальных литературных языков за счет усвоения иноязычной лексики, в первую очередь за счет могучего русского литературного языка.

Чеченский и ингушский литературные языки и письменность за годы Советской власти достигли значительного развития. Это – результат ленинской

1972 год. X. Тулаеву 60 лет.

национальной политики. Многие сделали наши ученые-языковеды, работники печати, народные учителя Таитемир Эльдарханов, Заурбек Мальсагов, Юнус Дешериев, Дошлако Мальсагов, Марьям Чентиева, Ахмад Мациев и многие другие.

Однако уровень развития чеченского и ингушского литературных языков и письменности сейчас уже не полностью отвечает возросшим требованиям. Объясняется это в значительной мере тем, что при культе личности Сталина росту и развитию чеченского и ингушского литературных языков и письменности был нанесен большой ущерб.

В тридцатых годах (XX века) в качестве основы письменности для чеченского и ингушского языков был взят русский алфавит. Дialectом для чеченского языка принят наиболее распространенный среди чеченцев диалект населения, проживающего в нынешних Урус-Мартановском и Шалинском районах, а для ингушского – ингушский диалект. Такой подход был единственно правильным и сыграл большую роль в развитии языка и письменности. Русский алфавит благотворно влиял на культуру, способствовал приближению к великой русской литературе. Выбранный диалект был наиболее совершенным и понятным, так как чеченцы, говорящие на этом диалекте, живут в непосредственной близости к промышленному и культурному центру республики – Грозному, раньше других приобщались и приобщаются к технике и передовой культуре, много слов заимствовали из богатого русского словарного фонда. Так, например, горские чеченцы обыкновенную лампу до недавнего времени называли «чиркх», тогда как чеченцы плоскостных районов, называвшие ее ранее «стогур», уже давно стали ее называть «лампой». Они раньше других употребляют такие слова, как «стака» (стакан), «самар» (самовар), «калош» (калоши) и многие другие.

Наши филологи и лингвисты при непосредственной помощи и поддержке видных русских ученых Н.Ф. Яковлева, А.Н. Генко и других, многое сделали, чтобы развить и усовершенствовать литературный язык и письменность. Однако, как указывалось в статье Б. Габисова, опубликованной в «Грозненском рабочем», при составлении нового алфавита была допущена некоторая поспешность, которая не могла не отразиться и отрицательно отразилась на качестве письменного языка.

Главным недостатком, на наш взгляд, является громоздкость буквенных обозначений алфавита, нехватка унифицированных справочников (особенно для слов, вновь входящих в лексику) и отсутствие правильных грамматических норм их употребления.

Я отношусь к старшему поколению переводчиков русской литературы на чеченский язык. И тогда, когда я берусь за перевод того или иного труда, и когда этот труд выходит из печати, меня тревожит одна мысль: правильно

ли я передал мысли русского оригинала? И тут же успокаиваю себя, что могу объяснить погрешности тем, что чеченский язык страдает указанными выше недостатками. И я уверен, что такого же мнения придерживаются и многие другие переводчики.

До недавнего времени и в русском языке мы не встречали таких новых слов, как «космонавт», «полиэтилен», «железобетон» и многих других. Вполне понятно, что, по мере нашего дальнейшего развития, подобных слов будет появляться все больше.

Эти и многие другие новые слова прочно входят в чеченский и ингушский языки и составляют их неотъемлемую часть. Однако среди переводчиков и редакторов все еще находятся люди, которые не хотят их вводить в нынешнем виде, так, как они звучат на русском языке. Они предлагают писать их словами, сходными по смыслу, либо объяснять несколькими словами.

В качестве примера возьмем такие слова, даже давно бытующие в русском языке, как «искусственное волокно» и «тонкорунная шерсть». Мы так переводим их на чеченский язык (а если переводим иначе, то нас «поправляют» редакторы) – «искусствени хьаса» и «бутIгIа хьаса болу тIаргIа». В дословном переводе и то, и другое, т.е. «хьаса», означает «тонину» (тонкость). В то же время мы здесь видим, что два слова «тонкорунная шерсть» в переводе на чеченский язык составляют четыре слова: «бутIгIа хьаса болу тIаргIа».

Русское слово «нефтепереработка» одни пишут двумя словами «нефть луйттун» (очищают нефть), другие тремя – «нефтах гIуллакх ден» (из нефти делают), или еще «нефтах дакъош ден» (делящий нефть на части). Ясно, что проще и лучше оставить в чеченском языке слово «нефтепереработка» так, как оно есть в русском. Если сегодня оно покажется новым словом в чеченском языке, то завтра станет привычным и распространенным. Но только нужно найти ему и всем новым усвоенным словам правильные грамматические нормы их употребления.

Русские слова «контроль», «надзор», «исследование», «дознание», «следствие», «проверка» в большинстве случаев на чеченский язык переводятся одним и тем же словом «таллам» или «таллар» (проверка), и поэтому далеко не всегда точно передается их смысл. На наш взгляд, слова «контроль», «надзор», «исследование», «дознание», «следствие» нужно оставить так, как они есть в русском языке, а лишь слово «проверка» перевести равнозначным «таллам».

От смелого и правильного введения новых самостоятельных слов чеченский и ингушский литературные языки только выиграют и станут богаче.

То же самое можно сказать и об интернационализмах. Ведь во всех современных странах интернационализмы широко вливаются в литературные языки народов и обогащают их. Естественно, что чеченский и ингушский литературные языки тоже непрерывно обогащаются интернациональными словами. Но некоторые любители «чистого» национального языка не всегда охотно идут по этому пути.

Чем объяснить такие ошибки в практике обогащения языка? Тем, что этими весьма серьезными вопросами пока что никто по-настоящему не занимается. Повинен же, прежде всего, Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Ведь кому же, как не ему и его научным работникам, заниматься систематизацией и унификацией старых

и особенно новых слов и диалектизмов, которые уже вошли и будут входить в чеченский и ингушский литературные языки! Постоянно изыскивать, собирать и литературно правильно вводить в языки новые слова – вот, на наш взгляд, одна из основных задач института и его научных кадров.

Нынешний чеченский алфавит при всех его достоинствах имеет и большие недостатки. Давайте рассмотрим некоторые из них. Разумеется, каждый национальный язык имеет свои особенности. В чеченском языке, например, много гортанных звуков. Их невозможно обозначить на письме теми средствами, которые существуют в русском алфавите. Здесь нужны либо добавочные знаки, либо обозначения двойными буквами. Нынешняя чеченская и ингушская литературная письменность и построена на этом принципе обозначения двойными буквами русского алфавита и еще с добавлением одного знака «І».

Для того, чтобы правильно произнести ближнеподнебный мягкогортанный звук, в чеченской письменности соединяются две буквы из русского алфавита «к» и «х». В этом случае она выглядит так: «кх». А при усилительном произношении этого звука добавляется еще одно «к» («ккх»). Точно такими же многозначными буквами пишутся и твердогортанные звуки.

Представьте себе ученика первого класса школы, только начинающего осваивать письменность. Для того, чтобы запомнить это, не только ребенку, но и взрослому приходится затрачивать много труда.

Подобное совмещение множества букв для лексического произношения слов весьма неудобно еще и тем, что грамматически невозможно написать их без пояснения дополнительными словами. Вот один из многих примеров. Русское слово «многими» на чеченский язык переводится равнозначным с ним одним словом «дуккхаъчу». В этом слове прежде всего мы видим совершенно незаконное чередование гласных букв с согласными, а твердый знак между гласной и согласной буквами «а» и «ч» еще больше усложняет чтение данного слова. Поэтому, чтобы избежать такой орфографической несуразицы, многие переводчики, да и писатели, стараются слово «дуккхаъчу» заменить словами «дуккха а болчу». От такой замены утрачивается выразительность языка и усложняются орфографические нормы. Таких примеров, к сожалению, немало в нынешней чеченской письменности.

Очень много и незаслуженно применяется, на наш взгляд, в чеченской письменности так называемое носовое «н». Я согласен, что обозначение носовизации (носовых звуков) необходимо в таких словах: «варан», «вахаран», «хиларан», «сан», «цуьнан» и т.п. Но когда оно применяется в окончаниях слов «волу», «долу», «йолу» и других, оно режет слух, не оправдывается народной речью. При чтении текста по слогам учениками начальных классов или слабо грамотными людьми в таких случаях смысл текста становится почти непонятным слушателю и самому читающему.

Носовое «н» еще хуже выглядит после заглавных букв сокращенного названия предприятий, учреждений: ГНПЗ-н, ГАРО-н, СССР-н, РСФСР-н, ООН-н и других. Здесь всюду мы видим, что носовое «н» пишется через дефис.

Кстати, и о самом дефисе и его месте в чеченском языке. На наш взгляд, он также часто без нужды проникает в орфографию, усложняя ее. Например: «со-м», «аса-м», «тхо-м», «оха-м», «ду-кх», «ву-кх», «ю-кх» и т.д. Вполне

1956 год, Казахстан. Асхаб, дядя Халида
(В первом ряду слева), с сыновьями Висхаджи
(рядом с Асхабом), Нажмудди (сзади слева) и Аднаном.

возможно все эти слова писать без их ломки дефисом: «сом», «асам», «тхом», «охам», «дукх», «вукх», «юкх» и т.д. И здесь совершенно не выдерживают критики доводы авторов учебников для родного языка, утверждающих, что при написании «со-м» это означает «я», а если написать просто «сом» без дефиса, то это будет означать «рубль». Ведь само текстовое повествование вполне исключает возможную путаницу в этих словах.

Чрезмерное и ненужное применение в чеченской литературной письменности носового «н» и дефиса, хотим мы этого или нет, создает большие затруднения

в чтении.

Вот те вопросы, которые, как мне кажется, нужно решать побыстрее в интересах дальнейшего развития чеченского и ингушского языков.

Халид ИСМАИЛОВ,
журналист

Газета «Грозненский рабочий» за 1 апреля 1964 года.

Разумеется, статья вызвала огромный интерес у читателей, лингвистов, журналистов и переводчиков, что подтверждало злободневность поднятой Халидом темы. Дискуссия на тему, поднятую Халидом, еще долго продолжалась на страницах газеты «Грозненский рабочий» и принесла пользу. Впрочем, эта тема актуальна и сейчас, потому что пути развития языка должны соответствовать уровню политического и экономического развития общества. Язык должен развиваться вместе с обществом и стать его помощником в понимании происходящих процессов. Для этого необходимо выработать понятные всем, детям и взрослым, правила изучения и понимания чеченского языка. Именно эти цели и ставил перед собой Халид, публикуя свою статью в ведущей республиканской газете.

Как один из первых чеченских журналистов, как переводчик, писатель и литератор-практик, Халид внес весомый вклад в создание школы чеченских переводчиков-литераторов. Это еще раз подтверждает тот факт, что Халид Исмаилов являлся человеком всесторонне развитым, уникальной личностью, имеющей обширные энциклопедические знания, просветителем своего непростого времени.

Отдавая все свое свободное время работе в совхозе, Халид изредка выбирался в Грозный, чтобы повстречаться с коллегами, обсудить новости. Во время таких поездок он получал от руководства редакции и книжного издательства срочные заказы на переводы партийных и советских документов, а также художественных произведений.

В начале 1967 года, к 50-летию Великой Октябрьской революции, Чечено-Ингушское книжное издательство и обком партии попросили его в авральном темпе перевести книгу рассказов Зои Воскресенской «Искорка» для детей – о жизни и деятельности вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Выполнение такого ответственного задания обычно требовало нескольких месяцев интенсивного труда, связанного с редактированием, правками и т.д. Времени на раскачку в данном случае просто не было. Книгу нужно было сдавать в производство уже через несколько недель. Поэтому и поручили Халиду эту срочную работу.

В тот же день, вернувшись из Грозного, Халид приступил к переводу книги. Работа

1957 год. Грозный. Корректор Харон Юнаев и ответсекретарь газеты «Ленинский путь» Халид Исмаилов.

продолжалась всю ночь до утра, при свете настольной лампы. Халид отдавал рукописи текста жене Марьям, а та печатала их под копирку на портативной пишущей машинке «Москва». Затем печатные тексты подвергались ручной правке, тексты снова печатались и доводились до ума. Иногда Халид прямо диктовал Марьям перевод текста, и она, уже научившаяся довольно быстро стучать на машинке, печатала его устные переводы. Буквально за неделю книга была переведена на чеченский язык и скоро вышла в Чечено-Ингушском книжном издательстве под названием «Суй» («Искра»).

Халид проработал управляющим четвертым отделением совхоза «Джалка» до апреля 1968 года. За четыре года он сумел сделать отделение одним из лучших в районе, создал необходимую базу для дальнейшего роста хозяйства, наладил грамотную кадровую политику, взял на вооружение передовые технологии, позволившие добиться успехов в животноводстве и полеводстве. Этот задел позволил впоследствии создать на базе четвертого отделения новое самостоятельное хозяйство – совхоз «Предгорный», ставший флагманом семеноводства в республике и одним из лучших в районе.

Годы упорного труда стали все чаще сказываться на здоровье Халида. Все чаще он старается бывать на природе, с удочкой в руке проводить свободное время в тишине на берегу реки Аргун. Рыбная ловля все больше захватывала Халида. Она позволяла ему успокоить расшатанную нервную систему, отдохнуть от суеты, укрепить здоровье. Следует учесть, что Халид еще с детских лет был заядлым рыбаком, и теперь он полностью погрузился в любимое увлечение. Он исколесил всю республику, побывал на всех крупных и средних реках и озерах, и даже в соседнем Дагестане. Халид прекрасно знал повадки различных видов рыб, способы их ловли. Об особенностях рыбалки в Чечено-Ингушетии Халид систематически делился с читателями газеты «Сельская жизнь» на ее последней странице в рубрике «Уголок рыбакова», внештатным корреспондентом которой он долгое время являлся.

Но даже рыбалка отходила на второй план, когда речь заходила о журналистике.

*1956 год, Казахстан.
Али Исмаилов (слева в первом ряду)
с родственниками.*

Именно поэтому он устраивается после небольшого перерыва на работу в районную газету «Знамя коммунизма», орган Шалинского РК КПСС. Сначала он возглавил сельскохозяйственный отдел, а затем стал ответственным секретарем редакции. Халид снова погружается в любимое дело – журналистику и связанную с ней приятную суматоху планирования газетных полос, подготовки материалов.

С помощью опыта и мастерства Халида тогдашний редактор газеты Бадрудди Зангаев сумел сделать издание более содержательным и интересным. Именно на страницах газеты «Знамя коммунизма» в нескольких номерах с продолжением впервые тогда публикуется повесть Х.

Исмаилова «Побратимы». В ней рассказывается об удивительной истории сироты из далекой Украины, бежавшего от голода в 20-е годы XX столетия и оказавшегося в Чечне. Мальчика-украинца в Новых Атагах усыновила чеченская семья, дала ему новое имя – Элберд. Мальчик со временем вырос, стал настоящим чеченцем, свободно разговаривающим на чеченском языке. Он женился на односельчанке, у него родились дети. Потомки этого парня из Украины до сих пор живут в Новых Атагах и чувствуют себя полнокровными членами многонационального чеченского общества. Эта удивительная и характерная для чеченцев история взволновала читателей газеты не только Шалинского района. Вскоре повесть перепечатала газета «Грозненский рабочий», на чеченском языке ее опубликовал и республиканский альманах «Орга».

Халид Исмаилов, экономист по образованию, первый чеченец-выпускник Московского института народного хозяйства имени В. Г. Плеханова, навсегда связал себя с журналистикой, публицистикой, литературой, переводческой деятельностью, они стали частью его жизни, его души, без которых он уже не мог себя представить. Но полностью посвятить себя журналистике получалось не всегда. И в этот раз обстоятельства заставили его взяться за новое дело – стать председателем Ново-Атагинского сельского Совета.

Глава девятнадцатая Председатель сельсовета

На какой бы участок работы ни направляли Халида, какие бы самые трудные задачи ни ставили перед ним – он всегда с честью справлялся с порученным делом. Это было в его характере – обязательность, умение держать слово, твердость и принципиальность, верность долгу, отсутствие боязни перед трудностями. И, конечно, для Халида очень важны были его друзья, соратники. Их было очень много, и это были лучшие представители чеченского народа, партийные и советские работники, герои Великой Отечественной войны, прошедшие с честью

и достоинством сквозь все выпавшие на чеченский народ испытания вместе с ним, люди железной воли, настоящие герои. Их всех объединяла еще одна особенность – скромность. Никогда и ни при каких обстоятельствах они не считали все, что ими сделано для народа, подвигом или героическим поступком. Они уверяли, что это их долг – быть готовым защитить свой народ и умереть за него.

Халид очень ценил их и гордился ими, называл их братьями, и вкладывал в слово «брат» все самое дорогое и ценное, что есть в нем самом. Одним из его братьев был и остался навсегда Хаси Вахаев, бывший второй секретарь Чечено-Ингушского обкома партии.

Хаси в годы Советской власти сделал стремительную карьеру. Окончив рабфак при Грозненском нефтяном институте, он в 20 лет вступил в партию большевиков, а в 1935 году стал вторым секретарем обкома ВКП (б) Чечено-Ингушской автономной области, а с 1936 года и вторым секретарем обкома ВКП (б) ЧИАССР. С 1936 по июль 1937 года был слушателем Высшей школы парторганов при ЦК ВКП (б). После окончания курсов его включили в состав «особой тройки», созданной по приказу НКВД СССР от 30.07.1937 № 00447. В составе этой «тройки» он находился чуть больше двух месяцев, а затем, 8 октября 1937 года, его сняли с должности второго секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) вместе с первым секретарем обкома Василием Григорьевичем Егоровым и арестовали. Мотивировали арест Хаси просто – за препятствия в реализации приказа НКВД об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. Позже его осудили «особой тройкой» НКВД по 58-й статье за контрреволюционную деятельность.

Уже 12 сентября 1938 года его, согласно «Списку лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР» по Чечено-Ингушской АССР, завизированным Сталиным, Молотовым и Ждановым, вместе с еще 55-ю чечено-ингушскими руководителями и деятелями культуры, приговорили «по 1-й категории», то есть к расстрелу. К счастью, расстрел в последний момент заменили лагерным сроком. После освобождения в апреле 1943 года его арестовали повторно, а в декабре того же года осудили к 10 годам лишения свободы. 7 ноября 1951 года Хаси снова арестовали, а 25 апреля 1952 года приговорили к 10 годам заключения. Он освободился из тюрьмы только после смерти Сталина, в декабре 1956 года.

Практически всю свою сознательную жизнь Хаси провел в тюрьмах и лагерях по надуманному обвинению. Человека чести, истинного большевика, его осудили за нежелание расстреливать и сажать в тюрьмы невинных людей, называя их кулаками и антисоветскими элементами. В июне 1957 года освобожденного Хаси назначили инструктором Чечено-Ингушского обкома КПСС и направили в Казахстан как представителя Оргкомитета по восстановлению ЧИАССР. На встрече с земляками в Алма-Ате он подверг резкой критике деятельность первого секретаря Грозненского обкома партии А. И. Яковлева, противодействующего скорейшему возвращению чеченцев и ингушей из ссылки, а ЦК КПСС – за то, что не заставляет таких руководителей, как Яковлев, вернуться лицом к чеченскому народу. Открытость, честность и принципиальность Хаси не всем пришлась по душе, с ним быстро расправились, переведя на хозяйственную работу, назначив директором Грозненского кирпичного завода.

Халид, прошедший Карлаг и испытавший на себе, что такое сталинский произвол, очень уважал и ценил Хаси за его стойкость и мужество, честность и принципиальность. Они, поклявшиеся быть братьями до конца жизни, дали друг другу слово, что первому умершему из них оставшийся в живых поставит чурт, надмогильный памятник. В 1965 году, когда Хаси умер, Халид повез из Новых Атагов чурт в Хамби-Ирзе, на кладбище, где похоронили Хаси, и установил его на могиле своего брата.

Братьями Халида навечно остались Магомед Мамакаев, Магомед Омаров, Хаджимурад Тулаев, Ширвани Дачаев, Мовлид Висаитов, Абдул-Вахаб Исмаилов, Иса Шаипов, Абу Шаипов, Абу Алхазуров, Хамид Хасмагомадов, Хасмагомед Магомаев, Магомед Сулаев, Висита Азамов, Джунид Заурбеков, Магомед-Эми Догув и другие...

В апреле 1969 года Халиду предложили стать председателем сельского Совета села Новые Атаги. И Халид, конечно, согласился. 25 апреля 1969 года ему выдали удостоверение №26, подписанное председателем Шалинского райисполкома А. Баснакаевым, о том, что Исмаилов Халид Исмаилович является председателем Ново-Атагинского сельского Совета Шалинского района ЧИАССР.

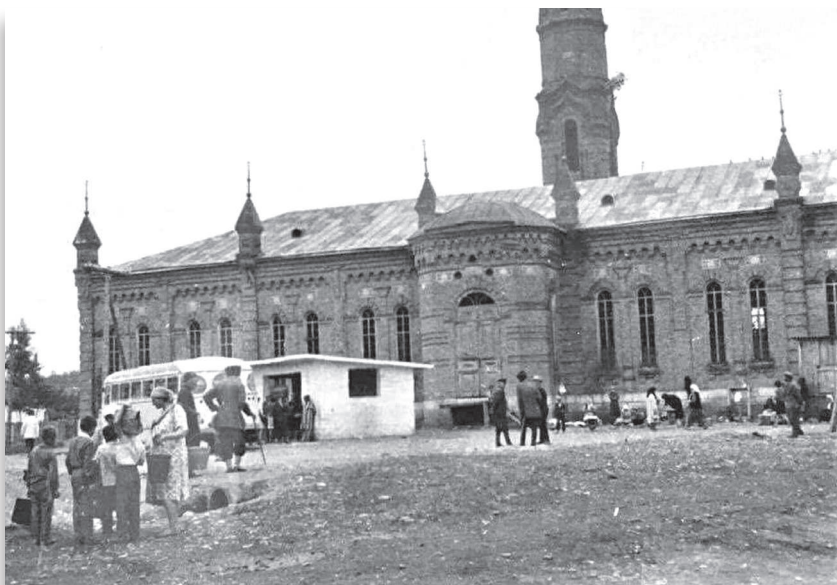
В этой должности Халид проработал практически до самой своей смерти в мае 1974 года. За время председательства Халида многое в жизни села изменилось, и в первую очередь это почувствовали сами сельчане. Многие новоатагинцы, лично знавшие его, и сегодня, спустя много лет после его смерти, не устают повторять, что в Новых Атагах за всю историю села был только один настоящий председатель сельсовета – Халид Исмаилов.

При Халиде сельский Совет стал центром притяжения всех новоатагинцев. Сюда приходили с проблемами в надежде их решить, посоветоваться, попросить помощь. И не было ни одного случая, чтобы односельчане не почувствовали заботу о себе, не получили помощь.

Халид собрал вокруг себя неравнодушных к проблемам села людей, своих односельчан, и вместе с ними решал все возникающие вопросы. Заместителем председателя сельсовета был Абдул-Кагир Ибрагимов, секретарем – Зулай Самбиева, военно-учетный стол возглавлял Вахид Вацуев. В своей повседневной работе Халид создал сельский актив, в который вошли директор СШ №1 Амжет Исаев, преподаватели этой же школы, в их числе и Сайпудди Халидов, парторг четвертого отделения совхоза «Джалка» Леча Хункерханов, ветеран труда Махмуд Басханов и другие.

Халид сделал главной своей задачей защиту интересов новоатагинцев, укрепление их благосостояния. Он знал, какие тяжести и испытания пришлось пережить односельчанам в период ссылки, и теперь, когда партия и страна признали свои ошибки в отношении чеченцев, требовалось всячески помогать невинно пострадавшим и их семьям. И эту свою задачу как представитель власти, он старательно и последовательно выполнял.

Прежде всего, он наладил ежедневное автобусное сообщение села с Грозным с твердым расписанием. Если раньше автобус совершал только один рейс в Новые Атаги, и то не всегда, из-за чего автобус зачастую бывал просто забит до отказа пассажирами, то теперь ситуация в корне изменилась. Количество рейсов увеличилось до трех, в автобусах стало меньше людей и давки, и это помогало

1960 год. Село Новые Атаги. Пятничная мечеть.

сельчанам без проблем чаще бывать в городе по своим делам. В центре Новых Атагов, перед мечетью, построили беседку для ожидания автобуса. Здесь автобус разворачивался и набирал людей на обратный рейс. Первое время функции кассира и контролера автобуса выполнял водитель. Со временем тут же, недалеко от автобусной остановки, открыли в частном доме кассу по продаже билетов. И это тоже был небольшой, но шаг в сторону улучшения обслуживания сельского населения.

Сельский Совет старался вникать в проблемы каждого односельчанина, оказать посильную помощь. Поскольку в местном отделении совхоза «Джалка» не хватало специалистов коренной национальности, Халид через Министерство сельского хозяйства ЧИАССР выбил несколько целевых направлений для учебы жителям села в сельхозинституте города Орджоникидзе. Одним из них был Абубакар Демильханов, ставший в 90-х годах директором совхоза «Предгорный», в который было преобразовано четвертое отделение совхоза «Джалка». И таких примеров немало.

Халид целенаправленно боролся с бюрократией, формализмом и бумагомарательством. Особенно его коробило и раздражало требование партийных органов к населению сдавать государству «излишки» молока, масла, мяса и яиц. Это принуждение людей отдавать государству жизненно важные для сельского населения продовольственные продукты, по сути, узаконенный грабёж, продразверстка, считал Халид, являются нарушением социалистической законности. Он боролся с этим злом так, как это мог это делать только он.

Был такой случай, который хорошо помнят в селе.

Как-то в сельсовете под председательством Халида Исмаилова проходило совещание, на котором присутствовали местные депутаты, представители общественности и учителя. Неожиданно открылась дверь и в кабинет председателя сельсовета, где проходило совещание, вошел человек средних лет, который представился Чермо Амалиевым, инструктором Шалинского РК КПСС.

«Меня прислали к вам, чтобы вы выдали сведения, сколько куриных яиц сдаст село на следующий месяц», – сказал инструктор.

Халид посмотрел на гостя поверх одетых очков со своего места, и промолвил:
– Мы здесь яиц не производим.

И спокойно стал продолжать совещание, обсуждая с людьми вопросы повестки дня. Инструктор, ошарашенный таким прямым коротким и исчерпывающим ответом, застыл у дверей, не зная, что ему дальше делать.

Халид через некоторое время вновь обратил свое внимание на стоявшего у дверей инструктора райкома партии.

– Так ты не понял, молодой человек, что я сказал? Жители села Новые Атаги яиц не производят. Я сам их покупаю на рынке в случае необходимости. Передай тому, кто тебя прислал, что я, Халид Исмаилов, председатель Ново-Атагинского сельсовета, так и сказал: «У нас в селе Новые Атаги яиц не производят», – сказал Халид.

Поняв, что разговор с ним окончен, инструктор ушел. Разумеется, о таком поведении Халида стало известно в руководстве Шалинского райкома КПСС. Его неоднократно вызывали на бюро, пытались отчитать, но Халид твердо и аргументированно доказал однопартийцам, что такие меры «хозяйствования» для выполнения планов только вредят партии, государству и народу. Он так и остался до конца при своем мнении. Халида не смогли переубедить ни угрозы выговоров, ни внушения, ни партвызыскания. Свою точку зрения и решение Халид никогда не менял.

Халид наладил тесные контакты с руководством четвертого отделения совхоза «Джалка», контора которого находилась в Новых Атагах. Все проблемные вопросы односельчан, касающиеся пастбищ для выгула скота, земельных наделов, оказания помощи жителям села в виде дров или сена, Халидом решались совместно с руководством отделения. Благодаря своей настойчивости ему удалось вернуть селу все территории, отданные раньше военной части, расположенной на территории Шалинской военной части.

Уже тогда, во время бесед Халида с односельчанином Махмудом Басхановым, в прошлом известного советского деятеля, попавшего под репрессии в 30-е годы прошлого столетия, они обсуждали возможность освобождения мечети села от функций зерносклада. Мечеть села Новые Атаги, одна из старейших и красивейших на тот момент в республике, после ссылки чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию была превращена в зерносклад. Это произошло после 1945 года, когда упразднили находившийся до этого в мечети военный госпиталь, а вместо него местные власти решили сделать здесь зернохранилище. Но тогда говорить о восстановлении справедливости по отношению к верующим и открытию мечети было еще слишком рано. И все же такие инициативы имели место. Позже М. Басханов вместе с Насруддином Матуевым добились открытия мечети. Это произошло в 1979 году, через 5 лет после смерти Халида.

Разумеется, не оставались без внимания Халида и вопросы школьного образования в селе, устроенности учителей и условий их быта. Ежемесячно в стенах средней школы №1 вместе с тогдашним ее директором Амжетом Исаевым проводились совещания и встречи, на которых обсуждались все без исключения возникающие вопросы, которые решались без промедления.

В 1972 году произошло еще одно знаменательное событие в жизни Халида. Его навестили дети от первого брака – дочь Светлана и сын Валерий. Они приехали в Новые Атаги к отцу, которого не видели с 1943 года, когда его арестовали.

В 1973 году Халида навестили его друзья, артисты Чечено-Ингушской филармонии. В этот день в сельском клубе был запланирован концерт с участием Марем Айдамировой, Шита Эдисултановым, Валида Дагаева и других известных деятелями искусств. Тогда было обычным явлением, когда лучшие артисты республики гастролировали не только по городам страны и мира, но и посещали сельские Дома культуры. Узнав совершенно случайно, что председателем местного сельсовета является Халид Исмаилов, бывший директор филармонии, которого они очень любили и уважали, артисты перед концертом посетили его. Встреча прошла очень живо и интересно, гости вспоминали первые шаги филармонии после восстановления республики и совместную работу под руководством отца. Этот визит друзей-артистов ему доставил огромное удовольствие. Он понял, что его не забыли, помнят, и эти свои чувства Халид ничем он не мог скрыть.

Годы напряженного труда на различных должностях во время восстановления республики, десять лет, проведенные в Карлаге, участие в организационных мероприятиях по созданию обороны Грозного в должности замнаркома торговли ЧИАССР со временем все чаще сказывались на здоровье Халида. В начале 1974 года он оставил должность председателя сельсовета по состоянию здоровья, а затем слег. Приглашенные из Грозного врачи констатировали истощенность организма и всевозможные болезни, на которые Халид никогда не обращал внимания. Его организм по инерции долго цеплялся за жизнь. Утром 27 мая 1974 года Халида Исмаилова, моего отца, не стало.

На похороны Халида проститься с ним пришло огромное количество людей. По словам односельчан, такого количества людей не собирало ни одно событие, имевшее место в Новых Атагах. Практически все взрослое население села побывало на похоронах. Весть о смерти Халида буквально всколыхнула республику. Со всех ее концов в Новые Атаги прибывали люди, знавшие его близко или слышавшие о нем, чтобы отдать дань памяти Халиду Исмаилову, верному сыну чеченского народа.

После обеденного намаза 27 мая 1974 года Халида похоронили на верхнем сельском кладбище, там, где покоились его мать и все родственники. Над могильным холмом лучшие люди Новых Атагов произнесли слова благодарности Халиду за все то, что он сделал для чеченского народа и сельчан.

– Сегодня мы потеряли не только односельчанина и настоящего мужчину, мы потеряли настоящего главу села, – повторяли, стоя над могилой Халида, люди.

В жизни Халид никогда не гнался за славой и наградами, он не любил хвастовства и многословия, был очень скромным человеком. Эти слова односельчан стали и останутся навсегда высшей оценкой всего того, что сделал Халид.

Халид Исмаилов прожил яркую, интересную жизнь, полную радостных событий и трагедий. Он стоял у истоков чеченской журналистики, переводческой деятельности, внес свой вклад в развитие чеченской литературы и публицистики. Халид принял активное участие в организации обороны Грозного в годы Великой Отечественной войны, когда в 1942 году враг стоял у ворот города. Он своими руками восстанавливал республику после возвращения чеченцев на свою землю

1961 год. Грозный. Х. Хасмагомадов, Х. Эдилов и Х. Исмаилов.

из ссылки. Халид считал своим долгом быть рядом со своим народом в трудные для него минуты, чтобы защитить его и пожертвовать собой, если это необходимо.

Халид Исмаилов прошел через все испытания, посланные ему судьбой, с высоко поднятой головой. Он прожил отведенное ему время без страха и упрека, с чистой совестью, и покинул этот мир, оставив после себя только хорошие воспоминания.

Глава двадцатая Жизнь без страха и упрека

Халид Исмаилов родился на стыке двух эпох – гибели великой Российской империи и рождения Страны Советов, нового государственного образования, главной целью которого было строительство справедливого общества людей труда. Халид вырос в простой крестьянской семье и всем сердцем поддержал новый строй, идеалы социализма и коммунизма. И Страна Советов дала ему практически все, чего он хотел, исполнила его мечты: он получил высшее образование, сделал головокружительную карьеру, стал партийным и государственным работником. Халид с ранних лет посвятил себя служению стране и партии большевиков. Где бы он ни находился, какие бы партийные поручения не выполнял, а они были самыми разнообразными, он честно и ответственно делал свое дело. Для него, человека совести и чести, высшей наградой всегда оставалось служение своему народу и стране.

Халид был одним из тех многих чеченцев, кто стал жертвой сталинского произвола еще до ссылки моего народа в Казахстан, Сибирь и Среднюю Азию. Больше несправедливости для него, преданного воспитанника партии большевиков, никогда не было, об этом он никогда не забывал. Он пережил эту страшную трагедию, не замкнулся в себе, не затаил злобу, потому что был уверен в произошедшей ошибке. Его не сломили ни беды, ни гибель самых близких людей и друзей, ни жестокие пытки в тюрьме НКВД, ни удары судьбы. Он остался навсегда честным перед своей совестью, верным сыном своего народа, готовым отдать всего себя без остатка ради его счастья. Каждый его поступок в отдельности и вся его жизнь в целом, жизнь без страха и упрека, стали проявлением беззаветной любви к чеченскому народу, преданности его традициям.

Несмотря на свою принадлежность к партии большевиков, Халид очень уважительно относился к чеченским религиозным деятелям, чтил их и старательно оберегал от необоснованных преследований властей. Он вырос в религиозной семье, сам Халид получил прекрасное исламское образование в медресе, знал арабский язык и читал Коран, а его отец Исмаил считался одним из уважаемых мусульман села.

Будучи арестованным и заключенным в тюрьму НКВД в Грозном, Халид сумел помочь одному из родственников шейха Бамат-Гирея-хаджи (Юлда) из Автуров, который находился в застенках на грани смерти. Благодаря Халиду, как сказал этот автуринец в день его погребения на кладбище в Новых Атагах (имя его, к сожалению, не сохранилось), он выжил, был сослан в Казахстан и затем, после восстановления ЧИАССР, вернулся домой.

Халид никогда не боялся говорить, что он мусульманин. Являясь управляющим четвертого отделения совхоза «Джалка» или председателем сельсовета, он регулярно проводил у себя дома мовлиды, раздавал садака нуждающимся. Он постоянно оказывал помощь всем, кто просил об этом, и никогда не распространялся об этом. Своими учителями и наставниками Халид всегда считал Сугаипа-муллу, шейха Докку, шейха Али Митаева.

Вот что сказал о Халиде Исмаилов его ученик в журналистике, ныне редактор и учредитель газеты «Зори Ислама» Масуд Заурбеков, сын его друга Джунид.

«Халид был чеченцем, истинным мусульманином и кьонахом. Джунид Заурбеков, житель села Новый Атаги, мой отец, был авторитетным мюридом шейхов из Автуров Бамат-Гирея-хаджи и Али Митаевых, являлся главой их последователей из Новых Атагов. Также был родственником потомков шейхов – внучка шейха Али Митаева (дочь Хусейна – Асет Сулейманова) была замужем за сыном Джуниды Заурбекова Юсупом.

Являясь непререкаемым авторитетом как среди мюридов автуринских шейхов, так и в своем родном селе среди мюридов-исполнителей религиозного зикра кадирийского тариката, он постоянно был под бдительным надзором у сотрудников КГБ в советский период. Такие авторитетные люди часто вызывались на допросы в КГБ под разными предлогами. Джунид хорошо знал, что рано или поздно ему, имеющему родственные связи с семьей репрессированного Советской властью шейха Али Митаева, также придется быть вызванным в эту организацию. Все это не давало ему покоя, потому что на допросах могли коснуться вопроса родственных отношений с потомками шейха, сыном шейха Али Митаева – Хусейном Сулеймановым. Хусейн родился спустя 2 месяца после ареста шейха в 1924 году, и с первых дней своего рождения был под бдительным присмотром чекистов, поэтому вызов Джуниды в КГБ мог ему повредить.

Когда в Шалинском районе пошла волна очередных допросов лидеров мюридских групп кадирийского тариката – исполнителей зикра, Джуниду стало известно, что скоро и его тоже могут забрать в КГБ. Чтобы заблаговременно подготовиться к возможной встрече с чекистами и их вопросам, Джунид обратился к своему другу, односельчанину, известному журналисту, публицисту и писателю, общественному и государственному деятелю, на тот момент партийному чиновнику Халиду Исмаилову.

Джунид поделился с Халидом своими опасениями о возможной «встрече» с

1969 год. Новые Атаги. Удостоверение председателя Ново-Атагинского сельского совета, выданное Х. Исмаилову.

сотрудниками органов государственной безопасности, спросил его:

– Чем ты можешь мне помочь, что посоветуешь?

Выслушав внимательно Джунида, Халид ответил:

– Джунид, если тебя заберут, ты узнаешь, куда тебя забрали?

– Наверное, узнаю, – был ответ Джунида.

– Запомнишь дом, куда тебя привезли?

– Ну да.

– Можешь показать мне кабинет, куда тебя завели?

– Конечно, – ответил Джунид.

– Занимайся своим делом, Джунид. Твое дело – богоугодное, исполняй свой зикр, хорони покойников, читай молитвы. Можешь не переживать. Ты нам нужен. Кстати, не забудь: и я тоже стою в очереди к встрече со Всевышним... Сделай все, как положено, – сказал Халид».

Вот как вспоминает Халида известный чеченский краевед, историк, журналист, бывший сотрудник Архивного управления Чеченской Республики Вахит Бибулатов.

«Халид Исмаилов был не просто образованным и интеллигентным человеком. Он остался в народной памяти как настоящий патриот своего народа, человек, с честью пронесший по жизни гордое имя «чеченец». В 30-е годы прошлого столетия он окончил Московский институт народного хозяйства, что уже считалось огромным достижением. Но Халид Исмаилов являлся еще и одним из первых чеченских журналистов и переводчиков. Им были переведены на чеченский язык все основные партийные документы того времени, произведения классиков марксизма-ленинизма, ему принадлежат переводы произведений известных русских и чеченских писателей: «Когда познается дружба» Саидбея Арсанова, «Мать» Максима Горького, «Хаджи-Мурат» Льва Толстого, повести и рассказы грузинского писателя Александра Казбеги и другие. Не многие знают, что Халид Исмаилов был арестован службами безопасности еще в 1943 году, и вплоть до выселения чеченцев в 1944 году находился в «тюрьме смерти», как ее называли, которая располагалась в подвалах НКВД на берегу Сунжи, в Грозном. Отсюда и отправили его по ложному обвинению, по статье 58, как врага народа, не в ссылку, а в, пожалуй, один из самых жестоких лагерей тогдашнего ГУЛАГа – Карагандинский, или Карлаг. Он провел в нем, от звонка до звонка, долгих десять лет, выжил в невыносимо страшных условиях, а выйдя из лагеря, присоединился к своей семье, высланной в Казахстан. Здесь, в изгнании, вместе с лучшими сынами чеченского народа, такими, как Магомед Мамакаев, Халид Ошаев,

Хасмагомед Магомаев и другими возродил выпуск чеченской национальной газеты «Къинхъегаман некъ» («Знамя труда»).

После возвращения на Родину, уже дома, в Грозном, при непосредственном участии Халида Исмаилова возобновился выпуск чеченской республиканской газеты «Ленинан некъ», в которой он работал ответсекретарем. Он позже занимал должности заместителя министра торговли республики, директора филармонии, был на других руководящих должностях.

В начале 60-х годов прошлого столетия Халид Исмаилов, перенесший к тому времени два инфаркта, вернулся в родное село. Он работал управляющим 4-го отделения совхоза «Джалка», которое позже было переименовано в совхоз «Предгорный», а затем и председателем Ново-Атагинского сельского совета. Я помню его, крепкого, прямолинейного, мужественного и доброго человека. Халид многое сделал для родного села.

Помнится, как-то из райцентра Шали прислали комиссию в Ново-Атагинский сельсовет с требованием увеличить сбор куриных яиц у населения. Существовала тогда, в советские годы, такая форма продрозверстки. Так вот, Халид Исмаилов отправил этих людей обратно в Шали со словами: «Убирайтесь отсюда, мы не куры, чтобы вам яйца нести!» Жители Новых Атагов помнят многое, сделанное им на благо своего села. Этот и другие факты свидетельствуют, что Халид никогда не пресмыкался перед вышестоящим начальством, не раболепствовал ни перед кем», – отметил Вахит Бибулатов.

Однажды известный чеченский писатель Магомед Мусаев в редакции газеты «Ленинский путь», когда речь зашла о Халиде Исмаилове, сказал следующее.

– Халид, помимо того, что он обладал многими исключительными качествами, был еще и талантливым журналистом, переводчиком и писателем. Но одна черта в его характере была ярко выраженной – он никому не позволял плохо или пренебрежительно отзываться о чеченском народе, какими бы высокими рангами не обладали эти люди. Он беспощадно наказывал таких горе-руководителей. Я помню несколько случаев, когда он публично физически наказал некоторых высокопоставленных республиканских чиновников, позволивших себе высокомерно отзываться о чеченцах. Он такого никому не прощал.

Вот что рассказывала Марьям Исмаилова о своем муже Халиде.

– Халида я знаю с 1955 года, когда вышла за него замуж. Это был энергичный, жизнерадостный человек, открытый и чистосердечный, способный достичь любую поставленную перед собой цель. Он очень любил свою работу. Особенно много трудился над переводами, когда страной руководил Хрущев. Во время восстановления республики он отдал все силы для восстановления главной чеченской газеты «Ленинан некъ», собрал коллектив редакции, наладил ее работу. А сколько тогда было переводов! Все старые книги, в том числе и по истории КПСС, издавались вновь на чеченском языке.

Халид окончил Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Когда мы возвращались из Казахстана, из ссылки домой через Москву, он решил заехать в Министерство торговли СССР, где были его друзья, которые заканчивали с ним институт. Они просили, чтобы он остался в их аппарате работать. Но он отказался, сказал: «Я еду домой восстанавливать республику, я должен быть там, среди своего народа!»

Он так и поступил. Халид до самой своей последней минуты остался верен своему народу и Родине. Он просидел в Карлаге 10 лет от звонка до звонка, был начальником планового отдела. Халид снабжал во время войны весь Северо-Кавказский фронт продуктами. Он издавал газеты, был диктором радио в самое трудное для страны время – во время Великой Отечественной войны. Он вступил как кандидат в члены КПСС в то время, когда враг рвался к Грозному, собирался сражаться с фашистами, если это будет необходимо, в подполье, имел свое подпольное имя – Смелов. Этим именем позже он стал подписывать свои статьи, в его журналистском удостоверении записано это имя как псевдоним, – вспоминала Марьям.

Вот какую характеристику дал Халиду его двоюродный брат, известный общественный и государственный деятель, бывший министр топливной промышленности ЧИАССР Нажмуддин Асхабов.

– Халид был одним из самых грамотных людей республики, человеком всесторонне развитым. В годы Великой Отечественной войны, когда фашистские орды стояли на подступах к Грозному, он отвечал за снабжение частей Красной Армии продовольствием, создавал схроны с продуктовыми запасами для партизанских отрядов на случай захвата Грозного врагом. Он сам прошел подготовку в спецшколе для борьбы с фашистами в тылу, для проведения подрывной и диверсионной деятельности. Благодаря его активности при организации оборонных работ по защите Грозного и безусловному выполнению распоряжений Грозненского городского комитета обороны враг был остановлен, а затем отброшен от города. Это был мужественный, бесстрашный человек, готовый отдать свою жизнь за Родину, – сказал Н. Асхабов.

Вот что рассказал близкий друг Халида, его односельчанин Магомед-Эми Догуев.

– Халид был очень смелым и мужественным человеком. В начале Великой Отечественной войны, когда фашисты рвались к Грозному, Халид побывал у меня и рассказал, что проходит подготовку в разведывательно-диверсионной школе для работы в тылу врага. Я спросил его:

– Халид, это же смертельно опасно, ты не боишься, что тебя могут убить?

– Нет, не боюсь, ничего со мной не случится, а враг пострадает, – ответил Халид.

В январе 1981 года, через семь лет после смерти Халида, его друг Хаджимурад Тулаев подарил семье Исмаиловых фотоальбом с дарственной надписью.

«Фотоальбом с дорогими для меня фотокарточками разных лет я дарю вам, славным сыновьям моего незабвенного друга Халида Исмаилова – Имрану, Рамзану и Ризвану – на добрую память!

Дорогие мои, учитесь хорошо, уважайте старших, будьте добры к людям и будьте достойными гражданами нашей любимой Родины! Всегда помните слова великого В. Г. Белинского, который говорил: «Человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего Отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы». Ваш Х. А. Тулаев», – было записано в фотоальбоме.

Этот фотоальбом до сих пор хранится в семье Халида Исмаилова как самая дорогая реликвия и память о человеке, который всегда ставил на первое место интересы страны и отдал всю свою жизнь служению Родине.

1961 год. Грозный. Директор Чечено-Ингушской государственной филармонии Х. Исмаилов и артисты филармонии отправляются на гастроли.

Библиография

- 1) Материалы Архивного управления Правительства ЧР.
- 2) Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962 гг.). Т. 1, 2. Нальчик, 2013 г.
- 3) Грозненский городской комитет обороны. Документы и материалы. Грозный, 2015.
- 4) А. Бугаев. Политико-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа. Журнал «Архивный вестник», №4, 2016 г.
- 5) А. Кусаев. Из истории Чеченского радио. «Вести республики». 21. 04. 2017 г.
- 6) Л. Турпалов. К вопросу о зарождении прессы на чеченском языке. Вести республики, 13. 04. 2018 г.
- 7) Д. Гакаев. «Очерки политической истории Чечни (XX век)».
- 8) «Крепость на Тереке». Они защищали Малгобек. Грозный, 1964.
- 9) М. Музаев, М. Ченчиева. Роль города Грозный в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.
- 10) Х. Ошаев. Слово о полку Чечено-Ингушском. Нальчик, 2004.
- 11) Д. Шаймуханов, С. Шаймуханова. «Карлаг».
- 12) А. Тойшибекова. Власть.
- 13) С. Елеуханова. История Карлага: охрана, режим и условия содержания заключенных (1930-1956 гг.) Автореферат диссертации канд. ист. наук. – Караганда, 2009.
- 14) Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Словарь-справочник под общей редакцией доктора военных наук генерал-лейтенанта М. М. Кирьяна. 2-е изд., дополн. М. Политиздат, 1988.
- 15) С. Магомаев. Газета «Даймохк» и ее журналисты. Грозный, 2018 г.
- 16) Память. Книга 1. Нальчик, 2010 г.
- 17) Память. Книга 2. Нальчик, 2013 г.
- 18) Вклад репрессированных народов СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Том 1. Элиста, 2010 г.
- 19) В. И. Филькин. Патриотизм трудящихся Чечено-Ингушской АССР в период

Великой Отечественной войны. Грозный. Чечено-Ингушское книжное издательство. 1989.

20) М. Ибрагимов, И. Хатуев. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик. ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа» 2007 г.

21) Ю. Дешериев. Жизнь во мгле и борьбе. О трагедии репрессированных народов. Палея. Москва, 1995 г.

22) Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. МФД, 2003 г.

23) В. Ф. Русин. Достоинство гордых. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Нальчик, Издательство М. и В. Котляровых, 2005 г.

24) Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1936-1946 гг. Москва, 1946 г.

25) Заседания Верховного Совета СССР четвертого созыва (шестая сессия) 5-12 февраля 1957 г. Стенографический отчет. М. 1957 г.

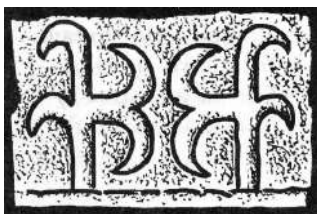
26) Газета «Грозненский рабочий». 1957 г, 22 июня.

27) Я. Ахмадов, Г. Гумба, Д. Курумов, Э. Хасмагомадов. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. Москва, 2019 г.

28) История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Грозный, ГУП «Книжное издательство», 2008 г.

29) Н. А. Тавакалян. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965 г.

30) М. Гешаев. Знаменитые чеченцы. Исторические очерки. Москва, 2005 г.

Поэзия

Магомед Альбиев

Песня гор

Горы, скалы,
Вы в печали –
Тучи хмурою тоской
Вас накрыли,
Перекрыли
Душно-черной пеленой.

Вы застыли,
Приуныли,
Не вступая с ними в спор.
Но вершины
И долины
Ищут Солнца теплый взор.

Ветер скоро,
Под напором,
В небе выставит их в ряд.
И прогонит,
Перегонит –
Вдаль, от белоснежных гряд.

На вершины,
И в теснины,
Взглянет Солнца яркий луч.

Свет потоком,
Жизни током,
Хлынет после хмурых туч.

В чащах птицы
И волчицы
Заведут нестройный хор –
Щебетаньем,
Завываньем,
Вам споют романсы гор.

Младенцами мы начинаем путь,
Не представляя жизни нашей суть.
Опору, как в ногах своих, находим
В границах дома, под опекой бродим.

Всему нас учат и отец и мать –
Чего не знаем, но должны мы знать.
Жизнь начинается восхождение в гору,
И любопытством мы горим в ту пору.

У каждого гора у нас своя –
Как знать, низка иль высока твоя?
С весной сравнить мы можем детства годы –
Она капризна, знаем у природы!

А после детства, юность настает,
Душа над телом начинает гнет.
Не кровь, а искры мечутся по жилам,
Рассудок чувства побороть не в силах.

Как будто дьявол в разуме живет,
К ошибкам разум буйный наш ведет.
Совет за оскорбление считаем,
И в облаках мы в юности витаем.

Любой из нас на подвиги готов,
Как только сердца он услышит зов.
Мы молодость сравним с зеленым летом,
Так щедрое жарой и Солнца светом!

Как только юность замедляет бег,
Плывет к нам зрелость – Ноева ковчег!
В ней сила и решительность, отвага.
Но твердый разум их хранит, как скряга.

Богатый в жизни опыт, гибкий ум,
Души жар, ясность помыслов и дум.
Впитала зрелость качества все эти,
Любая цель ей по плечу на Свете!

Стоит в триумфе зрелости пора
Над жизнью, хоть не пройдена гора.
Что зрелость схожа с осенью, все знают,
Не зря плоды «по осени» снимают!

Когда устав в пути находим трость,
Приходит старость, как незванный гость.
Земную мудрость нам

приносит старость –

И вместе с ней пророческую святость.
Стоим на страже нравов у людей,
Всему учить стараемся детей.
Как снег накрыла седина нам кудри,
А в снах лет юных вспоминаем бури.

Уже подходит путь к концу земной,
Остался каждый со своей судьбой.

Зиме присуща скупость,
бедность вялость,

Сравнима, с ней холодной,
наша старость.

Кинжал был чеченцу опорой и другом,
В беде находился всегда под рукой.
От страшных ударов сгибаясь упруго,
Берег он владельца, вступившего бой.

Где мир от войны отделен его гранью,
Мгновенно и звонко взлетал из ножен,
И, тускло мерцая узорчатой сталью,
Разить беспощадно его был закон.

Удары булатных клинков отражая,
– Не вздумай сломаться, –
себе он шептал.
– Зачем мне отделка нужна золотая?
Нужна мне надежная, крепкая сталь!

Судьба если в битве победу дарила,
Хозяину славу, почет уступал.
В народе молва о герое ходила,
А он новой схватки, в зазубринах, ждал.

Давно он ненужный для бранного дела,
Лежит беспокойно в потертых ножнах,
Но помнит – в сраженьях
как сталь его пела
И сеяла трепет во вражьи сердцах.

Он помнит, как гладил заботливо, нежно
Мой прадед ладонью его рукоять.
Как гордому Альби служил он прилежно,
В надежде свободу в горах отстоять.

Как в сорок четвертом, на долгие годы,
Его со слезами в земле закопал –
В той драме, когда выселяли народы,
Старик седоглавый бесследно пропал.

Потомки случайно клинок откопали.
Он власти ничьей над собой не признал.
Бездушный кусок Базалаевской стали –
В нем, вместе с хозяином, умер кинжал!

Сегодня, где доблесть и честь непонятно.
Век рыцарей славных назад не придет!
Не может никто объяснить ему внятно,
Зачем в чуждом мире игрушкой живет?

Когда-то в детстве, жить достойно
Учил без усталости отец.
Где ложь, где истина – спокойно
Он объяснял мне, как мудрец.

– Чтоб человеком стать на свете,
Потратить нужно много сил.
Пред богом и людьми в ответе
Я за тебя, – он говорил.

– Ты помни, вера нерушима.
Спешి помочь чужой беде.
Не проходи бездушно – мимо
Того, кто мучится в нужде.

Где ты силен, не будь, как камень.
В бессилье, тающем, как лед.
С врагами будь, как жгучий пламень.
С друзьями – сладостным, как мед.

Кто предал раз, предаст и дважды.
Ни перед кем не гни чело.
Твое добро к тебе однажды
С лихвой вернется, как и зло.

Смотри, чтоб за тобой по следу
Случайный недруг не ходил –
Взывай немедленно к ответу! –
Тебя кто нагло оскорбил.

Из-за богатств, душой убогим
Не стань – уж лучше нищим жить.
В своих желаньях будь ты строгим,
Нельзя людскую злость копить.

Не радуйся чужому горю,
Сегодня он, а завтра – ты.
Судьба – она подобна морю –
То шторм, то полный штиль воды...

Когда-то мужеству и чести
Учил настойчиво отец.
Жить без надменности и лести –
Готовый к схватке, как борец.

Летят секунды, дни, недели, годы –
С рожденья и до истинного дня.
Из наших жизней, как под землю воды,
Уходят и родные, и друзья...

Как много их, оставив жизни бремя,
Ушло, прожив им данные года.
И мы уйдем, когда наступит время,
Из чьих-то жизней, молча, навсегда.

Таков закон жестокий у природы –
То мы теряем, то теряют нас.
Как карты вынимает из колоды
Она нас с вами, и играет в пас!

Зачем, откуда мы на свет явились?
Куда же дальше наш проложен путь?
Без взяток в этом мире очутились –
Иные в небесах законы чтут!

Наш век, в сравненье
с вечностью, ничтожен.

Не мы фигуры значимые здесь.
Творец лишь знает,
смысл какой заложен
В кипящий мира жизненный процесс!

Течет спиралью жизнь на белом свете.
Кометы возвращаются к нам вдруг.
И Солнце, что восходит на рассвете,
Плывет по небу, на повторный круг!

Сгорю я в страданиях
Небесной звездой.
Оставлю в мечтаньях
Мир подлый и злой.

Уйду в бесконечность,
Вселенскую даль.
Там, в мире, где вечность,
Мне будет вас жаль.

Вернусь я молитвой
На ваших устах.
И праведной битвой
Я гряну в сердцах.

Сверкну я над вами,
Как свет-метеор,
Направив лучами
Всевидящий взор.

И молнией светлой
Блесну в мире мглы,
Иль яркой кометой
Зло выжгу с Земли.

Зажгу в небе факел
Меж светом и тьмой.
И буду, как ангел –
Хранитель Земной.

Казбек

Седой Казбек взирает в дали –
На Север, Запад, Юг, Восток –
Одевшись вечными снегами,
Могуч плечами и высок.

Кавказа страж, герой былинный,
Прошел эпохи и века.
С гранитных штоков пик вершинный
Вознесся ввысь, сквозь облака.

А с ледников, через теснины,
Текут потоки талых вод.
Цветут леса, цветут равнины,
Даруя дивный мир красот.

Течет на Север буйный Терек,
Неся с подножья холод льдов.
Напором режет тесный берег,
Как будто рвется из оков.

Владеют сей красотой природы
Ее отважные сыны –
Кавказа гордые народы,
Умельцы мира и войны.

Эльбрус

Эльбрус наш двуглавый,
Овеянный славой,
Гордится тобою Кавказ!
Покрытый снегами,
Окутанный льдами,
Вершин седоглавых ты князь!

Когда-то из жерла,
Сквозь облако пепла,
Ты в гневе огонь извергал.
Потоки из лавы,
Сметая преграды,
Неслись вниз, как огненный вал.

Со временем лава
Остыла, и пламя
Не плавит могучую грудь.
Завеса из пепла
Исчезла, и с пекла
Возник вдруг прекрасный этюд.

Белеют вершины,
И светятся льдины
На фоне небес синевы.
К ногам исполина
Скатилась лавина –
На зелень деревьев, травы.

Гранитные скалы
Питают слезами
Потоки рек Малки, Баксан.
С подножья в дорогу,
К Азовскому морю,
Берет свои воды Кубань.

Легенды и песни,
 Былины чудесны,
 Эльбрус, что слагают тебе!
 Кавказа народы
 Часть этой природы –
 За что благодарны судьбе!

Бескрайнее поле
 И трав океан.
 Здесь песню о воле
 Поет ураган.

Резвясь на просторе,
 Как дикий скакун,
 Зеленое море
 Гнет ветер-шалун.

Я тоже помчаться
 Хочу на коне.
 Бездумно отдаться
 Мятежной волне.

Схвачу я за гриву
 Руками коня.
 Пусть в сердце любимой
 Внесет он меня.

Где сладкое море
 И чувств океан,
 Нам стелет озера
 Волшебный туман.

Здесь ветер клянется
 В блаженстве не выть.
 В тиши конь пасется,
 Смирив свою прыть.

Про сплетни

О сплетнях особо хочу я сказать –
 Какой могут вред нам злоключные дать.
 Обычных в быту, сплетен вред не велик,
 От них мордобойство и яростный крик.
 О сплетнях-убийцах идет у нас речь –

Какой они могут пожар нам зажечь.
 И в мирное время, в жестокой войне,
 У бед в авангарде, предтечей резне.
 Крутятся в народе они, как сигнал,
 Что скоро начнется кровавый скандал.
 Всегда они служат зачинщикам смут –
 И тем, кто вливает в сердца наши муть.
 Им сплетни приносят богатств семена,
 Так было и будет во все времена.
 Исправить мы это не сможем – но так,
 Как было, оставить нельзя нам никак.
 Используют сплетни как цепь –
 нас, людей –

До цели дойти, расползтись побыстрей.
 И где ты звено, разорви эту цепь,
 Гони ее, чумную, в дальнюю степь.
 Что видел, то знаю – ты, людям скажи.
 Пустых разговоров всем вред докажи.
 Барана покажут тебе сдалека,
 Остригли ему, скажут, спину, бока.
 А ты только сторону видишь одну –
 Скажи, что остригли одну сторону.
 – Коль вы в разговорах не видите прок,
 Хотел бы увидеть другой его бок!

Черные ресницы,
 Выстроившись в ряд,
 Словно колесницы,
 Скрыли милой взгляд.

Верные ресницы,
 Полных тайн глазам,
 Посвятите, жрицы,
 В свой душевный храм!

Темные ресницы,
 Приоткройтесь чуть,
 Укажите, птицы,
 В сердце милой путь.

Знойные ресницы
 Мне волнуют кровь,
 Соберем крупичицы,
 Нежных чувств в любовь.

Страстные ресницы,
Мы найдем лазурь,
За чертой границы
Царства сладких бурь.

Робкие ресницы
Прячут изумруд.
На лице зарницы
Пишут гроз этюд.

Жгучие ресницы,
Томно-нежный взор,
Спрятали в зеницы
Цвета алых зорь.

Влажные ресницы,
Хрупкий жемчуг слез,
Капает в страницы
Книги наших грез.

Милые ресницы,
Вижу, вашу грусть.
Два крыла синицы,
Пусть мне машут, пусть.

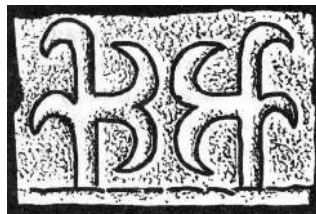
Ты пришла ко мне прохладой
Ветра в душный, знойный день –
Сердцу ждущему, наградой –
Как в пустыне пальмы тень.

Помню, помню, что в надежде
Сладкой тешилась мечта.
Незнакомые мне прежде
чувства – думал, навсегда.

Вдруг для скорби грянул повод.
В сердце лишь остался стон.
Жизнь ужалила, как овод,
Превратилась в мутный сон.

Видел я, затмили слезы,
Блеск твоих красивых глаз.
Расцвели цветки мимозы
Для меня в последний раз.

И исчезла... струйкой дыма,
Растворилась в хмуром дне –
Та, что сильно мной любима,
С грустью руку сжала мне.

Фольклористика

Саид Мусхаджиев

Шейх Мансур в адыгском фольклоре

Мое внимание всегда приковывал фольклор с героическими песнями и историческими преданиями. Чем дальше от нас эпоха, тем меньше следов обнаруживается в устной словесности. Живой фольклор уходит в небытие перед натиском информационных коммуникаций, для которых актуальна не межпоколенческая трансляция устных традиций, а хайп и желание произвести сиюминутное впечатление «здесь и сейчас».

Давным-давно читал одно из первых грозненских изданий после восстановления Чечено-Ингушетии в 1957 г., посвященное культуре вайнахов. В предисловии обнаружил слова Муслима Гайрбекова о шейхе Мансуре как «герое из эпических песен», но, к сожалению, в опубликованном чеченском фольклоре ничего подтверждающего эти слова не нашел. Возможно, поколения, помнящие период до депортации, слышали упоминания в илли/назмах имама из Алдов, но не придавали этому особого значения.

Времена были нелегкие, отношение к Ушурме у власти всегда было противоречивое, но одно несомненно: он всегда оставался в памяти народа. В конце 80-х гг. прошлого века беседовал с одной из старейших жительниц Мескер-Юрта Маккой Хадисовой из тайпа Ширди (Хали-некъе), которая была ровесницей XX в. и обладала феноменальной памятью. Она с большим воодушевлением вспоминала предания о шейхе Мансуре, бытовавшие в ее юности, и свой рассказ закончила такими словами: «Ушурма из Алдов был имамом, опередившим свое время». Дополнительное подтверждение народной памяти о герое я обнаружил в публикациях и комментариях нашего друга по фейсбуку Абдул-Межид Кадырова. Когда шло обсуждение традиционного горского плуга (нохь) и его деталей, он вспомнил: «Шайх Мансурах лаьцна илли хилла олий, дуйцура дедас. Алдера тIамехь дийна бисинчу салтешка хаьттича: «ХIун герз дара нохчашкахь шуна тIедетташ дерг?» – «ЦIийдина пхатъоданаш дара», – аьлла, жоп делла бахара». (Дед рассказывал, что было илли про шейха Мансура. Когда уцелевших после Алдинского сражения солдат спрашивали, какое оружие против вас использовали чеченцы?», они отвечали: «Раскаленные пхатоды»). Признаюсь, что слово «пхатъода» (нож старинного железного плуга) для меня было открытием...

Одним из крупных и замечательных исследователей периода движения Мансура был доктор исторических наук, профессор ЧГУ и академик АН ЧР Шарпудди Ахмадов (Дала гечдойла цунна!), который с 1960-х гг. серьезно занимался этой темой под руководством известного советского кавказоведа Н. Смирнова. Несмотря на зигзаги «официальной историографии» и теоретические

изъяны марксистской методологии, Ш. Ахмадов до конца своей жизни был верен избранной научной проблеме. В моем архиве есть статья профессора Ш. Б. Ахмадова, написанная им в молодые годы (1970-е гг.), где он пытается развенчать концепцию о Мансуре как об «агенте турецких властей». Имама Шамиля, если помните, тоже объявляли «ставленником султанской Турции и английских колонизаторов». Расул Гамзатов даже жирную поэтическую печать поставил под этой лжеконцепцией. Правда, потом раскаялся, но из песни слов не выкинешь... На последней нашей встрече в национальном музее ЧР, где был и потомок рода Шаабазан Ушурмы Ибрагим Умархаджиев из Алды, на мой вопрос о фольклорном аспекте исторической памяти Шарпуди Ахмадов честно признался, что, увлекшись работой с архивными документами и литературой, упустил в свое время поиск фольклорного пласта о Мансуре, хотя его научный наставник рекомендовал обратить на это пристальное внимание. В реконструкции исторических портретов известных деятелей прошлого очень важно обратить внимание на фольклорное составляющее, которое представляет собой «народный образ героя». К счастью, нам удалось реконструировать забытую адыгскую героическую песню о первом имаме Кавказа – шейхе Мансуре, которая вплоть до нот была записана английским эмиссаром Эдмондом Спенсером в нач. 1830-х гг. в доме темиргойского (один из западноадыгских субэтносов) аристократа Каплан-Гирея (потомок крымско-ханского рода Гиреев, ставший черкесом). Сегодня солисты фольклорной группы из Шовгеновского района Адыгеи эту песню включили в свой репертуар историко-героических песен. Опсэу (спасибо) моим друзьям Зауру Юсупову и Казбеку Нагарокову из аула Хакуринохабль! Во время нашей последней встречи Шарпуди Бачуевич поблагодарил меня за монографию, где я попытался связать духовное, географическое и этнополитическое пространство Сев. Кавказа «от Дербента до Анапы», а также исследовать общее и особенное в идеологических доктринах кавказских лидеров от шейха Мансура до имама Шамиля. Мне легко было выполнить эту задачу, потому что Кавказ для меня единое, многоликое и богатое полотно, напоминающее великие творения Франца Алексеевича Рубо. Рубо – русский художник, который родился в Одессе в семье француза и получил внушительный заказ от самодержавия нарисовать героизм и славу русского завоевания Кавказа. Кто-то найдет в этих произведениях героизм и отвагу русского солдата, а кто-то смелость и несокрушимость духа горцев, кто-то задумается над масштабом трагедии людей и народов, вовлеченных в войну. Война есть пища для мифов и творчества, но никогда она не была и не может стать мостом добра и дружбы...

«Удивительно, как мало известно в Европе о подвигах этого великого вождя, столь прославленного в длительных и разрушительных войнах России против жителей Татарии и Кавказа, и кто, когда мы рассматриваем значительность власти, против которой ему пришлось бороться, и «дикие орды», которые ему пришлось организовать, заслуживает занять свое место среди благороднейших патриотов, которые когда-либо украшали любую страну. Русские, чья темная политика всегда закутывала туманом все, связанное с Кавказом и Крымской Татарией, просто

описывают его как некоего Магомета, или лжепророка, тогда как историки Персии и Турции с уважением упоминают его военные таланты, чрезвычайную храбрость и преданность делу страны и всегда представляют его как самого неукротимого и грозного врага, с которым России когда-либо приходилось бороться на Кавказе. Если мы поверили хотя бы наполовину тому, что сообщают нам традиционные песни бардов, он, должно быть, был неким Александром в доблести, Локманом в мудрости и Макиавелли в политике. Действительно, таково благоговение татар, черкесов и лезгин к его памяти, что даже к сегодняшнему дню самый незначительный след, который принадлежал ему, ценится как драгоценность. Каждое из его убежищ на Кавказе – мало того, каждое место, где он поселялся на временное жительство, считается святым», – пишет в своей книге «Путешествие в Черкесию», изданной в 1838 году в Лондоне, Эдмонд Спенсер, английский капитан, путешественник. Приводим отрывок из этой книги:

«...Далеко от мира, от войны, от борьбы,
Он здесь, в мире и молитве,
Проводит годы своей чистой спокойной жизни,
Только небеса заботятся о нем.
Пусть, Мансур, твоя память будет блаженна,
До тех пор, пока время не перестанет быть,
Для сынов Татари и иностранного гостя,
Для всех смелых и свободных.

– Но, Каплан-Гирей, есть ли что-нибудь в твоей душе, чем скоротать время скуки в лагере? – обратился демирхойский вождь к старому татарскому барду, которому, во всяком случае, было уже 80 лет. – Неужели ты не расскажешь иностранному хакиму, который недавно был гостем твоего народа, немного о военных подвигах нашего прекрасного пророка и вождя Элиях Мансура, того, с кем ты говорил лицом к лицу и боролся бок о бок?

– О доблестный вождь! – ответил старый солдат со слезами, текущими из глаз. – Просто ли воспоминание о нашем пророке – величайшем из всех татар после Чингиз Хана?! Наша кровопролитная борьба с москвитями, которая истребила население Крымской Татари и разбросала ее бездомных сыновей на все стороны света вызывает новую боль к тем печалям, которые омрачили всю жизнь от того мрачного времени, когда я видел пересеченное красным крестом знамя, плывущее над домом моих предков. Тем не менее, я буду стараться пробудить дух песни через истину, которая долго спала под грузом заботы и бедствия».

Текст черкесской песни об имаме Кавказа Мансуре

Тому храброму вождю я пою песню,
Тому, кто всегда был венцом побед;
В устах ребенка и песенках менестреля,
Его имя будет восславлено –
Шелел-Эддин!

Он был рожден, чтобы попрасть гордость Москвы,
Ввергнуть ее в прах;
Он боролся, он побеждал, близко и далеко,
Ту северную проклятую расу –
Шелел-Эддин!

Говори! Мансур, говори! Почему ты оставил
Детей твоих воинов сиротами,
Твое сильное оружие и присутствие похищено,
Под московским игом стонет!
Шелел-Эддин!

Твое имя было надеждой, твое имя было радостью
Для военных отрядов татар:
Оно светило как золото без примеси,
Оно горело как земля Адина.
Шелел-Эддин!

Лишенная своего детеныша, тигрица видит
Как сильно она скребет лапой землю,
Но дальше был Мансур,
Он оставил смерть и руины вокруг.
Шелел-Эддин!

Быстрый олень скачет от горы к горе,
Ни одна стрела не подобна его полету;
Но шаг Мансура был быстрее все же
Когда он вел в бой.
Шелел-Эддин!

Его черный военный конь прочесывает равнину,
К которой другой вождь никогда не пробьется;
Его хозяин бряцал кольчугой пленника;
Эта лошадь уже не живет.
Шелел-Эддин!

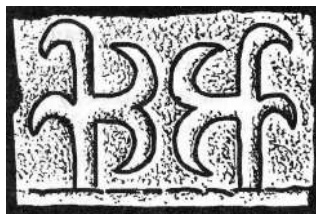
Проклятое войско Москвы захватило
Нас самих, наших отцов землю;
Спи, Мансур! Спи! Подвиг сделан!
Твой народ – их добыча!
Шелел-Эддин!

Мы стоим на коленях, мы молимся,
О Москва, слушай!
Где ты его скрываешь,
Человека, чье присутствие изгоняло страх,
Свет без тени!
Шелел-Эддин!

Содержат ли эти темные башни, грязный дом,
Окруженный водянистыми стенами
Вождя, которого мы оплакиваем,
К которому зовет каждый татарин?
Шелел-Эддин!

Эти неприступные ворота один раз закроются,
Ни один пленник не выйдет, чтобы поведать
Свои беды, свои несчастья,
Тайны своей камеры.
Шелел-Эддин!

Затем, Аллах, пусть твои молнии убьют
Врага, которого мы проклинаяем и ненавидим!
Пусть стервятники пожирают их плоть!
Ибо смерть была судьбой Мансура.
Плачьте! Татары, плачьте!

¹ Эдмунд Спенсер, добравшись до Черкесии с помощью турецких контрабандистов, представился генуэзским врачом.

² Бард здесь намекает на Шлиссельбург, хорошо известную государственную тюрьму в окрестностях Санкт-Петербурга, куда Шейх Мансур, когда его захватили, был заключен.

Залпа Берсанова

Сын полка

«В разгар боя рядом со мной с винтовкой в руках оказался четырнадцатилетний подросток Ваха Алиев, который служил в одном из сабельных эскадронов. Как он попал на фронт мне до сих пор неизвестно. Наши бойцы называли его сыном эскадрона. И тогда же приказал определить его в хозчасть. И сейчас я удивленно спросил его по-чеченски:

– Ваха! Ты как попал сюда? Почему ты не в хозчасти?

– Товарищ капитан! Я попросился на фронт, чтобы быть врага, а не в обозе сидеть.

– Ну а немцев-то ты видишь? – спросил я с улыбкой.

– Вижу... Вон они туда-сюда бегают.

– А стрелять ты умеешь?

– Еще как умею!

Я подвинулся к нему ближе и сказал:

– А ну прицелься и стреляй в тех немцев, которые «туда-сюда бегают».

Ваха дослал патрон в патронник и сделал выстрел, второй... Посмотрел: дуло его винтовки почти под углом в 45 градусов стреляло в небо.

– Э-э, Ваха, – сказал я ему. – Куда же ты стреляешь? Думаешь, фашисты в воздухе висят?

– Я же на мушку правильно смотрю...

– На мушку-то ты правильно смотришь, а вот про прорезь прицела забыл. Эх ты, вояка!

Пришлось прямо на поле боя учить молодого бойца, как фашистов брать на мушку через прорезь прицела...

...Под вечер умолкли орудия, прекратился и минометный огонь. В блиндажах и окопах бойцы горячо обсуждали итоги боя. Я рассказал бойцам о бое у Болкуны в июне 1941 года. Ваха Алиев не сводил с меня глаз и внимательно слушал. Потом дрожащим от волнения голосом спросил.

– Товарищ капитан, вы меня оставите на передовой?

– Так ты же плохо стреляешь! Фашистов в небе видишь.

– Товарищ капитан, – горячо сказал мальчик, – я уже хорошо стреляю из винтовки. Иса Чалаев обещал научить меня стрелять еще и из пулемета. Я даже помогаю ему набивать ленты.

– Хорошо, Ваха, но на передовую тебе еще рано. А пулемет изучай, – ответил я мальчику».

Этот маленький эпизод из книги «От Терека до Эльбы» Мовлид Висаитов завершил словами: «До ноября 1942 года Ваха Алиев находился в личном составе полка. С моим переходом на должность начальника кавалерийских курсов вестей о судьбе мальчика я не получал».

Не знал, да и не мог знать капитан Висаитов, что после боев близ Сталинграда

фронтные дороги этого худощавого, но напористого подростка пролягут от Тулы и Белоруссии, а закончится его служба в армии ссылкой в Магадан...

...Было это в начале войны, летом 1941-го. Война дошла до Грозного только в виде повесток в военкомат, первых похоронок, мрачным стуком явившихся в дома некоторых грозненцев, и вестей с фронта, которые жадно ловили жители, слушая у репродукторов сообщения от Советского Информбюро. Здесь по-прежнему царила мирная жизнь, но все разговоры были лишь о войне...

В маленьком сельском домике местный сапожник Амир чинил обувь. Его жена Петмат пекла хлеб, тихо вздыхая о чем-то своем. Дети крутились рядом в ожидании ужина. И вдруг старший из сыновей – Ваха – спросил, внимательно глядя в глаза матери: «Мама, а если бы твой сын ушел на фронт, что бы ты тогда сделала?»

Отец внимательно посмотрел на мальчика, оторвавшись от своей работы, но ничего не сказал. Петмат вздрогнула от неожиданного вопроса сына, а потом ответила: «Я бы умерла от горя!»

Петмат была счастлива, что ее сыновья еще дети, и, как всякая другая мать, втайне надеялась: пока они подрастут, война уже закончится.

Она и не догадывалась, что ее любимец Ваха частенько бежит в военкомат, с завистью смотрит на добровольцев и продумывает способы, как бы обмануть строгих дядек из военкомата, чтобы вместе с другими попасть на фронт.

В конце концов Ваха просто сбежал на фронт, примкнул к какой-то части и начал свой боевой путь.

А путь этот был нелегким. На войне и не бывает легких дорог. Холод, голод, жизнь в землянках, смерть, подстерегающая на каждом шагу. Наверное, когда задумал бежать на фронт, Ваха все представлял себе по-другому. Наверное. Но о содеянном он никогда не жалел. И ни разу не ударил лицом в грязь. Ни разу не показал слабость, не выдал страх, который естественно овладевает любым нормальным человеком, тем более мальчишкой, когда смерть кружит совсем рядом.

В какое бы воинское подразделение Ваха ни попадал, везде он умел завоевать любовь и уважение к себе. Все общались с ним на равных, хоть и называли его сыном полка. Однополчане, среди которых были и русские, и казахи, и украинцы, и прибалтийцы, ласково окрестили его Володей.

Дальше была важнейшая операция советских войск по форсированию Днепра в сентябре 1943 года. Ваха был в числе первых, кто перебрался на противоположный берег реки.

Казалось, теперь можно немного отдохнуть после такой тяжелой переправы. Но вдруг случилось непредвиденное. Один из высших чинов собрал воинов из разных частей и сообщил: «У нас ранен генерал. Он может не дожить до утра. Поэтому нужно срочно переправить его обратно, на тот берег. Есть среди вас добровольцы?»

– Я! – не мешкая произнес Ваха, выходя из строя.

Тут его одернул земляк Бациев Хамид из Урус-Мартана, который все время опекал Ваху, как младшего: «Зачем тебе это надо? Здесь есть постарше тебя».

Действительно, Вахе на тот момент было неполных семнадцать лет.

«Если бы кто-нибудь раньше меня вызвался, у меня разрыв сердца случился бы!» – скажет потом Ваха Хамиду.

Раненого генерала тут же уложили в лодку, подстелив плащпалатку, сверху зафиксировали доски, на которых расположился Ваха с веслами. Парнишку тоже прикрыли досками, чтобы максимально уберечь от немецких пуль.

Когда лодка доплыла примерно до середины Днепра, начался бешеный обстрел со стороны немцев. Лодку начало бросать из стороны в сторону. И тогда Ваха выкинул в воду все доски и стал отчаянно грести.

Командование внимательно наблюдало из биноклей за этой переправой. Очень сильно переживали и за раненого генерала, и за юного Ваху, который взял на себя такую трудную и опасную задачу.

На противоположном берегу, куда чудом удалось добраться обессилевшему Вахе вместе с раненым генералом, весь плацдарм был усыпан войсками, техникой, готовящейся к форсированию реки. Стрелять строго запрещалось. Но у Вахи не было иного выхода, чтобы обратить на себя внимание. Он дважды выстрелил в воздух. К нему тут же подбежали, но, увидев раненого генерала, стали спешно поднимать его. Как выяснилось, в ходе переправы генерала ранило еще раз. В лодке появилась пробоина от снарядов, которую генерал на всем протяжении пути затыкал плащпалаткой.

По некоторым данным, спасенный Вахой генерал был личным другом Рокоссовского. Они вместе отбывали срок до войны, попав под жернова сталинских репрессий.

Этот генерал стал опекать своего юного спасителя. Как отличившийся в боях на плацдарме у реки Днепр под городом Канев, Ваха Алиев был принят в кандидаты в ВКП (б). За эти же бои он был дважды представлен к наградам: Орденом Отечественной войны и Орденом Красной Звезды.

Ваха участвовал в боях за освобождение Белоруссии. Освобождали Молодечно, Хатынь. И везде Ваха был на передовой. Несмотря на юный возраст, был назначен командиром взвода.

Один из Вахиных сослуживцев – Н. П. Шпурик вспоминал: «Познакомился я с Вахой Амировичем в тульских лагерях, где комплектовались воинские части, в апреле 1944 года – до отправки на фронт в Белоруссию, под Витебск. Мы жили вместе в одной землянке, в которой находились примерно 7-8 офицеров. В июне наш полк вместе с другими частями, погрузившись в эшелоны, был направлен на 3-й Белорусский фронт.

Ваха был очень хорошим товарищем во всех отношениях. Даже после несчастного случая, который произошел в нашей землянке, я относился к нему с уважением, хотя мы и были разной национальности и разного темперамента.

А дело было так. После занятий по стрельбе мы пришли в землянку и начали чистить оружие.

Вдруг раздался выстрел. Этим выстрелом лейтенанту Олейникову была прострелена нога у пяточной кости. Выстрел был из пистолета Вахи. Он сидел рядом с Олейниковым и чистил оружие.

Олейников к Вахе никаких претензий не предъявил, и они не ругались, не упрекали друг друга. Хотя рана оказалась довольно серьезной. Костя Олейников

лечился в течение месяца. Затем вернулся в часть и воевал до самой победы».

Так, невзирая на обиды, неурядицы и недоразумения, росло и крепло фронтовое братство тех, кого судьба свела на нелегких дорогах войны. И радости, и горести все здесь делили поровну, как хлеб и махорку. Обрекая людей на тяжкие испытания, война выверяла, кто чего стоит. И эта жесткая оценка не измерялась ни наградами, ни наказаниями. Награды порой находили не тех, кто их заслужил. А наказания тяжким бременем ложились на тех, кого слава должна была вознести на свой пьедестал.

Ваха на глазах превращался из мальчика в мужчину, а военное время ускоряло этот процесс. Как и многие другие, он не щадил своих сил, чтобы хоть на день, хоть на миг приблизить час Победы. И до него, казалось, оставалось так мало по сравнению с тем, сколько пройдено, когда дошла до фронта нелепая по своей сути и чудовищная по несправедливости весть: чечено-ингушский народ депортирован «за сотрудничество с фашистами».

Ваха узнал об этом из письма брата. Он несколько месяцев не получал вестей из дома. Но вот наконец пришло письмо: брат рассказал о выселении, о погибших родственниках.

От глубоких переживаний Ваха не мог заснуть. Встречались за годы войны и предатели, и дезертиры, и трусы, и фашистские пособники. Но чтобы целый народ! И какой народ... Народ, который дал фронту столько героев, столько самоотверженных бойцов! Боль и гнев смешивались с чувством обиды, досады, бессилия. Эту бессонную ночь Ваха будет помнить всю жизнь. Ночь, которая перевернула его жизнь, круто изменила судьбу. Ночь, которая чуть не стоила ему жизни...

Под утро, измученный этими безрадостными мыслями, он хватает ручку, и хлесткие, безжалостные строки, разящие, как кинжал, ложатся на бумагу. Слова, застывшие на устах сотен тысяч, слова, которые многие боялись произнести вслух даже наедине с самими собой, сын полка с юношеским максимализмом и прямоотой адресовал самому вождю народов.

Будь он рядом, Ваха не побоялся бы бросить все эти слова ему в лицо: «...Мы служили Родине верой и правдой, не жалея жизни во имя победы. Тысячи моих земляков остались лежать на полях сражений от Бреста до Сталинграда, а Вы назвали нас предателями. Мой народ никогда не простит Вам этого!

В то время, пока мы погибали за Родину, Вы расправились с нашими матерями и сестрами, не пощадили даже стариков и детей...»

Наверное, зная, что ожидает его за это письмо, он не стал ни с кем делиться, чтоб не подвергать опасности боевых друзей.

Ответ не заставил себя долго ждать. Он был безжалостным и коротким: «Расстрелять...»

Объявление командира взвода, заслуживавшего всяческих наград, врагом народа и его арест стали для всех полной неожиданностью.

«Было это в Белоруссии. Перед началом боевых действий проводилось собрание коммунистов, офицеров, – вспоминал один из сослуживцев Вахи. – Собрание проводилось в окопах. И вдруг, прямо во время собрания, работник особого отдела (СМЕРШ), не помню его фамилии, арестовывает Ваху и уводит. Сначала мы

думали, что его взяли за тот злополучный выстрел в Олейникова. И лишь спустя месяц я узнал, что его нация репрессирована. А Ваха объявлен врагом народа. Даже после этого ареста мы, офицеры, не верили, что Ваха – враг народа».

Ваха был приговорен к расстрелу по статье ИР (измена Родине). В то время с правдой расправлялись просто, не церемонясь с тем, кто ее сказал: умудренный жизнью старец или безусый юноша.

Но, к счастью, не все становятся подонками даже в то время, когда подонком быть легко и выгодно.

К счастью, не все слепо исполняют приказы подонков, хотя такое своеволие может стоить им жизни.

Ваху несколько месяцев прятали в подвалах, тайком лечили (у него было осколочное ранение). Командир полка Барвинский хлопотал перед отделом контрразведки, чтобы спасти жизнь В. Алиеву. Замначальника этого отдела майор Кузнецов, старший следователь капитан Спиринов срочно подготовили документы, по которым Ваха проходил как враг народа, а не как изменник Родины. В этом случае у него был шанс избежать расстрела. Но Ваха категорически отказывался подписать эти бумаги – не хотел признавать себя врагом народа.

– Подпиши, сынок! Только живи! – добивались от него Кузнецов и Спиринов. Но Ваха был непреклонен.

«И тогда Спиринов обратился с тем же вопросом к другому допрашиваемому в моем присутствии, и, когда этот человек во второй раз отказался признать себя виновным, капитан подал команду старшине Волкову: «По изменнику Родины – огонь!»

Как и рассчитывал Спиринов, на Ваху этот показательный расстрел произвел сильное впечатление. И он, наконец, подписал документы, дающие ему шанс на жизнь.

«25 июля 1944 года по материалам, вымышленным Спириновым и принятым мной на себя, я был осужден», – рассказывал Ваха в письме на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова [с. 93] (А.К. Соколов, В.С. Тяжелникова. Курс советской истории 1941-1991. М., изд-во «Высшая школа». 1999 г. с. 93).

Ваха был приговорен к пожизненному сроку, без права переписки. Когда подвернулся этап, отправляющийся в Сибирь, его отправили вместе с этим этапом.

...Долгие версты в неизвестность. Оглушительная тишина после ежечасного рева снарядов и свиста пуль. Безысходное одиночество вместо фронтового братства. Презрение и участь врага народа вместо всеобщей любви и уважения... Тяжело смириться с мыслью, что ты в одной упряжке с теми, кого вчера еще презирал за предательство и сам с удовольствием поставил бы к стенке. Ты теперь – такой же... и никому ничего не можешь доказать. Да и кому это нужно? Сослали как врага – значит, враг. Здесь все равны: и уголовники, и дезертиры, и писатели, и артисты, и вчерашние герои войны. Здесь для всех одно общее название – каторжник. Различие только в номерах, нашитых на спецодежду. Плюс ко всем унижениям – труд. Не тот труд, что источник радости. А труд каторжный, изнуряющий и отупляющий.

Стела на улице имени Вахи Алиева.

Фронтная жизнь, где холод и смерть тоже рядом, казалась теперь сладким воспоминанием. Там знали, за что погибали. И после очередного боя, помянув погибших товарищей, повторяли как заклинание: «Родина его никогда не забудет. Он надолго останется в наших сердцах».

А здесь, на лесоповалах и приисках, падали как подкошенные, и их наспех зарывали в землю безо всяких почестей, не Ивановы и Петровы, а номер такой-то и такой-то...

Ослабевший становился очередной порцией для каторжников, превратившихся в людоедов. Его выслеживали, убивали, а потом съедали.

Ваха был опухший от голода, еле передвигался на ногах. К тому же сказывались раны, полученные на фронте (с осколком в теле, который нельзя было извлечь, он так и проживет до конца своих дней). Казалось, дни его были сочтены. Но, к счастью, в это время представители лагерного начальства ходили по баракам, искали людей с медицинским образованием. По этапу прибывало все больше и больше заключенных, а медперсонала для их обследования не хватало.

Ваха должен был подняться на 4 этаж, куда его пригласили для собеседования. Это было для него непреодолимой преградой. По воспоминаниям Вахи, на лестницу в 4-5 ступенек он поднимался несколько часов – настолько он был ослабший.

К счастью, его вскоре накормили. Из общего барака перевели в скромный домик. Спецодежду сменили на белый халат.

Скольким людям облегчили безрадостную каторжную жизнь умелые и заботливые руки Вахи – один Бог ведает. Человек он был скромный, тем более не любил вспоминать годы ссылки. Став фельдшером, он узнал лагерную жизнь с другой стороны и увидел всю глубину трагедии, постигшей тех, кто сюда попал. Люди специально отмораживали себе конечности, калечили себя для того, чтобы хотя бы на время попасть в лазарет.

Ваха старался помогать заключенным – отправлял в госпиталь, чтобы человек мог отдохнуть, обессиленным давал справки, освобождающие на несколько дней от работы.

В 1953 году смерть тирана вселила в заключенных веру в скорейшее освобождение. Действительно, многих тогда освободили. Вахе пришлось ждать желанного освобождения еще целый год. Этот год был длиннее тех девяти, что он уже отбыл. Ваха даже не подозревал о том, что его бывшие однополчане – Гипич из Краснодара, Сальников из Одессы, Склярков из Киева, Ибрагимов с Урала – хлопчут о его освобождении. Пишут письма во все высшие инстанции, рассказывают о боевых подвигах Вахи, доказывают незаконность его наказания.

В 1954-м, благодаря хлопотам однополчан, Ваху освободили. Но вернулся он не домой, не в родную Чечено-Ингушетию, а в Киргизию, где находились его родственники. До реабилитации его народа оставалось еще три года.

Тысячу раз рисовал он в своем воображении встречу с родными. Но даже в мыслях не допускал, что не встретит его у порога отец. Что не суждено ему будет обнять ослабшего старика. Мир умер за два года до возвращения сына.

После встречи с родственниками бывший сын полка первым делом стал разыскивать своих однополчан. Некоторых из них удалось найти сразу. А полковника Н. А. Гипича Ваха разыскивал 34 года! Встретился с ним совершенно случайно в Волгограде на встрече ветеранов. Гипич, оказывается, проживал совсем недалеко от Грозного – в Краснодаре. Сразу же после встречи Гипич пригласил Ваху в гости. Здесь же, в Краснодаре, жил и другой их однополчанин – генерал Манжура. Гипич с Вахой пошли к нему в гости. Радости генерала не было предела...

Из воспоминаний дочери Вахи Амировича Алиева – Зареты Алиевой: «Это и мои личные переживания, и самое яркое воспоминание моего детства – встреча ветеранов 3-го гвардейского Сталинградского Механизированного корпуса (3 ГСМК), приуроченная к 35-летию освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Тогда, в колонне освободителей, шагал по улицам Минска, Молодечно, с. Красное и мой отец – Алиев Ваха Амирович, а рядом, шумной стайкой, шли мы – дети и внуки героев – Юля из Москвы, Марина из Пензы, Айман из Алма-Аты.

На недолгие полвека жизни моего отца выпало немало тяжелых испытаний, из которых он выходил с подобающим чеченцу, да и просто Человеку, достоинством. Этим, наверное, и объяснялось трепетное отношение к нему людей... Боевой путь папа начал четырнадцатилетним подростком на Кавказском фронте под началом легендарного героя Великой Отечественной войны Мовлида Висайтова, который со своим подразделением первым вышел на Эльбу в апреле 1945 года. ...Бойцы называли его «сыном эскадрона». Его военная дорога пролегла через Украину, где он участвовал в знаменитой операции по форсированию Днепра, Белоруссию, Прибалтику, через Сталинградскую битву, битву на Курской дуге. В 17 лет Ваху Алиева не раз представляли к государственной награде за мужество.

Ни на минуту не забывал папа своих однополчан, с кем в дни военного лихолетья делил кусок хлеба и промерзший пол в сыром окопе. Страна готовилась отметить 35-летие освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков. Отец жил ожиданием встречи с боевыми товарищами. Тогда мне не хотелось ехать. Но отец настаивал, уверяя меня, подростка, что это будет самое яркое событие в его и моей жизни. Его слова оказались пророческими. Никогда не забыть его волнение

на перроне Минского вокзала, затем в г. Молодечно, где проходили главные торжества. Папа очень переживал, узнают ли его однополчане через 35 лет, ведь тогда он был совсем юным, безусым бойцом, самым маленьким в полку, а теперь – пятидесятилетний седоволосый человек, время от времени подправляющий седые усы. В центре города перед гостиницей стояли ветераны, сверкая наградами, не стыдясь своих слез. Когда до этой многочисленной толпы оставалось 100 метров, из нее выбежали несколько человек с криками: «Володя!» (так его называли в родном полку). Опасения отца оказались напрасными – даже седым и усатым его узнали».

Каждый год однополчане встречались в Волгограде. А между этими встречами – теплые письма и телеграммы друг другу. Дня 9 Мая все ветераны ждали с нетерпением. Но с каждым годом все меньше и меньше становился круг Вахиных однополчан...

В 1980 году впервые не было на встрече в Волгограде и самого Вахи. Последствия ранения и десятилетней каторжной жизни не могли не отразиться на его здоровье. Болел Ваха долго. Его супруга Айна, брат Шарпуддин, первый доктор медицины из чеченцев, сын Тимур и его жена Макка, которые тоже стали врачами, не отходили от Вахи и делали все возможное, чтобы продлить его жизнь...

Мрачным осенним днем 1979-го из разных уголков страны прилетели на похороны своего друга однополчане Вахи: Ибрагимов с Урала, Сальников из Одессы, Гипич из Краснодарара, СклЯров из Киева.

А те, кто не смог приехать, слали телеграммы: «Глубоко скорбим и искренне соболезнуем...»

...2000 год. На 20-м участке города Грозного среди развалин дома № 12 по улице Кронштадтской – полуобгоревшие письма из семейного архива Алиевых: от Гипича из Краснодарара, Сальникова из Одессы, СклЯрова из Киева, Ибрагимова с Урала. В этих пожелтевших от времени и пропахших копотью письмах – будто немой укор тем, кто вдруг ослеп от взаимной ненависти в разгаре бессмысленной войны, теплые слова и трогательная забота друг о друге: «Спасибо, Володя, что достал мне путевку в Сочи. Но мне бы хотелось, чтобы ты сам отдохнул и подлечился. Тебе это больше необходимо, чем мне»... «Слышал, что ты опять болел. Ты не умеешь себя беречь»... «Посылаю тебе грибы. Мы с женой специально для тебя засушили...».

P.S. Увидев в соцсетях материал о Вахе Алиеве, к автору этих строк обратился сын Николая Гипича Геннадий – с просьбой помочь ему разыскать семью Вахи. Сын Вахи Чингис является предпринимателем, часто бывает в Москве. Геннадий Гипич проживает в Москве, работает заместителем Генерального директора ОАО «Авиатехприемка», имеет звание профессора, степень доктора технических наук.

Сыновья боевых друзей – Вахи Алиева и Николая Гипича – встретились в Москве. Встреча была очень трогательной. Геннадий Николаевич прослезился: «Отец просил меня разыскать семью Вахи. Я рад, что выполнил его завет».

На память о встрече Геннадий Николаевич подарил Чингису часы.

Сыновья фронтовиков решили совершить поездку по местам боев, в которых участвовали их отцы.

– А потом я обязательно приглашу Геннадия Николаевича в Чечню. Хочу, чтобы он увидел нашу прекрасную природу, возродившиеся из пепла города и села, – говорит Чингис.

